

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Еремина Юлия Анатольевна

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ МАТЕРЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА
С РАЗНОУРОВНЕВЫМ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

19.00.13 – Психология развития, акмеология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук, доцент
Корытова Галина Степановна

Томск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИНСКОГО КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ.....	16
1.1 Копинг-поведение как предмет научного исследования	16
1.2 Современные исследования особенностей семейного копинга.....	31
1.3 Трудности материнства и совладающее поведение в отношениях с детьми раннего возраста	41
Выводы по главе 1.....	49
ГЛАВА 2 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАТЕРИНСКО-ДЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ РЕБЕНКА	52
2.1 Особенности психосоциального развития ребенка раннего возраста ...	52
2.2 Материнское поведение как фактор психосоциального развития ребенка в раннем детстве.....	64
2.3 Феноменология раннего материнского копинга	75
Выводы по главе 2.....	84
ГЛАВА 3 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО- СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕГО МАТЕРИНСКОГО КОПИНГА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ РЕБЕНКА... ..	87
3.1 Организация и методы эмпирического исследования.....	87
3.2 Результаты диагностического изучения психосоциального развития детей раннего возраста	102
3.3 Особенности копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития.....	112
3.4 Структурно-содержательная организация раннего материнского копинга.....	145
3.5 Результаты эксперимента, формирующего эффективный модус раннего материнского копинга.....	168
Выводы по главе 3.....	185

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ	192
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	195
ПРИЛОЖЕНИЕ А Примерный перечень вопросов диагностического интервью	218
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Индивидуальная карта матери ребенка раннего возраста	220
ПРИЛОЖЕНИЕ В Сводная таблица условных обозначений и сокращений названия психодиагностических методик и их шкал	221
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Таблицы оценки значимости статистических различий между группами детей.....	222
ПРИЛОЖЕНИЕ Д Таблица статистической изменчивости диагностических признаков в материнских подгруппах.....	223
ПРИЛОЖЕНИЕ Е Схемы факторных моделей раннего материнского копинга в зависимости от уровня психосоциального развития детей	224
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж Таблица результатов факторного анализа	228
ПРИЛОЖЕНИЕ И Краткое содержание программы «Ранний материнский копинг».....	229
ПРИЛОЖЕНИЕ К Таблицы оценки статистической значимости различий между экспериментальной и контрольной группами до и после экспериментальных воздействий	234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Определение оптимальных путей развития и поиск возможностей нивелирования негативного воздействия современного уклада жизни на подрастающее поколение, инициированное масштабностью и стремительностью социально-экономических, политических и культурных изменений, происходящих в настоящий момент в Российской Федерации, является одной из фундаментальных проблем для психологической науки и практики (Д. И. Фельдштейн, Е. В. Куфтяк, Е. А. Сергиенко, Ю. А. Старостина, Т. Д. Марцинковская, Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова, О. А. Карабанова, И. С. Морозова, Н. В. Козлова, Е. В. Гуткевич, Э. И. Мещерякова и др.). Совершенно отчетливо эта проблема выступает в отношении детей раннего возраста (1 – 3 года): во-первых, ввиду уникальности ранних периодов онтогенеза с позиции формирования базисных структур личности; во-вторых, вследствие объективно наблюдаемого неуклонного роста количества детей обозначенной возрастной категории с отклонениями в психоэмоциональном и психосоциальном развитии (Г. В. Скобло, Е. А. Екжанова, Е. А. Стребелева, Д. Н. Исаев, Е. О. Смирнова, Е. В. Каплина, Е. М. Ишмуратова, И. Я. Стоянова, С. В. Тюлюпо, Е. П. Зубова, С. В. Трушкина, А. В. Бродская, Н. Н. Шерешик, Т. Д. Василенко). Психологическая превенция подобных нарушений не может быть продуктивной без реализации тех возможностей в новом постоянно изменяющемся мире, которые маленькому ребенку обеспечивает его мать.

Наряду с этим, в поведении матери, рассматриваемом традиционно в качестве важнейшего фактора, опосредствующего развитие ребенка в раннем детстве (Л. С. Выготский, Й. Лангмейер, З. Матейчек, Г. Г. Филиппова, В. С. Мухина, Р. Ж. Мухамедрахимов, J. Bowlby, M. Ainsworth, J. Schwartz), конкурируют две поведенческие директивы, обуславливающие повышенную стрессогенность материнства: одна – сфокусированная на выполнении традиционной материнской роли; другая – новая, связанная с трансформацией и усложнением социальной структуры современного общества и статусных позиций женщины в нем (А. В. Либина, О. Б. Подобина, Г. В. Залевский, И. Л. Шелехов, Н. Н. Васягина, Н. А. Цветкова).

Отражением повышенной стрессогенности материнства выступает подверженность современных матерей специфическому синдрому материнского выгорания (Л. А. Базалева, I. Roskam, M. Raes, M. Mikolajczak, M. Brianda, H. Avalosse).

Данные обстоятельства актуализируют интерес к изучению материнского поведения в принципиально новом аспекте социального поведения – копинга (син. копинг-поведение, совладающее поведение), позволяющего осознанно и целенаправленно разрешать стрессогенные и проблемные ситуации, предвосхищать их возникновение и снимать психологическое напряжение, возникающее в результате воздействия различных эмоционально насыщенных причин и факторов (Н. А. Сирота, Т. Л. Крюкова, Е. Р. Исаева, В. М. Ялтонский, R. S. Lazarus, J. Coyne, S. Noffoll, В. Е. Compass, H. Weber, G. Bodenmann).

Степень разработанности проблемы. Имеющиеся довольно многочисленные исследования семейного копинга в большей степени обращены к родителям и детям дошкольного возраста (не ранее 5 – 6 лет), младшего школьного возраста, подросткам и юношам (Хазова С. А., 2002; Бохан Т. Г., Галажинский Э. В., 2005; Гущина Т. В., 2005; Белорукова Н. О., 2005; Голубева М. С., 2006; Замышляева М. С., 2006; Богомаз С. А., Левицкая Т. Е., 2008; Петрова Е. А., 2008; Смирнова А. В., 2010; Никольская И. М., Грановская Р. М., 2010; Куфтяк Е. В., 2003, 2011; Яковлева С. А., 2012; Сапоровская М. В., 2002, 2014; Бабич Е. Г., 2015; Матафонова С. И., 2016 и др.) и фактически не затрагивают раннее детство, что свидетельствует о недостаточной изученности копинга, разворачивающегося на стадии жизненного цикла семейной системы со здоровыми детьми раннего возраста (1 – 3 года), и обеспечивает объективную актуальность данного исследования.

Для описания специфического процесса разрешения матерью повседневных стрессогенных ситуаций, неизбежно возникающих при непосредственном взаимодействии, воспитании и организации ухода за ребенком раннего возраста, в работе вводится понятие «ранний материнский копинг», который определяется как разновидность материнского поведения, осознанные усилия матери, сосредоточенные на преодолении и переживании реальных и / или воспринимаемых таковыми про-

блемных ситуаций посредством задействования совокупности поведенческих стратегий, ориентированных либо на саму ситуацию, либо на себя, либо на что-то иное (Еремина Ю. А., 2017; Корицова Г. С., Еремина Ю. А., 2017).

Необходимость и целесообразность изучения раннего материнского копинга как категории научного знания в контексте детского развития связана с неразработанностью и отсутствием системного рассмотрения этого феномена, а также с его высокой практической значимостью в области психологического консультирования родителей и семейного воспитания подрастающего поколения. Таким образом, изучение особенностей материнского поведения, в частности, раннего материнского копинга, а также его взаимосвязи с психосоциальным развитием ребенка раннего возраста является объективно актуальным на современном этапе развития психологической науки.

В более узком смысле актуальность проведенного исследования может быть определена необходимостью разрешения существующих *противоречий* между:

- объективной необходимостью в целенаправленном изучении семейного (родительского) копинга и недостаточной вовлеченностью в исследовательский процесс матерей, воспитывающих детей раннего возраста;

- потребностью в осуществлении психологической превенции отклонений психосоциального развития детей в раннем детстве, взаимно связанных с эффективностью поведения матерей в стрессогенных и проблемных ситуациях, и существующим дефицитом систематизированных представлений об особенностях копинг-поведения матери, воспитывающей ребенка раннего возраста;

- потребностью в нахождении теоретически обоснованных, релевантных требованиям ситуации взаимодействия с ребенком раннего возраста способов оказания психологической поддержки матери в преодолении проблемных, эмоционально-насыщенных социальных ситуаций и слабой научной разработанностью феномена раннего материнского копинга.

С учетом вышеизложенного, *проблему исследования* можно сформулировать в виде вопроса: какова структурно-содержательная организация копинг-поведения матери и как оно взаимосвязано с психосоциальным развитием ребенка в раннем

возрасте. В практическом плане – это проблема разработки психологических программ, направленных на формирование эффективного раннего материнского копинга.

Цель исследования: изучить особенности раннего материнского копинга и структурно-содержательную организацию копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития.

Объект исследования: копинг-поведение матери.

Предмет исследования: стратегии и стили раннего материнского копинга и его взаимосвязь с уровнем психосоциального развития ребенка раннего возраста.

Аналитический обзор имеющихся литературных источников по проблеме исследования позволил выдвинуть основную **гипотезу**, согласно которой существует взаимосвязь между ранним материнским копингом и психосоциальным развитием ребенка, которая проявляется в том, что высокий уровень совладающей активности матери обуславливает высокий уровень психосоциального развития ребенка и наоборот. Основная гипотеза конкретизируется в частных допущениях, уточняющих общий замысел исследования:

1. Релевантными структурно-содержательной организации раннего материнского копинга выступают поведенческие копинг-стратегии и стили преодоления проблемных и эмоционально-насыщенных ситуаций.

2. С позиции совладающей активности матерей и вклада таковой в психосоциальное развитие ребенка раннего возраста существуют адаптивные (эффективный ранний материнский копинг) и неадаптивные (неэффективный ранний материнский копинг) стратегии и стили копинг-поведения.

3. Эффективный ранний материнский копинг характеризуется высоким уровнем совладающей активности матери и предполагает результативно-деятельное, в совокупности с активным использованием социальных связей проблемно-ориентированное совладание, что способствует нормативности психосоциального развития ребенка в раннем возрасте.

4. Неэффективный ранний материнский копинг характеризуется низкой совладающей активностью матери, вплоть до пассивности; обеспечивая преимущественное отстранение от проблемной ситуации с тенденцией к социальному дистанцированию и совладание с трудностями на аффективном уровне, он может являться препятствием для нормативного психосоциального развития ребенка в раннем возрасте.

5. Целенаправленное формирование эффективного раннего материнского копинга может быть достигнуто посредством специально организованной психологической поддержки, направленной на овладение активными, сфокусированными на решении проблемной ситуации копинг-стратегиями и стилями совладания.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой в работе были определены следующие исследовательские **задачи**:

1. Провести аналитический обзор зарубежных и отечественных теорий и эмпирических работ, отражающих научные позиции и воззрения исследователей на феноменологию копинг-поведения личности и совладающего поведения матери в семье.

2. Систематизировать имеющиеся научные знания о психологических особенностях раннего детства и функционирования материнско-детской системы отношений в раннем возрасте ребенка; теоретически обосновать авторское понятие «ранний материнский копинг».

3. Эмпирическим путем выявить особенности раннего материнского копинга и структурной организации системы копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разноуровневым психосоциальным развитием.

4. Осуществить экспериментальную верификацию взаимосвязи раннего материнского копинга и психосоциального развития ребенка; описать базовые копинг-стратегии и стили совладания матерей, способствующие или препятствующие нормативному психосоциальному развитию ребенка в раннем возрасте.

5. Разработать и апробировать психологическую программу, направленную на формирование эффективного раннего материнского копинга, сопряженного с нормативным психосоциальным развитием ребенка.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

1) фундаментальные принципы психологической науки: детерминизма, развития, единства сознания и деятельности, системности (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн и др.);

2) положения интегративного, субъектного и ресурсного подходов к изучению копинг-поведения (Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова, Е. А. Сергиенко, И. М. Никольская, Р. Моос, Л. Перлин, Дж. Шеффер, Э. Фрайденберг, Р. Льюис), когнитивно-поведенческая концепция совладания (Р. Лазарус, С. Фолкман, Э. Коплик), модель многоосевого копинга (С. Хобфолл);

3) теоретические разработки и исследования материнско-детских отношений в раннем детском возрасте: положения культурно-исторической концепции об опосредовании детского развития взаимодействием со взрослым (Л. С. Выготский, Л. И. Божович); концепция амплификации и генезиса общения ребенка со взрослым (А. В. Запорожец, М. И. Лисина, А. Г. Рузская, Е. О. Смирнова, Л. Н. Гализова, С. Ю. Мещерякова) о формировании личности ребенка первых лет жизни в общении с близкими взрослыми; теория привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт).

На различных этапах эмпирического исследования, определяемых их задачами, использовался комплекс взаимодополняющих **методов**:

1) теоретические методы: изучение и анализ научной литературы по проблеме исследования;

2) методы сбора эмпирических данных: интервьюирование, анализ анамнестических данных, психологическое тестирование, формирующий эксперимент;

3) методы количественного анализа и качественного описания данных:

– математико-статистическая обработка данных (описательная статистика; оценка значимости различий с применением непараметрических критериев: Н-критерий Крускала-Уоллиса, χ^2 -критерий; параметрический t-критерий Стьюдента; парный корреляционный анализ по Спирмену; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA); факторный анализ (ФА) по Фишеру);

– структурирование, систематизация, сравнение, обобщение и интерпретация полученных результатов.

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутых положений гипотезы был сформирован диагностический комплекс. С целью диагностики психосоциального развития детей раннего возраста в качестве измерительного инструментария были задействованы психологические тесты:

1) «Шкала оценки развития ребенка» (RCDI-2000) – адаптированный И. А. Чистович, Я. Н. Шапиро вариант опросника «Child Development Inventory» (CDI) Г. Айртона [182];

2) «Шкала измерения социальной компетентности Долла модифицированная» (ШИСКДМ) – адаптированный В. И. Гордеевым и Ю. С. Александровичем вариант опросника «Vineland Social Maturity Scale» (VSMS) Э. Долла [39].

Изучение проявлений раннего материнского копинга осуществлялось с помощью взаимодополняющих личностных опросников:

1) «Индикатор копинг-стратегий» (ИКС) – адаптированный Н. А. Сирота и В. М. Ялтонским вариант опросника «The Coping Strategy Indication» (CSI) Дж. Амирхана [148];

2) «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) – адаптированный Т. Л. Крюковой вариант опросника «Coping Inventory for Stressful Situations» (CISS) Н. Эндлера и Дж. Паркера [87];

3) «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (СПСС) – адаптированный Н. Е. Водопьяновой вариант опросника «Strategic Approach to Coping Scale» (SACS) С. Хобфолла [30];

4) «Опросник способов совладания» (ОСС) – адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык вариант опросника «Ways of Coping Questionnaire» (WCQ) Р. Лазаруса [87];

5) «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС) – адаптированный Н. Е. Водопьяновой вариант опросника «Stress Verarbeitungs Fragebogen» (SVF-120) В. Янке и Г. Эрдманна [30].

Эмпирическая база, контингент и этапы исследования. Эмпирическое исследование было выполнено на базе консультативно-диагностической поликли-

ники областного государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Областная детская больница» города Томска и нескольких психолого-педагогических центров города Томска, предоставляющих услуги по раннему детскому развитию. В качестве испытуемых выступили единственные дети-первенцы из полных семей в возрасте от 14 до 36 месяцев и их матери (средний возраст женщин: $26,0 \pm 4,2$ лет). Общий объем выборочной совокупности составил 520 человек (260 материнско-детских диад: 260 матерей и 260 тоддлеров).

Эмпирическое исследование полностью было проведено в рамках нескольких последовательных этапов:

1. Подготовительный этап (2013–2014 гг.) – изучение состояния проблемы и степени ее изученности, разработка дизайна исследования, подбор диагностического инструментария в соответствии с гипотезой и исследовательскими задачами, определение контингента испытуемых и эмпирической базы.

2. Констатирующий этап (2014–2015 гг.) – диагностика психосоциального развития детей в возрасте от одного года до трех лет, изучение особенностей раннего материнского копинга и его структурно-содержательной организации, эмпирическая верификация взаимосвязи копинг-поведения матери и психосоциального развития ребенка в раннем возрасте.

3. Формирующий этап (2015–2016 гг.) – разработка и апробация психологической программы, направленной на формирование эффективного копинг-поведения матери, воспитывающей ребенка раннего возраста.

4. Заключительный этап (2017–2018 гг.) – математико-статистическая обработка экспериментальных данных, их анализ, систематизация, интерпретация и обобщение; техническое оформление диссертации; апробация, внедрение и публикация итоговых результатов проведенного исследования.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечена исходными теоретико-методологическими основами исследования, корректным использованием разнообразного аппарата математико-статистической обработки данных. Повышению надежности результатов исследования способствовали подбор доста-

точной по объему репрезентативной выборочной совокупности испытуемых и применение апробированных в российских социокультурных условиях валидных, надежных и взаимодополняющих психодиагностических методов и методик.

Научная новизна исследования заключается в том, что *впервые*:

- сформулировано и теоретически обосновано понятие «ранний материнский копинг» (РМК), предложена авторская трактовка данного личностного конструкта;
- материнско-детские отношения в семьях, имеющих в своем составе здоровых детей раннего возраста, изучены с позиции взаимосвязи материнского копинг-поведения и психосоциального развития ребенка;
- получено представление о типичном копинг-поведении матерей, воспитывающих детей с разноуровневым психосоциальным развитием;
- выявлена структурная организация раннего материнского копинга в зависимости от уровня психосоциального развития ребенка;
- определены критерии эффективности раннего материнского копинга с точки зрения совладающей активности матери и вклада таковой в психосоциальное развитие ребенка в раннем возрасте;
- теоретически обоснованы и экспериментально верифицированы приемы формирования эффективного копинг-поведения матерей, занятых воспитанием детей раннего возраста.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в работе:

- обобщены и систематизированы научные представления о материнском копинг-поведении и функционировании материнско-детской системы в раннем возрасте ребенка;
- концептуально обоснованы результаты исследования копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разноуровневым психосоциальным развитием;
- расширено предметное поле исследований психологии детского развития, сформулировано и теоретически обосновано понятие «ранний материнский копинг» (РМК), предложена авторская трактовка данного личностного конструкта;

– выдвинуты доказательно аргументированные предположения о влиянии раннего материнского копинга на психосоциальное развитие ребенка раннего возраста для проведения дальнейших исследований феномена раннего материнского копинга.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложена оптимальная зона включения в процесс психологической помощи матери в совладании с трудными и эмоционально-стрессовыми ситуациями, неизбежно возникающими в ходе семейного воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста.

Результаты исследования могут быть использованы в индивидуальном психологическом консультировании родителей, при определении содержания программ оказания психологической помощи матерям, воспитывающим детей раннего возраста, в службах психологической помощи семье на базе дошкольных образовательных учреждений для построения стратегий психологического преодоления трудных жизненных ситуаций в семейном функционировании, в психологической профилактике родительского, прежде всего, материнского выгорания.

Материалы проведенного исследования внедрены в учебный процесс Института психологии и педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Томский государственный педагогический университет» в рамках учебных дисциплин «Психология развития», «Возрастная психология», «Психология семьи и семейного воспитания», включенных в содержание рабочих учебных планов основных образовательных программ магистратуры и бакалавриата по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование».

Результаты проведенного исследования применяются в практическом здравоохранении при определении содержания программ психологического сопровождения матерей и детей раннего возраста, реализуемых «Центром здоровья для детей» на базе консультативно-диагностической поликлиники ОГБУЗ «Областная детская больница» г. Томска, а также в дошкольных образовательных учреждениях и службах психологической помощи населению Томска и Новосибирска.

Полученные результаты отражены в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Между ранним материнским копингом и психосоциальным развитием ребенка раннего возраста существует взаимосвязь, проявляющаяся в повторяющейся закономерности, для которой характерно прямое соответствие уровня совладающей активности матери и уровня психосоциального развития ребенка.

2. В структурно-содержательной организации раннего материнского копинга выделяются адаптивные (имеющие эффективный модус) и неадаптивные (имеющие неэффективный модус) стратегии и стили совладающего поведения.

3. Адаптивный ранний материнский копинг характеризуется максимальной эксплицированностью, проявляющейся в ориентированности на результативное преодоление повседневных проблемных и эмоционально-насыщенных ситуаций, закономерно возникающих в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста, и связан с нормативным и опережающим уровнями психосоциального развития детей.

4. В копинг-поведении матерей, воспитывающих детей с низким уровнем психосоциального развития, доминирует минимально эксплицированный неэффективный модус раннего материнского копинга.

5. Типичное копинг-поведение матери, воспитывающей ребенка раннего возраста с нормативным и опережающим уровнем психосоциального развития, характеризуется преобладанием активных просоциальных копинг-стратегий, сосредоточенных на решении проблемной ситуации, сохранении контроля над чувствами и действиями. Типичное копинг-поведение матери ребенка раннего возраста, имеющего низкий уровень психосоциального развития, социально дистанцированно и пассивно, характеризуется уходом от проблемы и концентрацией на эмоциях.

6. Средством формирования эффективного модуса раннего материнского копинга, выступающего фактором нормативного развития ребенка в раннем возрасте, является овладение матерью активными просоциальными копинг-стратегиями и стилями совладания, сосредоточенными на разрешении проблемной ситуации.

Апробация и внедрение результатов исследования. Ход исследования и его результаты регулярно докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры

психологии развития личности ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (2013–2018 гг.), практико-ориентированных методических семинарах консультативно-диагностической поликлиники ОГБУЗ «Областная детская больница» города Томска (2013–2018 гг.). Исследование получило положительную оценку на научно-практических конференциях международного (Москва, 2013, 2015, 2016; Томск, 2014–2018; Кострома, 2016) и всероссийского (Томск, 2014–2018; Чита, 2015; Глазов, 2016; Иркутск, 2016; Чебоксары, 2016; Казань, 2017) уровней.

Публикации. По материалам диссертационного исследования опубликовано 24 работы, в том числе 7 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в российском научном журнале, входящем в Web of Science), 1 коллективная монография, 1 статья в прочем научном журнале, 2 статьи в сборниках научных трудов, 13 публикаций в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций, научного форума и съезда Российского психологического общества.

Структура и объем работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных обозначений и сокращений, списка использованной литературы, включающего 246 наименований (из них 54 источника на английском языке), и 9 приложений. Текст работы изложен на 236 страницах, иллюстрирован 33 таблицами и 25 рисунками.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИНСКОГО КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ

1.1 Копинг-поведение как предмет научного исследования

Термины «копинг» (от англ. to cope – «совладать», «справляться», «преодолеть») и его русскоязычный аналог «совладание» в современной научной психологии употребляются большинством исследователей для описания специфического процесса разрешения человеком любых, возникших у него жизненных трудностей. Согласно Оксфордскому английскому словарю, словосочетание «копинг-поведение» (coping behavior) происходит от английских слов «coping» – эффективное решение чего-либо трудного [241, с. 198] – и «behavior» – поведение, описание того, как некоторый субъект ведет себя [там же, с. 77]. В отечественной психологии «coping behavior» наиболее часто переводят как «адаптивное поведение», «совладающее поведение», «совладание», «психологическое преодоление». В том же смысле многие исследователи Л. И. Анцыферова (1994), В. А. Бодров (1996), Т. Л. Крюкова (2005), Г. С. Корытова (2007), А. В. Либина, А. В. Либин (2008) употребляют просто калькированное слово «копинг» [3, 16, 89, 80, 99]. Таким образом, в отечественной современной психологической литературе термины «копинг», «копинг-поведение», «совладающее поведение», «совладание» используют как равнозначные, синонимичные и взаимодополняемые. В данной работе мы будем придерживаться этой же позиции.

В большинстве литературных источников указывается, что понятие «копинг» было введено в активный научный обиход американскими психологами во второй половине XX столетия. Так, одним из самых ранних употреблений стало его использование L. Murphy в 1962 году в исследовании, рассматривающем активные, преимущественно сознательные усилия ребенка, направленные на овладение ситуацией, связанной с временной разлукой с матерью [231].

Во второй половине 1960-х годов термин «копинг» начал активно применяться в зарубежной психологии для обозначения поведения личности в трудных

жизненных ситуациях, но как категория психологических исследований он еще несколько лет не был включен в международное издание «Psychological Abstracts», занимающееся обеспечением системы реферирования опубликованных статей в журналах и книгах. В дальнейшем были добавлены несколько смежных понятию «coping» категорий: «coping styles», «coping resources» («копинг-стили», «копинг-ресурсы») [245]. В широко известный «Словарь психологических и психоаналитических терминов» Г. и А. Инглишей понятие «копинг» было включено с 1968 года. Достаточно быстро данный термин стал общепризнанным в научной зарубежной литературе и вскоре был введен в международный библиографический указатель «Current Contents», представляющий около 1500 журналов по психологии, медицине и смежным дисциплинам [159].

В англоязычных научных словарях можно обнаружить ряд определений понятия «копинг-поведение». Так, в словаре «Наука и технологии» копинг представлен как сознательные или бессознательные усилия личности человека, имеющего дело со стрессами и требованиями по отношению к нему или его окружающей среде [229, с. 521]. По мнению М. Basavanna, автора «Психологического словаря», «coping behavior» – это любое поведение, направленное на управление стрессом и снижение напряжения [196, с. 85]. В другом англоязычном «Психологическом словаре» «coping behavior» трактуется как уверенное, борющееся поведение вместо ухода или защитных действий в трудных ситуациях или ситуациях, угрожающих жизни [208, с. 223]. Обращаясь к русскоязычному «Большому психологическому словарю», находим, что копинг (совладающее поведение) рассматривается как поведение, сосредоточенное на преодолении и переживание стрессовых или кризисных ситуаций, прежде всего психосоциального характера [110]. В «Толковом словаре русского языка» (2017) слово «совладание» интерпретируется как возможность овладеть, справиться с кем-то или чем-то и с собой, то есть «добиться самообладания» [126, с. 1105].

О многообразии взглядов на сущность понятия «копинг-поведения» свидетельствует и анализ использования исследователями обсуждаемого термина. Так, этот термин применяется в различных работах и при изучении когнитивной оценки

человеком субъективно трудных ситуаций, и при характеристике поведенческих реакций на стресс, и как совокупность когнитивной и поведенческой активности субъекта в ходе социально-психологической адаптации [8, 14, 18, 74, 117, 137, 233, 237, 242]. Наряду с этим, в данное понятие нередко включают эмоциональную составляющую – как способность человека к саморегуляции своих эмоциональных состояний, включая те непроизвольные процессы, которые обусловлены различиями в темпераменте и привычном поведении [204, 235]. Термин фигурирует и при описании действий, устремленных на будущий стрессор и подготовку к возможной стрессовой ситуации [155, 195, 236]. В этой связи справедливо высказывание С. К. Нартовой-Бочавер о том, что такое «свободное» использование обсуждаемого понятия препятствует выработке единого, согласованного мнения, что в значительной степени можно объяснить сложностью феномена копинга, характерные и существенные стороны которого трудно выразить однозначно [121].

Аналитический обзор имеющейся литературы по проблеме исследования показал, что достаточно большое количество вариантов толкования понятия копинг определяется прежде всего научной традицией, в рамках которой рассматривается данный феномен. Так, возникновение феноменологии копинг-поведения в русле психоаналитического учения о механизмах психологической защиты сконцентрировало внимание исследователей на изучении проблемы соотношения понятий «копинг-поведение» и «психологическая защита». Некоторые психоаналитики (N. Наан) трактовали понятие копинга, дополняя идеи теории защитных механизмов эго-ориентированной концепцией совладания как одного из приемов активной защиты, направленной на продуктивную адаптацию личности в экзистенциальных ситуациях. Предполагалось, что если адаптация к требованиям изменившейся ситуации прошла благополучно, то сработали механизмы копинга; при неспособности личности к конструктивному преодолению проблемы запускаются защитные механизмы, способствующие пассивной адаптации и определяющиеся как ригидные, дезадаптивные способы совладания с проблемой, препятствующие адекватной ориентации личности в реальной действительности [217]. Отсюда неуспешные непро-

дуктивные способы взаимодействия с трудностями традиционно называют психологической защитой [25, 156, 161]. Тем не менее известно, что не всякий механизм психологической защиты «плох», как и не всякий механизм совладания конструктивен, а также, что разграничение механизмов защиты и совладания в рамках данного подхода представляет собой методическую, теоретическую и практическую трудность [79, 80]. В этой связи как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе (Р. Аткинсон, Х. Сьобак, Э. Хилгард, Н. А. Сирота, И. М. Никольская, Р. М. Грановская и др.) существуют крайне неоднозначные и противоречивые трактовки взаимосвязи стратегий совладания и психологических защит личности [81]. В дальнейший анализ проблемы материнского копинга мы сознательно не включаем вопрос об этой взаимосвязи, ибо, опираясь на позиции современного отечественного субъектного подхода, полагаем, что сознательная активность личности в отношении самого себя и того, что ее окружает, в большей мере способствует ее развитию, нежели бессознательная детерминация. Также, на наш взгляд, подобный ракурс анализа придаст ему клинико-психологическое направление, что не входит в задачи настоящего исследования.

Ряд исследователей (J. Amirkhan, N. Endler, J. Parker, P. Costa, R. McCrae и др.) привлекли к пониманию копинга идею реорганизации поведения, опирающуюся на умение человека решать проблемы, повышая тем самым собственную самооценку, самоэффективность и другие личностные качества. В данном случае исследовательские изыскания обращены к изучению проблемы соотношения понятий копинг-поведения и устойчивых психологических характеристик личности. При таком диспозиционно-ориентированном подходе «копинг» интерпретируется как относительно устойчивые черты личности, обуславливающие реакцию человека на тот или иной стрессовый фактор, другими словами, копинг есть некий паттерн поведения – относительно постоянная предрасположенность личности отвечать на стрессовые события определенным образом, мало зависящим от типа стрессора [194, 211].

В противоположность данному подходу R. Lazarus и S. Folkman указывают, что копинг не постоянен, а подвержен трансформации с изменением социального

контекста: особенности события, с которыми взаимодействует человек в процессе совладания, способны на него влиять. В своей когнитивно-феноменологической теории совладания со стрессом R. Lazarus определяет стресс как дискомфорт, испытываемый, когда отсутствует равновесие между индивидуальным восприятием требований среды и ресурсов, доступных для взаимодействия с этими требованиями [224]. При такой интерпретации очевидно, что именно человек оценивает ситуацию как стрессовую или нет. Поэтому R. Lazarus и S. Folkman определяют копинг как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы» [225, с. 141]. Х. Хекхаузен заключает, что «особенности ситуации ... в большей степени детерминируют поведение, чем диспозиции субъекта» [179, с. 75].

Очевидно, что изложенные подходы обладают своими недостатками, однако ни один из них не исключает другой, а, напротив, гармонично дополняет, раскрывая разные грани обсуждаемого феномена. В этой связи в настоящее время при изучении копинг-поведения используется интегративный ситуационно-личностный подход, учитывающий как личностные особенности человека, так и влияние ситуационных факторов и социального контекста, в котором разворачивается процесс совладания. Данный подход принят на основании того, что, во-первых, люди не похожи друг на друга по степени проявления устойчивости личностных особенностей в разных ситуациях; во-вторых, ситуации различаются по тому, насколько та или иная из них активизирует или затрудняет проявление индивидуальных различий людей; и, в-третьих, люди с определенными личностными особенностями имеют склонность выбирать определенные типы социальных ситуации [30].

Обнаружение имманентных связей, зависимостей и феноменологии копинга дало возможность получения наиболее глубоких представлений о внутренней организации копинг-поведения и содействовало нахождению факта того, что «структуру копинг-поведения составляют следующие компоненты – копинг-механизмы: 1) копинг-реакции – мысли, чувства, переживания человека при столкновении со

стрессором; 2) копинг-действия – простые единичные совладающие действия человека в контексте стрессовой ситуации, например, «смотрю телевизор», «иду гулять с друзьями»; 3) копинг-стратегии, под которыми понимают последовательность связанных, классифицированных простых единичных копинг-действий, например, «Решение проблемы», «Избегание» и др.; 4) копинг-стили – концептуально сходные группы копинг-стратегий» [159, с. 125].

С. К. Нартова-Бочавер уточняет, что копинг-стратегиями называют приемы и способы, с помощью которых происходит процесс совладания [121]. А. В. Либина дополняет, что приемы совладания, используемые вначале неосознанно, спонтанно, единично и ситуативно, получая положительное подкрепление, «закрепляются» в реагировании личности на проблемные ситуации, образуя устойчивые формы поведения, именуемые стилем совладания [99]. Выделяют также категории совладания высшего порядка: модусы или оси копинг-поведения в большинстве случаев, раскрывающих функциональный характер совладания. Например, R. S. Lazarus, S. Folkman предложены модусы, включающие проблемно-ориентированное и эмоционально-ориентированное совладание, по которым ориентированы другие категории копинга [223]. Стоит отметить, что именно копинг-стратегии и копинг-стили являются базовыми категориями, используемыми в качестве основания при составлении классификации и систематизации копинг-поведения [80, 85]. Несмотря на описание сложносоставной структуры копинг-поведения, многие ученые (А. М. Гришин, Ф. К. Гемешлиев и др.) указывают на то, что стратегии и стили совладания в определенной мере характеризуют не столько различные структурные категории совладания, сколько концептуальные подходы к исследованию копинг-поведения, рассматривающие интер- и интраиндивидуальные аспекты совладания (в терминологии N. Endler) или диспозиционные и ситуационные аспекты (R. Schwarzer) [41, 36]. Поэтому необходимо сказать о достаточной условности разграничения понятий «копинг-стратегия», «стиль копинг-поведения» и существующих категорий совладания высшего порядка, поскольку анализ литературы по проблеме исследования показал, что несмотря на существование данных понятийных представлений в рамках теоретически и эмпирически подкрепленных

исследований, они зачастую используются как синонимы [123]. В настоящей работе мы будем придерживаться изложенного положения и при описании структурных компонентов копинг-поведения матерей оперировать такими категориями как «копинг-стратегия» и «копинг-стиль» в качестве рядоположенных.

Ряд исследователей (С. К. Нартова-Бочавер, Т. Л. Крюкова, О. В. Кружкова, Д. М. Никифорова, Г. С. Кoryтова и др.) отмечают, что такое обстоятельство как существование более 400 известных способов совладания наряду с отсутствием единства в определении названий копинг-стратегий и копинг-стилей, а также специфического содержания конкретных копинг-стратегий существенно осложняет эмпирический и теоретический анализ при сопоставлении результатов различных исследований копинга [121, 87, 85, 81]. Поэтому все еще остается много неясных аспектов в вопросе о механизмах обсуждаемого феномена, не существует и единой классификации стратегий совладающего поведения, хотя имеется множество попыток их группировки по всевозможным основаниям [178]. Анализ различных классификаций копинга (A. Billings, R. Moos, P. Vitaliano, C. Carver, R. Lazarus, S. Folkman, J. Amirkhan, Л. И. Анциферова и др.) показал, что большинство из них построено вокруг двух модусов психологического совладания: направленного на решение проблемы и ориентированного на изменение состояния, и установок в отношении сложившейся ситуации [197, 225, 194, 3].

Объединив разные критерии, используемые исследователями для систематизации копинг-стратегий, приведем список параметров копинга: 1) направленность действий человека; 2) интенсивность совладания (активность / пассивность или приближение / отдаление в отношении стрессора); 3) адаптивность (эффективность, конструктивность, продуктивность) выбираемых копингов; 4) социальность (просоциальность / асоциальность); 5) модальность (психическая сфера, с которой соотносятся стратегии: когнитивная, эмоциональная, поведенческая).

С точки зрения направленности действий человека исследователями (R. Moos, R. Lazarus, S. Folkman, J. Amirkhan и др.) рассматриваются стратегии, ориентированные либо на саму ситуацию, либо на себя, либо на что-то иное. Этот признак лежит в основании самой популярной классификации копинг-поведения,

предложенной R. Lazarus и S. Folkman. Ученые выделяют: 1) проблемно-ориентированный копинг, главным признаком которого является направление усилий на решение проблемной ситуации; 2) эмоционально-ориентированный копинг включает в себя мысли и действия, направленные на снижение физического или психологического влияния стресса, дающие облегчение, но не сопровождающиеся конкретными действиями по устранению проблемы. Примером может служить избегание проблемной ситуации, мысленное или поведенческое дистанцирование, юмор и др. [223]. Ученые обращают внимание на то, что оба эти копинга используются в стрессовых ситуациях, а их количественное соотношение зависит от оценки человеком конкретной ситуации. Выделено восемь видов ситуативно-специфических копинг-стратегий, ориентированных по выше названным модусам: «Планомерное решение проблем», «Позитивная переоценка», «Принятие ответственности», «Поиск социальной поддержки», «Конфронтация», «Самоконтроль», «Дистанцирование» и «Избегание». Несмотря на замечание S. Folkman о том, что процессы совладания являются «скорее изменчивыми, чем стабильными», ряд копинг-стратегий обнаружил относительную устойчивость вне зависимости от ситуаций. Например, стратегия «Позитивная переоценка» наиболее тесно связана с личностными факторами, наряду с тем, что сфокусированные на проблеме копинг-стратегии «Конфронтация», «Поиск социальной поддержки» и «Планомерное решение проблемы» в большей степени зависели от ситуации [225].

В противоположность изложенной позиции J. Amirkhan считал, что выбор индивидом тех или иных копинг-стратегий является достаточно стабильной характеристикой на протяжении всей жизни, мало зависящей от типа стрессора. При этом классификация ученого построена также с позиции направленности действий по разрешению возникших трудностей и степени их интенсивности. На основе факторного анализа разнообразных копинг-ответов на стресс исследователь выделил три группы базисных копинг-стратегий поведения человека: «Разрешение проблем», «Поиск социальной поддержки» и «Избегание проблем». J. Amirkhan отме-

чает, что выделенная трехчастная структура базовых стратегий совладания не исчерпывает существующее многообразие стратегий, однако соответствует самым основным, базовым человеческим реакциям на угрозу [194].

Модель многоосевого копинга S. Hobfoll акцентируется на осознании влияния социального окружения на копинг-поведение человека и позволяет сбалансировать индивидуалистический и коллективный контекст совладания. Ученый предполагал, что совладание происходит одновременно в трех измерениях, таких как: уровень активности и пассивности, просоциальности и асоциальности, прямоте и косвенности. Поэтому в качестве категорий совладания высшего порядка S. Hobfoll рассматривает три оси совладания, а модели преодолевающего поведения в содержательном плане предлагает описывать посредством трех координат (стратегических направлений преодолевающего поведения): 1) ось просоциальной – асоциальной стратегии; 2) ось активности – пассивности; 3) ось прямое – не прямое (манипулятивное) поведение. Обоснованием выделения оси «просоциальная – асоциальная» явились следующие моменты: во-первых, многие жизненные стрессоры имеют межличностный компонент; во-вторых, даже индивидуальные усилия по преодолению имеют потенциальные социальные последствия; и, в-третьих, действие преодоления часто требует взаимодействия с другими людьми [221]. S. Hobfoll и M. Lerman установили, что «здоровое» преодоление (копинг) является и активным и просоциальным, поскольку, активное преодоление в совокупности с положительным использованием социальных ресурсов повышает стрессоустойчивость человека [220]. Вероятно, следует сказать, что поведенческие модели преодоления стресса, определяемые С. Хобфоллом, по мнению ряда отечественных исследователей (Н. Е. Водопьянова, Г. С. Корытова и др.), являются более детальными, а также освобождающими от некоторых ограничений, которые накладывает проблемно- и эмоционально-ориентированное копинг-поведение, а также гендер. Такое обстоятельство позволяет более дифференцированно приблизиться к различиям в преодолении и вносить коррекцию на уровне поведения [30, 81].

Актуальным и одновременно дискуссионным вопросом по проблеме совладания является вопрос его эффективности. Идея эффективных и неэффективных

копингов получила свое зарождение в ходе эмпирических исследований в рамках клинической психологии и транзактной модели стресса (R. Lazarus, S. Folkman). Было показано, что проблемно-ориентированные копинг-стратегии положительно коррелируют с адаптацией и здоровьем и отрицательно связаны с уровнем переживаемого стресса, в то время как частое использование эмоционально-ориентированных стратегий связано с увеличением симптомов тревожных и депрессивных состояний [214, 206]. Благодаря этим результатам во многих публикациях проблемно-ориентированное совладание рассматривается как эффективное, а копинг, ориентированный на эмоции и избегание, как непродуктивное совладание. Тем не менее в последствии были получены данные о том, что такая связь неоднозначна, а одна и та же стратегия может быть реализована как эффективно, так и неэффективно [106]. Так, в ходе интегрального изучения семейного совладания в ситуации нормативного семейного кризиса получены доказательства эффективности выбора эмоциональных стратегий в контексте семейных трудностей, которые соотносятся с взаимопониманием между членами семьи, активном участии в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства [92]. В ситуациях после развода эмоционально-ориентированные стратегии также были достаточно эффективны по критериям улучшения состояния и увеличения внешних показателей адаптивности [88].

Е. И. Рассказова указывает на то, что фокусировка на проблеме может быть менее эффективной, чем избегание, в случае, если первая сопровождается эмоциональной интерпретацией случившегося [137]. Примером может служить ситуация преждевременных родов, запускающая сложную динамику эмоционального состояния матери, где использование проблемно-ориентированных стратегий (в ситуации «горевания») ухудшает эмоциональное состояние женщины [93]. О. Б. Подобина показала, что проблемно-ориентированный стиль совладания у беременных женщин может привести к центрации на проблемах, которые не могут быть решены в данный момент, что может стать причиной дистресса [132]. М. В. Сапоровская в таком случае резюмирует формирование «патологической связки»: копинг, функция которого является продуктивной, истощает адаптационный потенциал [143].

Б. Д. Карвасарский считает, что стратегия «Избегание» дает возможность человеку снизить уровень стресса, сохранить эмоциональное равновесие [72].

В противоположность изложенным воззрениям Н. А. Сирота (1994) и В. М. Ялтонский (1995) считают, что стратегия «Избегание» – одна из ведущих поведенческих копинг-стратегий при формировании дезадаптивного, псевдосовладающего поведения и объясняют ее применение недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем [148, 192]. Представленной позиции придерживается Е. Frydenberg (2004), который рассматривает обсуждаемую стратегию как неэффективный копинг, связанный с неспособностью справиться с ситуацией [215]. С. К. Нартова-Бочавер (1997) хотя и отмечает, что наименее эффективными считаются стратегии «Избегание» и «Самобвинение», но при этом оговаривает, что даже в отношении этих стратегий нельзя говорить об их однозначной неэффективности: «Избегание» может быть более эффективной стратегией, чем фокусировка на проблеме в кратковременной перспективе, однако в долговременной – очевидна его низкая эффективность [121]. Иллюстрацией к сказанному может служить пример ситуации открытого конфликта, когда активное поведение возможно только ухудшит исход ситуации и приведет к еще большим негативным последствиям, при этом, в случае длительных конфликтов, пассивная стратегия «Избегание» уже будет непродуктивной. Предпочтительное применение стратегий «Избегание» и «Положительная переоценка» – единственный стиль совладания, который связывается с невысоким дистрессом у беременных женщин, в отношении которых эти стратегии характеризуются как «охранительные», подчеркивая факт того, что они помогают женщине уберечь психику от неблагоприятных стрессовых ситуаций [132]. Однако если в ситуации беременности придание проблеме позитивного значения уменьшает стресс и служит эмоциональному приспособлению к нему, то в другой ситуации – изменение отношения – может отвлекать от решения конкретных практических проблем [15, 88].

Изложенные факты демонстрируют справедливые высказывания Л. И. Анцыферовой (1994) о том, что «не существует таких стратегий, которые были бы эффективными во всех трудных ситуациях» [3, с. 16] и Н. Е. Водопьяновой (2009) –

«успешность использования какой-либо стратегии в одной стрессогенной ситуации не гарантирует ее эффективность в других ситуациях» [30, с. 219]. Наряду с этим, Л. И. Дементий замечает, что хотя исследователи предпринимают попытки выделить операционализированные критерии эффективности копинга, однако «... эти попытки нельзя назвать однозначно успешными», поскольку эффективными, по мнению ученого, могут быть любые попытки справиться с ситуацией, так как копинг-поведение является полидетерминированным [44, с. 18].

В качестве детерминант эффективного копинга могут выступать: полоролевые стереотипы, специфика стрессовой ситуации, личностные особенности и наличие / отсутствие ожидаемой социальной поддержки. Так, в ряде работ (V. J. Conway, D. J. Terry, C. L. Park, S. Folkman, A. Bostrom) ставится акцент на том, что эффективность определенной стратегии зависит не только от реальной ситуации, но прежде всего от ее индивидуального когнитивного оценивания [207]. Е. В. Битюцкая предлагает к критериям когнитивного оценивания трудности ситуации относить: контролируемость, продолжительность, интенсивность и высокие требования к ресурсу адаптации [14]. Изложенные характеристики могут быть описаны на двух уровнях: объективном и субъективном. При этом эффективность совладания во многом зависит от разницы между субъективной оценкой стрессора и его объективными параметрами [44]. В своей теории R. Lazarus исходит в большей степени из субъективного восприятия и переживания стресса и уделяет особое внимание когнитивным процессам и когнитивной оценке ситуации. Ученый не рассматривает стрессоры и способы совладания с ними с позиции объективных ситуаций, на которые влиять невозможно по объективным причинам [224]. Тем не менее были выдвинуты серьезные аргументы в пользу важности параметра объективной возможности / невозможности контролировать и изменять ситуацию. Так, сторонники концепции соответствия когнитивной оценки и копинг-поведения («Appraisal-Coping Goodness of Fit») V. J. Conway, D. J. Terry (1994), C. L. Park, S. Folkman, A. Bostrom (2001), показали, что использование проблемно-ориентированного копинга более адаптивно и эффективно в контролируемых ситуациях, при которых имеется больше возможностей к изменению обстоятельств. Наряду с тем,

что совладание, ориентированное на эмоции, будет более эффективным в менее контролируемых и неподконтрольных ситуациях, которые предусматривают меньше возможностей или их отсутствие для изменения обстоятельств [207]. В частности, если по объективным причинам человек не может повлиять и изменить ситуацию, то адекватным функциональным способом совладания будет являться избегание; если человек объективно не может ни избежать ситуации, ни повлиять на нее, то более эффективным представляется когнитивная переоценка ситуации, например, реализация стратегии «Принятие» в ситуации неизлечимой болезни, потери [65, 200, 204, 245].

Понятие субъективности связано с введением параметра субъективной оценки события, которая определяется прежде всего значимостью ситуации для человека. Т. Л. Крюкова подчеркивает, что наиважнейшим критерием трудности ситуации, инициирующей выбор копинг-стратегий, является ее субъективное восприятие человеком: положительно / отрицательно [89]. Например, О. А. Екимчик показала, что наличие романтических отношений способствует восприятию одиночества как контролируемого события и, напротив, отсутствие таковых определяет одиночество как ситуацию, не поддающуюся контролю; первый случай детерминирует высокие рейтинги проблемно-ориентированных стратегий, второй – эмоциональные, непродуктивные копинг-стратегии [50, 51]. Т. Л. Крюкова, предлагая подход к пониманию психологии совладающего поведения с точки зрения психологии субъекта, который в настоящее время активно разрабатывается исследователями Костромского государственного университета (Е. В. Куфтык М. В., Сапоровская, С. А. Хазова и др.), заключает, что одним из показателей эффективности копинга является усиление чувства субъективного контроля либо над ситуацией, либо над собой в определенном ситуационном контексте [89].

Основываясь на работах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой, Т. Л. Крюкова рассматривает копинг не как пассивное отражение «... качеств личности и особенностей жизненной ситуации, с которой столкнулся человек, но как зеркало его субъектной активности закономерно предпола-

гает, что совладание либо задается человеком как субъектом своего поведения, источником собственной активности, либо – в случае неспособности, человек превращается в пассивное существо, «плывущее по течению» [89, с. 20]. Копинг определяется как «...особый вид социального поведения ... является целенаправленным поведением и позволяет человеку справляться со стрессом (трудной жизненной ситуации) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации. Это осуществляется через осознанные стратегии действий, направленные на устранение трудности (стрессовой ситуации), которые либо адаптируют к требованиям ситуации, либо помогают преобразовать ее» [там же, с. 7]. Если субъект не владеет этим видом поведения, возможны неблагоприятные последствия для его здоровья и благополучия [90].

Продолжая научные изыскания в этой области, ученые из Костромского государственного университета Т. Л. Крюкова (2005), Т. В. Гущина (2005), М. В. Сапоровская (2002, 2013), С. А. Хазова (2002), Е. В. Куфтяк (2003, 2011), О. Б. Подобина (2005), О. А. Екимчик (2009) подытожили, что поведение субъекта, выбор определенных стратегий и стилей совладания имеет сложную детерминацию, включающую в себя динамические (процессуальные, ситуационные), диспозиционные (личностные), регулятивные и социокультурные (социально-психологические) факторы. Динамический фактор включает особенности процесса совладания в конкретной и изменяющейся ситуации, обладающей специфическим содержанием, определенным уровнем стрессогенности для субъекта, оцениваемой им самостоятельно. Личностные черты, принадлежность к определенной культуре, пол, возраст могут предопределять, как человек воспримет стрессовую ситуацию. Индивидуальная диспозиция (устойчивые индивидуально-психологические и личностные черты) среди указанных характеристик занимает первое место. Зарубежные исследователи (В. Е. Compas, J. К. Connor-Smith, Н. Saltzman, А. Н. Thomsen, М. Е. Wadsworth, Е. Frydenberg) отмечают, что прежде всего с выбором копинг-стратегий связаны такие диспозиции как темперамент (гибкость или пластичность), тревожность, нейротизм, уровень депрессивности, интернальность – экстернальность, оптимизм – пессимизм и характеристики самооотношения (уровень

самоуважения и др.), автономность [206, 215]. Ряд отечественных исследователей (С. А. Хазова, М. С. Замышляева, О. С. Ковальская, С. А. Яковлева и др.) обнаружили, что у подростков и юношей предиктором проблемно-ориентированного копинга являются одаренность, оптимизм, интернальный локус-контроль, стремление к достижению социального статуса, доминированию над другими, универсализму [177, 54, 76, 191]. Е. А. Иванова показала, что диспозиционными факторами, определяющими выбор конструктивных копинг-стратегий у людей с ограниченными возможностями здоровья, выступают интернальный тип локуса субъективного контроля, эмоциональная устойчивость, смелость, черты интровертированности, а также гармоничный тип отношения к нарушению. В то время как конформность, склонность к агрессивному, подавляющему и / или импульсивному, безответственному поведению способствуют выбору неконструктивных стратегий [61].

Т. Л. Крюкова акцентирует внимание на социокультурных (социально-психологических) переменных как определяющих выбор копинг-стратегий: от 40 % в гендерных исследованиях до 100 % влияния родительских установок [86]. В частности, известно, что женщины чаще мужчин склонны к эмоциональному реагированию на стрессовую ситуацию (концентрации на эмоциях и их активному выражению), предпочитая эмоционально- и социально-ориентированные стратегии [64, 183]. Е. В. Куфтяк (2011) связывает это с «запретом» общества на выражение мужчинами ряда эмоций и чувств [92]. Уже начиная с 7-11 лет девочки, девушки, женщины достоверно чаще в сравнении с мальчиками, юношами и мужчинами прибегают к использованию стратегии «Поиск социальной поддержки» в трудных ситуациях; кроме того, чаще прибегают к дистанцированию, положительной переоценке [4, 9, 19, 150, 177]. Т. Л. Крюкова заключает, что это обусловлено социальным фактором – воспитанием в семье, в школе, в обществе, сложившимися национальными и семейными традициями [86]. Зарубежные исследователи L. K. Tamres, D. Janicki, V. S. Helgeson (2002), H. Eschenbeck, C.-W. Kohlmann, A. Lohaus (2007) отмечают, что гендерные различия в копинг-стратегиях минимальны в контексте продуктивной деятельности (например, учеба), но имеют место в контексте пре-

одоления трудностей в ситуациях межличностного общения – мужчины чаще обращаются к избеганию, а женщины, напротив, к активным, проблемно-ориентированным стратегиям [239, 212].

Резюмируя изложенное, отметим, что в данной работе при изучении материнского копинга мы будем исходить из сочетания позиций интегративного, а также современного отечественного субъектного подходов; признания того, что копинг динамичен, персонализирован и контекстуален. Иными словами, чрезвычайно ценным представляется положение о том, что копинг-поведение различается не только у разных людей, но и у одного человека в различные периоды жизни и в разных условиях, а также то, что его можно регулировать и направлено формировать. По параметру эффективности конкретную копинг-стратегию целесообразно рассматривать в зависимости от контекста и условий ситуации, в которой она используется. Семья является платформой, на которой происходит становление у человека моделей поведения, обращенного на разрешение жизненных трудностей.

1.2 Современные исследования особенностей семейного копинга

В аспекте проблематики данного исследования привлекают внимание работы, посвященные изучению совладающего поведения (копинга) группового субъекта (семьи). С позиции Е. В. Куфтык, в первых усилиях по устранению трудной ситуации, ее преобразованию или приспособления к ней человеком обычно используются индивидуальные стили и стратегии совладания. В случае неудачных попыток индивидуально совладать с ситуацией применяется диадический (например, супружеский) и групповой (семейный) копинг. Под семейным копингом рассматривается взаимодействие и объединение копинг-усилий членов семьи, при котором копинг-поведение одного партнера (супруга) не является независимым от другого, как и результат их общих стараний [92]. Зарубежные исследователи копинг-поведения в семье, в дополнение к проблемно-ориентированному и эмоционально-ориентированному копингу, выделенными Р. Лазарусом, внедряют супру-

жеское совладание как: «эмпатический копинг» (A. DeLongis, D. O'Brien), «диадический копинг» (G. Bodenmann), а также «центрированный на отношениях копинг» (J. Coyne, D. Smith) [198, 209, 225]. Последний («центрированный на отношениях копинг»), предложенный Дж. Койн и Д. Смит, включает две стратегии: 1) активная поддержка, при которой действия супруга сконцентрированы на том, чтобы стимулировать партнера для обсуждения проблемы, выяснения его чувств и выработки совместного конструктивного разрешения трудной ситуации; 2) оказание защиты, при которой партнер эмоционально «разгружает» другого, например, тем, что не обсуждает беспокоящую тему, проявляет заботу, сдерживает негативные чувства и уступает партнеру, чтобы исключить размолвку [209]. Диадический копинг, разработанный Г. Боденманном, определяется как копинговые усилия одного из партнеров, ориентированные на улучшение и усиление функционирования другого партнера и их взаимоотношений. Обсуждаемая форма копинга представляет собой системное событие, организованное на учете стресс-сигналов одного партнера, восприятия этих сигналов другим партнером и его ответные реакции в какой-либо форме диадического копинга [199].

Е. В. Куфтяк супружеский копинг представляет в двух разновидностях: 1) симметрический, раскрывающийся в сходной взаимосвязи задеирования супругами поведенческих стратегий, например, в период диадических супружеских отношений в выборе позитивной стратегии совладания; 2) комплементарный, когда один из партнеров находится в более успешной / адаптивной позиции, чем другой и выполняет «защитную буферизацию», как попытки позитивного настроения партнера на преодоление трудностей, готовность взять на себя ответственность за решение проблемы [92]. Н. О. Белорукова предпочитает несколько отличную терминологию: 1) совместный диадический копинг; 2) поддерживающий, характерный для совладающего поведения молодых супругов на первом этапе жизненного цикла семьи (без детей) и зрелых супругов (на стадии «пустого гнезда») [9].

Весьма полезными для настоящего исследования оказались результаты работ, полученные учеными Костромского государственного университета, по данным которых для молодых супругов на стадии диадических отношений характерно

преимущественное использование проблемно-ориентированного копинга, стратегий «Планирование решения проблемы», «Самоконтроль» и субстиля «Социальное отвлечение». При этом молодые жены (без детей) в сравнении с мужьями чаще выбирают копинг, ориентированный на эмоции, на избегание, и субстили «Отвлечение» и «Социальное отвлечение» наряду со стратегией «Поиск социальной поддержки». Одновременно мужья достоверно чаще используют проблемно-ориентированные стратегии [9, 88, 93]. Вместе с тем, существуют убедительные свидетельства того, что родители, имеющие детей, в частности, матери детей дошкольного и младшего школьного возраста (из «условно благополучных» семей) к использованию эмоционально-ориентированного копинга и стратегии «Бегство-Избегание» прибегают гораздо реже по сравнению с выбором проблемно-ориентированного копинга, субстиля «Социальное отвлечение» и стратегий «Поиск социальной поддержки», «Планирование решения проблемы», «Самоконтроль», «Положительная переоценка» [38]. Однако для родителей детей этой же возрастной категории, но из семей, регулярно наказывающих детей, напротив, характерно обращение при со-владении прежде всего к эмоционально-ориентированному копингу, направленному на избегание и стратегии «Конфронтация», и значительно реже применяются проблемно-ориентированный копинг и стратегия «Самоконтроль» [95]. Схожие данные получены и в исследовании копинг-поведения у девиантных матерей, которые больше, чем женщины-матери из функциональных семей склонны к переживанию проблемы и эмоциональному отреагированию, при этом они прибегают к субстилю «Социальное отвлечение» реже, предпочитая субстиль «Отвлечение», носящий непродуктивный характер. Спецификой проблемно-ориентированного стиля копинг-поведения девиантных матерей является намеренное стремление к активной деятельности по реорганизации трудной ситуации и «застревание» на этапе анализа проблемы (отсутствие конкретных действий по ее разрешению) [43].

Отдельный акцент ставится на изучении копинга у родителей подростков. Из ряда работ (Н. О. Белорукова, Е. В. Куфтяк, Е. Г. Бабич и др.) следует, что супруги-родители подростков используют активные, проблемно-фокусированные, конструктивные стили и стратегии копинг-поведения, при этом жены-матери чаще,

чем мужья-отцы выбирают стратегию «Поиск социальной поддержки». В отношении специфики совладания отцов подростков получены противоречивые данные. Так, Н. О. Белорукова (2005) указывает на то, что мужья-отцы подростков больше своих жен используют стратегию «Бегство-Избегание», таким образом уступая первенство в процессе совладания женам [9]. Однако Е. В. Куфтык (2011) отмечает, что на этапе семьи, воспитывающей подростка, жены, по сравнению с мужьями, чаще выбирают наряду с субстилем «Социальное отвлечение» субстили «Отвлечение» и копинг, ориентированный на избегание [92]. Е. Г. Бабич (2015) аргументировано показала, что мужья-отцы нормально развивающихся подростков предпочитают проблемно-ориентированные стратегии, а у отцов подростков с ограниченными возможностями здоровья – стратегии, направленные на избегание [4].

Существуют указания также на то, что супруги в семьях проявляют особенности индивидуального, семейного, супружеского совладающего поведения, унаследованные ими из родительских семей, связанные с особенностями межпоколенных связей [143, 147]. В этой связи представляют интерес открытые исследователями закономерности формирования копинга в онтогенезе. Достоверно известно, что «закладывание» и дифференциация устойчивого стиля преодолевающего поведения происходит в период младшего школьного возраста. В частности, А. В. Смирновой было выявлено, что в возрасте 7-11 лет копинг характеризуется неравномерностью, гетерохронностью и наличием критического течения в период возрастных изменений и кризов [150]. М. В. Сапоровская указывает на то, что для детей этой возрастной категории в норме предпочтительными являются специфические виды совладающего поведения, направленные на избегание и отвлечение от трудной ситуации, восстановление физических сил, эмоциональное отреагирование, а также стратегии, призванные обратить на себя внимание взрослого, ориентированные на сотрудничество с ним [142]. Характерной особенностью совладания у детей данного возраста из дисфункциональных семей, как отмечает Т. В. Гущина, является предпочтение субстиля «Отвлечение», выражающегося в таких простых единичных копинг-действиях как: «смотрю телевизор», «иду гулять с друзьями», «сйду за компьютером», «слушаю музыку» и преимущественное, по сравнению со

своими сверстниками из нормально функционирующих семей, использование деструктивных способов совладания и асоциальных копинг-стратегий [43]. И. М. Никольская и Р. М. Грановская отметили, что применение когнитивных стратегий, направленных на решение проблем, является нетипичным для ребенка 7 – 8 лет [124]. Однако постепенно от младшего школьного возраста к младшему подростковому возрасту устанавливается более зрелый, цельный и социально приемлемый копинг-стиль, ориентированный на решение проблемы [150]. Из работ С. А. Хазовой (2002), И. И. Ветровой (2011) следует, что активное развитие стиля совладающего поведения происходит в подростковом и юношеском возрасте в условиях оживленного взаимодействия с родителями и сверстниками [177, 27]. По результатам исследований, осуществленных под руководством Т. Л. Крюковой, у подростков и юношей (15 – 19 лет) зафиксировано сложившееся в процессе социализации совладающее поведение с более или менее выраженным набором предпочитаемых и отвергаемых стратегий. При этом сочетание различных копинг-стратегий является подвижным и допускает альтернативы, а с 20-ти лет формирование этого поведения связано прежде всего с расширением репертуара и повышением гибкости в применении качественно более совершенных способов совладания [88].

Получен колоссальный эмпирический материал (Е. В. Куфтык, Н. О. Белорукова, Т. В. Гущина, М. В. Сапоровская, А. В. Смирнова и др.) о значимом влиянии совладающего поведения обоих родителей на формирование и становление у детей моделей копинг-поведения. И. М. Никольская и Р. М. Грановская заключают, что модель совладающего поведения родителей – это «готовая социально-культурная обстановка», создающая для ребенка «те необходимые формы приспособления, которые давно уже были созданы у окружающих его взрослых» [124]. При этом установлено, что становление копинг-поведения у детей в семье имеет сложную природу и не является условным «копированием» поведенческих моделей родителей [143]. Например, результаты исследования совладания в семьях, регулярно применяющих физические наказания, показали, что несмотря на неэффективность стресс-преодолевающего поведения родителей, в совладании которых доминирую-

щим является эмоционально-пассивный стиль разрешения трудностей и конфронтация, дети не воспроизводят родительскую модель совладания. Они ослаблено и противоречиво совладают с трудностями, предпочитая копинг-стратегии, направленные на социальные контакты с целью получения социальной поддержки и проявление деструктивной эмоциональной экспрессии [95]. Такое положение вероятно является следствием оценивания большинством детей и подростков ситуации конфликтных отношений с родителями как неопределенной, неподконтрольной [14]. Т. В. Гущина отмечает, что дети-дошкольники (от 5 лет) из дисфункциональных семей чаще всего обращаются к социальной поддержке, однако автор подчеркивает, что маленькие дети не ищут ее самостоятельно, а ожидают инициативы от взрослых, оставаясь пассивными, но при этом активно применяют различные виды разрядки, такие как эмоциональное отреагирование, двигательную активность и стратегии, направленные на восстановления сил (сон, еда) [43].

Е. В. Куфтяк свидетельствует о сложном характере интериоризации детьми родительского влияния: становление и развитие копинга связано с целой системой факторов, включающих детско-родительские отношения, качество привязанности ребенка к матери, систему личностных отношений ребенка, семейный контекст (как система условий жизнедеятельности семьи) и разную чувствительность детских копинг-стратегий к влиянию материнских и отцовских стилей совладания [93]. У детей к особенностям совладания матерей наиболее чувствительными являются стратегии, направленные на активное отвлечение, а к особенностям совладания отцов – рефлексивный уход [88]. Согласно точке зрения Н. О. Белоруковой, отстраненность и избегание в копинг-поведении отцов снижает вероятность выбора подростками конструктивного совладания и стратегии «Решение проблем». В то время как избегание, отвлечение и социальное отвлечение матерей приводит к использованию подростками стратегии «Самообвинение», ведет к замкнутости, уходу в себя, а дистанцирование матерей от проблемы приводит к беспокойству в совладании подростков. Отмечается, что к выбору конструктивного совладания, стратегии достижения подростка приводит отцовская активность, принятие им от-

ветственности, развитая способность к самоконтролю. Эти же стратегии уменьшают вероятность выбора подростком стратегий «Игнорирование», «Чудо», «Уход» (в себя). Использование матерью стратегии «Планирование решения проблемы» тоже уменьшает вероятность выбора подростком стратегии «Чудо». Предпочтение матерью конфронтации уводит подростка от стратегии беспокойство [9].

С одной стороны, имеются данные, что совладающее поведение ребенка более чувствительно к материнско-детскому отношению, а со стороны отца – именно к модели совладания [88, 95]. Так, нарушения в отношениях с матерью оказывают более негативное влияние на выбор подростком непродуктивного совладания с трудностями (стремление к разрядке, улучшению самочувствия за счет слез, криков, алкоголя, сигарет, наркотиков) [9]. С другой стороны, в последних исследованиях М. В. Сапоровская с коллегами установила, что предиктором развития совладающего поведения у детей (с 7 лет) и подростков являются межпоколенные отношения, при этом независимо от пола ребенка чаще транsgенерируется опыт совладающего поведения матери, чем отца [143, 127, 147]. Ряд стратегий, таких как фокусирование на решении проблемы, упорная работа и достижения, ставка на близких друзей, разрядка воспроизводятся как из материнского, так и из отцовского опыта. Опыт использования таких стратегий как общественные действия, обращение за помощью к профессионалу, стремление отвлечься и отдохнуть воспроизводится только по отцовской линии. Стратегии поиск общественной поддержки и беспокойство воспроизводятся испытуемыми только из материнского опыта совладающего поведения. Из опыта совладающего поведения бабушек передается копинг-стратегия «Игнорирование проблемы» [88]. М. С. Замышляева указывает на то, что совладающее поведение подростка чувствительно к жизненным ориентациям (оптимизм / пессимизм) родителей. Ученый заключает, что оптимистический стиль родителей детерминирует у подростков такие копинг-стратегии как работа и достижения, позитивный фокус [54]. В исследовании совладающего поведения в дисфункциональной семье показано, что при выборе копинг-стратегий дети больше всего чувствительны к выраженности у матери механизмов психологической защиты, нежели совладания, особенно это относится к подросткам. При этом

отмечается, что чем чаще матери прибегают к копинг-стратегиям, нацеленным на решение проблемы, тем больше выражена у подростков способность к позитивному восприятию действительности. Выбор матерями эмоционально-ориентированного копинга напрямую связан со стратегией несовладания у подростков, которые в этом случае в первую очередь выбирают копинг-стратегии «Друзья» и «Отвлечение» [43]. Очевидно, что то, как родители совладают с жизненными трудностями, влияет не только на формирование у детей моделей копинг-поведения. Например, в одном из исследований показано влияние копинга родителей на успешность школьной адаптации первоклассника, предиктором которого является предпочтение родителями стратегий проблемно-ориентированного копинга, направленных на анализ причин возникновения трудной ситуации, поиск возможных способов разрешения проблемы, реализацию конкретных действий по разрешению проблемы, а также стратегий копинга, ориентированного на социальное отвлечение, направленных на получение совета от близких или специалистов [142].

Существуют неопровержимые данные, подтверждающие, что на процесс совладания регистрируется влияние как со стороны родителей на формирование копинга у ребенка, как показано выше, так и со стороны ребенка с момента его рождения на актуализацию характерного для родителя стиля копинг-поведения. В частности, имеются исследования (О. Б. Подобина, А. Ю. Маленова, Е. Л. Калугина и др.), в которых эмпирически обоснован тот факт, что рождение ребенка обуславливает динамику совладающего поведения матери [132, 104, 69]. Динамический аспект анализа копинг-поведения женщины в ситуации от беременности к материнству, как показало лонгитюдное исследование копинга женщин на этапе беременности, родов и материнства до достижения ребенком полуторогодовалого возраста, осуществленное в 2005 году О. Б. Подобиной, связан с ростом субъективности в поведении женщин в форме более зрелого отношения к актуально трудной жизненной ситуации [132]. Беременные женщины значительно реже используют в трудных ситуациях проблемно-ориентированный копинг, обращаясь преимущественно при совладании к субстилю «Социальное отвлечение» и стратегии «Поиск социальной поддержки», а также существенно чаще матерей прибегают к стратегиям

«Избегание» и «Отвлечение». В отношении женщин, ожидающих ребенка, обозначенные копинг-стратегии толкуются как «охранительные», поскольку показано, что совладающее поведение по типу избегание и отвлечение помогает беременной женщине уберечь психику от неблагоприятных стрессовых ситуаций. Эмоционально-ориентированный стиль совладания используется чаще беременными, чем после рождения ребенка и в сравнении с женщинами, не имеющими детей [132]. Известно также, что ситуация начала школьного обучения ребенка «запускает» механизм копинг-поведения родителя [142]. Ситуация взаимодействия с ребенком с ограниченными возможностями здоровья обуславливает целый ряд особенностей в копинг-поведении его родителей [4, 130]. В частности, ограничения в состоянии здоровья ребенка оказывают деструктивное влияние на социальные сети их родителей, ограничивают попытки на получение эффективной социальной поддержки и первое место в ней супруги отводят друг другу, поэтому отмечено, что матери и отцы часто приходят к единому выбору копинг-стратегий и стилей совладания [38].

Несмотря на многообразие работ по копингу в сфере семейных отношений, необходимо сделать заключение о том, что в настоящее время остаются неизученными многие аспекты и вопросы семейного совладания с трудностями и стрессом. Изложенные выше исследования внесли серьезный вклад в развитие научных представлений о совладании родителей и детей дошкольного, младшего школьного возраста, а также подростков и юношей. Тем не менее, исследования копинг-поведения детей раннего возраста и их матерей практически не представлены в современных психологических трудах. На наш взгляд, такое явление вполне объяснимо в отношении изучения преодоления ребенком первых жизненных трудностей, возникающих у него до достижения им трехлетнего возраста. Объективным основанием в данном случае выступает положение о том, что копинг представляет собой исключительно феномен осознанного поведения и требует в достаточной степени развитых возможностей для вербализации и оценки своих поступков. Кроме того, не разработаны методики и методы исследования копинг-поведения детей обозначенной возрастной категории. Вместе с тем, широко известно, что трудноисследу-

емые стороны жизнедеятельности формирующейся личности ребенка раннего возраста находятся под доминирующим влиянием складывающихся на данном этапе материнско-детских отношений. Гармоничность которых определяется в том числе и тем, как мать справляется с многочисленными повседневными трудностями, неизбежно возникающими в процессе ухода, воспитания и общения с маленьким ребенком [69, 93, 103, 171].

В заключении поставим акцент на некоторых моментах, представляющих интерес для настоящего исследования.

Во-первых, копинг-поведение родителей оказывает значительное влияние на формирование детско-родительских отношений, становление у ребенка моделей копинг-поведения, паттерна восприятия стрессогенных ситуаций, закладывает основу его адаптивности в жизни в будущем. Материнский опыт совладания по сравнению с отцовским обладает большей трансгенерацией и в большей степени сказывается на определении стиля детско-родительских отношений.

Во-вторых, обстоятельства жизни, связанные с ребенком, обуславливают смысл и специфичность трудной ситуации, провоцируют репрезентативный для матери стиль копинг-поведения.

В-третьих, несформированность активных поведенческих стратегий, таких как «Активный копинг», «Планирование», «Поиск активной общественной поддержки», «Положительное истолкование» и «Личностный рост» трактуется как неадекватный в ситуации материнства копинг, блокирующий выстраивание благополучных материнско-детских отношений. Эмоциональные копинг-стратегии фокусируют мать прежде всего на своих собственных переживаниях, могут вызывать тревогу и раздражение по отношению к ребенку, ощущение беспомощности и невозможности справиться с ситуацией в совмещении с агрессивностью, что может повлечь применение физических наказаний ребенка.

И, наконец, в-четвертых, большинство современных работ фактически не затрагивают копинг, разворачивающийся на стадии жизненного цикла семейной системы со здоровыми детьми раннего возраста (1–3 года).

1.3 Трудности материнства и совладающее поведение в отношениях с детьми раннего возраста

Рождение ребенка (особенно первого) и период его раннего детства, включающего младенческий и ранний возраст, исследователями семейного онтогенеза (М. Боуэн, Р. Скиннер, Ю. Е. Алешина, А. Я. Варга, Э. Г. Эйдемиллер, Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова, Е. В. Куфтык и др.) единогласно определяются как критические жизненные события для развития личности женщины, сохранения ее психоэмоционального здоровья. Называются следующие значимые изменения, которые материнство привносит в жизнь женщины и к которым она не всегда психологически готова: обретение новой социальной роли, изменение в общественной жизни женщины, перерыв или полный отказ от профессиональной деятельности и карьеры либо совмещение ухода и воспитания ребенка с работой, снижение собственного материального положения и материальная зависимость от мужа или других членов семьи [57, 60, 162, 171]. Как справедливо отмечает Л. А. Базалева, «многие другие жизненные перемены (замужество, потеря работы и пр.) являются обратимыми, а такое событие, как материнство, – необратимо» [6, с. 228]. На этот факт указывают и зарубежные современные исследователи М. Mikolajczak, М. Brianda, Н. Avalosse, I. Roskam, занимающиеся изучением специфики материнского выгорания по сравнению с профессиональным выгоранием. Ученые подчеркивают, что «исполнение родительской роли, требует от матери постоянной включенности в отношения с ребенком: нельзя уйти в отпуск или взять больничный лист» [227, с. 134]. Становится очевидно, что вынужденный отказ от привычного образа жизни и необходимость формирования нового жизненного стереотипа сопряжены со специфическими трудностями и переживаниями женщиной-матерью высокого уровня психологического стресса.

Л. А. Базалева в своей работе, посвященной изучению материнского выгорания, рассматривает материнские трудности прежде всего в контексте реализации материнских функций на каждом онтогенетическом этапе развития ребенка [5]. Опираясь на классификацию материнских функций Г. Г. Филипповой, отметим,

что к общим материнским функциям относят уход, образование и воспитание ребенка, согласно основным уровням его потребностей: биологических – в обеспечении условий для естественного созревания (среды, питания); социальных – в социальном становлении личности, освоении социальных ролей; индивидуальных – становлении своего «Я», индивидуализации. Содержание дополнительных материнских функций определяется этапом онтогенетического развития ребенка [171].

Л. А. Базалева замечает, что значительные трудности, обращающие на себя внимание своей актуальностью и злободневностью, вызывает у современной матери выполнение воспитательной функции. Данная функция реализуется ежедневно, непрерывно и являет собой процесс передачи матерью ребенку «имеющихся у нее знаний, умений, навыков, используя при этом все доступные ей и ребенку виды деятельности (игру, учебу, труд) и общение» [6, с. 229]. Для матери ребенка раннего возраста это прежде всего деятельность по обучению ребенка предметно-манипулятивным навыкам, речевому и когнитивному развитию [187]. Стоит отметить, что в рамках процесса обмена информации между матерью и ребенком мать вынуждена почти постоянно (в том числе в целях пополнения словарного запаса у ребенка) разговаривать с ним и тогда, когда у нее есть желание и когда таковое отсутствует, акцентировать его внимание на новом, следить за правильностью собственной речи. Поэтому общение не всегда для матери может быть непринужденным и необременительным [6].

Поскольку основной объем материнских умений осваивается женщиной непосредственно в процессе осуществления материнских функций, матери вынуждены заниматься самообразованием [57]. Женщине-матери необходимо научиться не только кормить, купать ребенка, но и овладеть приемами организации его поведения и развития. С этой целью матери знакомятся со специальной литературой по воспитанию и обучению ребенка, участвуют в вебинарах и тренингах, направленных на освоение дидактических техник или психологических развивающих методик. Вместе с тем необходимо отметить, что смена социально-экономических и идеологических ориентиров в российском социуме в последние десятилетия лишила ясности представление о том, как верно воспитывать ребенка [181]. Приемы

и способы семейного воспитания, используемые прежде, нередко в современных условиях уже неуместны, кроме того, как указывает М. В. Сапоровская в своем исследовании межпоколенных отношений в семье, подобные родственные связи в настоящее время недостаточно для этих целей развиты [143]. На этих основаниях Л. Н. Галиузова и С. Ю. Мещерякова заявляют об имеющей место недостаточной компетентности современной матери в сфере воспитания маленького ребенка. Уровень этой компетентности определяется наряду с умением матери реализовывать правильный уход за ребенком (соблюдать правила гигиены, режима питания, сна и прогулок и т. д.), также и знанием его психологических особенностей развития, его потребностей и способностью удовлетворять их. Зачастую матери либо ограничиваются уходом и присмотром за ребенком, либо, напротив, нацелены «на неадекватную возрасту стимуляцию раннего интеллектуального развития», в результате чего резервы и безграничные потенциальные возможности указанного периода часто не реализуются [34, с. 89].

На данное обстоятельство обращают внимание и другие исследователи (Е. Н. Токарева, Л. С. Рычкова, Ю. А. Старостина, И. С. Морозова). Так, Ю. А. Старостина отмечает, что большинство матерей, воспитывающих детей раннего возраста, ориентируется на более ранние, чем принятые в научной психологии, сроки развития ребенка и в соответствии с этими представлениями строят свое поведение в его отношении [154]. Исследователи объясняют такое положение «современными жизненными реалиями», в частности, распространенностью идей раннего развития, с целью обеспечения ребенку «успешности» в будущем, высокими требованиями при поступлении в начальную школу и др. [115, 34]. Такое желание матери искусственно ускорить развитие собственного ребенка за счет как можно более раннего его перехода на последующую возрастную ступень развития называют «форсированием развития» [154, с. 41]. В. С. Мухина по этому поводу ранее указывала на «неумолимо изменяющуюся ментальность материнства как социально-исторического явления» [120, с. 142]. Во многом этому способствует появление большого числа методик раннего развития. Однако специально организованные занятия, широко распространенные в современное время, как указывает О. А. Карабанова

(2017), могут быть направлены как на амплификацию развития, так и на искусственное его форсирование, при котором эмоционально-личностная и социальная сфера ребенка, его собственная активность часто игнорируются, что является предиктором нарушений в развитии ребенка и стрессом для матери [71].

Осуществление функции эмоциональной поддержки матерью своего ребенка (в терминологии У. Биона – «контейнирование», в терминологии Д. Винникотта – «холдинг») также может периодически быть трудновыполнимой для нее [13, 29]. В частности, Л. А. Базалева отмечает, что эта функция «по содержанию чаще всего самая энергозатратная ... поскольку любое поведение ребенка находит экспрессивный отклик в ее душе» [6, с. 229]. Реализуя эту функцию, самой матери необходимо пребывать достаточно часто в эмоционально ровном, стабильном состоянии, между тем в научной литературе имеются данные о том, что на ранних этапах материнства у матери актуализируются травмирующие эффекты прошлого – минувших событий собственного детства или отношений с родителями, что поддерживает эмоционально-напряженный фон в ее состоянии [93]. Наряду с этим, одна из главных трудностей материнства на ранних его этапах состоит в том, что мать включена в поток практически постоянных переживаний и размышлений по отношению к здоровью маленького ребенка. Колоссальная ответственность за здоровье и безопасность ребенка, накладываемая ей самой на себя и обществом на мать, поражает зависимость от врачей, частые визиты к которым нередко являются стрессовыми ситуациями для матери, независимо от состояния здоровья ее ребенка [167]. Наряду с этим, необходимость принимать важные решения в отношении здоровья ребенка, например, согласия / отказа от профилактических прививок, также является определенным стрессом для матери [166]. Увеличивается личная ответственность и за собственное здоровье, жизнь и деятельность.

В качестве одной из повседневных монотонных функций можно привести и обеспечение ребенку полноценного отдыха и восстановление сил. Эту задачу необходимо решать наравне с вопросами детского питания, гигиены. В период раннего возраста, по нашему мнению, это наиболее трудоемкая функция по сравнению с другими возрастными периодами детского развития. Так, чтобы накормить ребенка

раннего возраста (в отличие от младенца, находящегося на грудном вскармливании или ребенка в более поздние периоды онтогенетического развития) необходимо приготовить специальную еду, отличную от таковой для других членов семьи, следует ее измельчить (протереть) перед кормлением, научить ребенка держать ложку, затем после приема пищи переодеть его, вымыть ребенка и все вокруг и т. д. Нередко этот процесс становится весьма трудоемким и стрессогенным для матери.

В рамках другой материнской функции – регулятивной, подразумевающей под собой постоянный контроль за отношениями ребенка с другими людьми: отцом, другими членами семьи, друзьями семьи и просто знакомыми матери, а также чужими людьми как взрослыми, так и детьми, у матери возникает необходимость контролировать и свое поведение, демонстрируемое ребенку [6]. Здесь также уместным будет сказать, что сами матери зачастую «страдают» от недостатка общения с другими взрослыми. Относительная «замкнутость» психологического пространства диадных отношений с ребенком часто является для нее стрессовым фактором [97]. Вероятно, стоит отметить и тот факт, что довольно часто дети раннего возраста под влиянием задач данного этапа онтогенетического развития, заключающихся, прежде всего, в развитии автономности и независимости через осознание собственных возможностей, значимости своего «Я», ведут себя не так, как ожидают их матери. Стремление ребенка к самостоятельности, непоседливость и возрастная познавательная сверхактивность малыша, побуждающая его к бесконечному исследованию окружающего мира, нередко небезопасными способами, может приводить к тому, что мать не успевает справляться с возрастающими потребностями ребенка, теряет контроль над ними. В англоязычной литературе довольно часто материнский стресс, обусловленный трудностями, возникающими в процессе взаимодействия с ребенком раннего возраста, сопоставляют со стрессом, инициируемым общением с подростком, подчеркивая, что оба эти возрастные периоды являются «переходными». И подобно тому, как существует отдельный термин для обозначения подросткового ребенка (13 – 16 лет) – подросток, в англоязычном научном обиходе в последние десятилетия применяется отдельное название для обозначения ребенка, «который учится ходить» (1 – 3 года) – тоддлер [203, 216, 243].

В контексте последствий переживания материнского стресса Е. В. Тихомирова и И. А. Уманская установили, что психическая чувствительность, социальный контекст, физиологические изменения за столь короткий срок (беременность, роды, вскармливание ребенка грудью), а главное – повторяющиеся трудности, связанные с уходом, воспитанием и непосредственным взаимодействием с ребенком, могут привести к «расширению диапазона страхов, возникновению ситуативной тревожности, искажение «я – концепции» [162, с. 147]. Исследователи показали, что женщины-матери в анализируемый период испытывают трудности с концентрацией внимания, долговременной памятью и нервно-психической устойчивостью. Ученые сообщают о том, что у матерей «настроение после рождения ребенка изменилось в сторону нестабильности, амбивалентности чувств и эмоций» [там же, с. 148]. Таким образом, повседневные материнские трудности и стрессовые ситуации, закономерно возникающие в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с маленьким ребенком определяют постоянный фон необходимого сосредоточения и напряжения сил матери. Вследствие этого матери подвергаются неизбежному риску переживания не только высокого уровня эмоционального стресса, тревожных состояний или симптомов депрессии, но также специфическому синдрому материнского выгорания [5, 103, 132, 162, 176, 202, 213, 227, 243].

Ранее некоторые зарубежные и отечественные исследователи (J. Procaccini, M. W. Kiefafer, D. Pelsma, A. L. Norberg, C. Lindstrom, Н. Е. Водопьянова, М. С. Голубева, В. Д. Сапоровская, Г. С. Корытова, В. Е. Орел и др.) неоднократно высказывали предположения о существовании родительского выгорания, считая, что некоторые родители настолько истощены повседневными проблемами, связанными с непосредственным взаимодействием, уходом и воспитанием детей, что для обозначения их состояния подходящим является психологический термин «burnout» (пер. с англ. – «выгорание»), введенный в научный обиход в середине 1970-х годов [31]. Апеллирование к зарубежным современным исследователям данного феномена, позволило обнаружить, в работах I. Roskam, M. Raes, M. Mikolajczak (2017, 2018) доказательство, что родительское выгорание может быть доста-

точно точно определено и инструментально измерено. Исследователи изучили специфику материнского выгорания по сравнению с профессиональным выгоранием. Полученные эмпирические результаты подтвердили известную трехмерность структуры синдрома выгорания матерей, включающей компоненты эмоционального истощения, материнской неэффективности и эмоционального дистанцирования матери от ребенка и проблем с ним связанным [234]. М. Mikolajczak с коллегами достаточно развернуто описали проявления материнского выгорания. В частности, они отмечают: «первое – это истощение, связанное с исполнением родительской роли, требующей постоянной включенности в отношения с ребенком. Второе проявление выражается в эмоциональном дистанцировании от своих детей: эмоционально истощенные матери ... делают минимум для детей; взаимодействия ограничены функциональными / инструментальными аспектами оценки эмоциональных предпочтений. Третье – матери считают, что они не в состоянии спокойно и эффективно справляться с проблемами» [227, с. 134]. Полученные в эмпирическом исследовании статистически достоверные корреляционные коэффициенты, отражающие от низкой до умеренной силы связь между выгоранием родителей и профессиональным выгоранием, стрессом и депрессией родителей, свидетельствуют о том, что выгорание матерей – это нечто иное, чем просто родительский стресс или депрессия, а именно: выгорание находится в пределах континуума между стрессом и депрессией, представляя собой уникальный и контекстно-специфический синдром. Доля родителей с выгоранием, по данным I. Roskam (2017, 2018) и М. Mikolajczak (2017), составляет от 2 до 12% [234].

Среди главных последствий родительского, прежде всего, материнского выгорания современные исследователи (М. Mikolajczak, М. Brianda, Н. Avalosse, I. Roskam) называют апатию, безучастность к семейным делам, «идеи побега и суицидальные мысли, конфликты с со-родителем, наличие пренебрежительного (например, спать в другой комнате, оставив без присмотра играющего ребенка 2-х – 3-х лет) и насильственного поведения (акты словесного насилия: оскорбления, истерические крики, физическое насилие: шлепки) по отношению к своему ребенку» [227, с. 141]. Здесь вероятно важным будет заметить, что в настоящее

время ученые (M. Mikolajczak, M. Raes, H. Avalosse, I. Roskam) достаточно убедительно доказали тот факт, что синдром родительского выгорания не связан с социально-экономическим статусом, поэтому может представлять угрозу для благополучия детей даже в самых образованных и материально благополучных семьях [228]. Однако подобно тому, как постстрессовое напряжение не всегда приводит к профессиональному выгоранию, материнский стресс также не всегда приводит к выгоранию матерей [230, 232]. Определяющим моментом в данном контексте, согласно транзакционной модели стресса (R. Lazarus, S. Folkman), выступает использование стратегий преодоления стресса (копинг-стратегий) при столкновении с ним [225]. Следовательно, поведенческие стратегии матери можно рассматривать как промежуточное звено между совладанием с материнским стрессом и материнским выгоранием [205, 210]. Здесь необходимо заметить, что в более ранних работах Г. С. Кобытовой проводилась эмпирическая верификация синдрома эмоционального выгорания как одного из неосознаваемых механизмов психологической защиты, являющегося элементом системы защитно-совладающего поведения индивида [80, 83, 81]. В этой связи актуализируется интерес к изучению материнского поведения в принципиально новом аспекте социального поведения – копинга (от англ. to cope – «совладать»), определяющегося как особое и целенаправленное, совладающее со стрессом поведение, которое обеспечивает продуктивность, здоровье и благополучие человека и позволяет справиться с трудными жизненными событиями и обстоятельствами способами, адекватными личностным особенностям индивида и психологически напряженной ситуации [79, 246].

В завершении данного раздела работы выделим следующие моменты:

1. Изменения, привнесенные материнством в жизнь женщины (изменение социального статуса, стиля жизнедеятельности, структуры семейных связей, временная профессиональная стагнация, снижение собственного материального благополучия), обуславливают возникновение материнского стресса.

2. Эмоциональный стресс, испытываемый многими женщинами на ранних этапах материнства, характеризуется как переживаниями, вызванными ограничением ее личной жизнедеятельности, вытекающей из необходимости постоянной

адаптации к потребностям ребенка (чувство вынужденной полной самоотдачи и «потери» себя, усталости от монотонности и однообразия бесконечных повседневных домашних дел и проблем), так и переживаниями, инициированными огромной и непрерывной ответственностью за здоровье и самочувствие ребенка.

3. Осваивание женщиной основного объема материнских умений в процессе осуществления ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста сопровождается преодолением специфических трудностей.

4. Повседневные трудности и эмоционально-насыщенные ситуации, закономерно возникающие в период ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста определяют постоянный фон необходимого сосредоточения и напряжения сил матери. В этой связи матери, имеющие детей-toddlers, широко подвержены риску переживания высокого уровня психологического стресса, тревожных состояний, симптомов депрессии, а также синдрому материнского выгорания, который не связан с социально-экономическим статусом семьи.

5. Главными последствиями материнского выгорания являются апатия, безучастность к семейным делам, конфликты с отцом ребенка, наличие пренебрежительного и насильственного поведения по отношению к ребенку.

6. Эффективное материнское совладание с повседневными трудностями и стрессогенными ситуациями, инициирующимися на ранних этапах материнства, рассматривается как превенция материнского выгорания.

Выводы по главе 1

Обобщение результатов теоретического изучения копинг-поведения матери дало возможность сформулировать выводы, которые в соответствии с логикой проведенного исследования были интегрированы в два направления.

I. Анализ феноменологического содержания копинг-поведения позволил зафиксировать следующие результаты:

1. Несмотря на отсутствие понятийной чистоты и терминологической «разнобой», понятие «копинг» в подавляющем большинстве случаев соотносится с процессом личностного развития, социально-психологической адаптацией индивида, а также с совершенствованием ресурсов и способов стресс-преодолевающего поведения.

2. Под копингом в данной работе будем понимать особый вид социального целенаправленного поведения, позволяющего человеку справляться с трудной, стрессогенной ситуацией способами, релевантными личностным особенностям и изменившейся ситуации, реализация которого осуществляется посредством использования осознанных копинг-стратегий, сосредоточенных на разрешении проблемных, стрессогенных ситуаций (либо адаптирующих индивида к требованиям конкретной ситуации, либо помогающих ее преобразовать). Такой вид поведения можно регулировать и направлено формировать.

3. Эффективное совладание с проблемной ситуацией зависит от ее характеристик, от возможности и способности человека контролировать ситуацию по объективным параметрам, а если это исключено, то от способности человека взять контроль над собой (своими эмоциями, мыслями, поведением).

4. Эффективность определенной копинг-стратегии целесообразно рассматривать в зависимости от контекста и условий ситуации, в которой она задействуется, ибо успешность применения какой-либо стратегии (копинг-стиль) в одной стрессогенной ситуации не гарантирует ее результативность в других ситуациях.

5. Эффективность определенной копинг-стратегии зависит не только от реальной ситуации, но и от ее индивидуального когнитивного оценивания, критериями которого является ряд характеристик, описанных на объективном и субъективном уровнях (контролируемость, продолжительность, интенсивность, высокие требования к ресурсу адаптации).

6. Социокультурные переменные и прежде всего родительские установки являются фундаментом, на котором происходит становление у человека моделей копинг-поведения.

II. Анализ особенностей материнского копинга, а также специфики трудностей и стресс-факторов, актуализирующихся в период ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста, позволил утверждать:

1. Смысл и специфичность проблемной ситуации взаимодействия с ребенком актуализирует характерный для матери стиль копинг-поведения.

2. Материнское совладание определяет благополучие материнско-детских отношений, а также имеет значительное влияние на формирование у ребенка паттерна восприятия стрессогенных ситуаций, становление моделей копинг-поведения, закладывает основу его адаптивности в жизни в будущем.

3. К критериям эффективного материнского копинга относят выбор в пользу стратегий, ориентированных на активное разрешение проблем, по сравнению с выбором эмоционально-ориентированного копинга, фокусирующего мать на своих собственных переживаниях, «отдаляющих» ее от ребенка, и вследствие этого являющегося наименее эффективным в материнском совладании.

4. Имеющиеся исследования семейного копинга фактически не затрагивают ранний возраст (1 – 3 года) и в большей степени обращены к родителям и детям дошкольного возраста, младшего школьного возраста, а также подросткам и юношам, что делает изучение копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста, объективно актуальным.

5. Период ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста для матери по уровню стрессогенности напрямую соотносится с пролонгированным по временным параметрам ролевым напряжением и стрессом от общего воздействия неизбежно возникающих и накапливающихся ежедневных трудностей, а также эмоционально-стрессовых ситуаций, что требует значительных психических и физических ресурсов матери, в том числе и ресурсов совладающего поведения. Если их оказывается недостаточно, то возникает риск развития материнского выгорания. Такое положение определяет необходимость психологической помощи матери в преодолении повседневных трудностей и эмоционально-стрессовых ситуаций, инициирующихся в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста (тоддлером).

ГЛАВА 2 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАТЕРИНСКО-ДЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ РЕБЕНКА

2.1 Особенности психосоциального развития ребенка раннего возраста

В возрастной психологии под понятием «возраст» принято понимать относительно замкнутый цикл детского развития, имеющий свою структуру и динамику, продолжительность которого определяется его внутренним содержанием. Л. С. Выготский в своих трудах отмечал, что хронологический и психологический возрасты человека не совпадают [33]. Абсолютный (календарный, паспортный, хронологический) возраст датируется в единицах измерения времени (дни, месяцы, годы и т. д.) и является лишь координатой отсчета, на фоне которой происходит процесс психического развития ребенка, становление его личности. В психологической науке используется условный возраст, определяемый методом периодизации для структуризации онтогенеза человеческой жизни [23]. Согласно общепринятой отечественной периодизации Д. Б. Эльконина, ранний возраст – стадия психического развития ребенка, охватывающая возраст от одного года до трех лет [187]. В данной работе при упоминании термина «ранний возраст» будем придерживаться указанного возрастного диапазона.

Первые глубокие серьезные исследования психики ребенка в раннем детстве (включает младенческий и ранний возраст) стали появляться в конце XIX – начале XX вв. в зарубежной психологии у таких авторов, как: З. Фрейд, В. Штерн, А. Фрейд, Ж. Пиаже, Э. Эриксон, М. Кляйн, В. Фэйрберн, М. Маллер, Г. Гантрип, У. Бион, Д. Винникотт, О. Кернберг, Р. Спитц, Дж. Боулби, М. Эйнсворт и др. В отечественной психологии наиболее известными исследователями раннего детства являются Л. С. Выготский (1930), М. Ю. Кистьяковская (1945), А. Р. Лурия (1956), Д. Б. Эльконин (1960), А. В. Запорожец (1965), Н. М. Щелованов (1969), М. И. Лисина (1974), А. Г. Рузская (1974), А. Н. Леонтьев (1975), П. Я. Гальперин (1978), В. С. Мухина (1975), Н. М. Аскарина (1977), Е. О. Смирнова (1981), Е. М. Мастюкова (1981), Н. Н. Авдеева (1982), Л. Н. Галиузова (1983), С. Ю. Мещерякова (1991),

Л. Ф. Обухова (1996), Г. В. Пантюхина, К. Л. Печора, Э. Л. Фрухт (1996), Е. А. Стребелева (1998), Ю. А. Разенкова (1998), Е. Б. Волосова (1999), Р. Ж. Мухамедрахимов (1999), Я. Н. Шапиро, И. А. Чистович (2000) и др. Проблема раннего развития ребенка вызывает пристальный интерес у исследователей и в наши дни. В значительной мере это связано с широким признанием неоспоримого факта об уникальности и важности периода раннего детства для всего последующего умственного, физического, речевого и эмоционального развития ребенка.

Для дальнейшего содержательного анализа исследований, посвященных развитию ребенка в раннем возрасте, необходимо отметить, что в современной возрастной психологии принято, что термин «развитие» указывает на изменения, которые со временем происходят в строении тела, психике и поведении человека в результате биологических процессов в организме и воздействия окружающей среды. Под «диагностикой развития» понимают систему исследовательских приемов, задача которых – определение реального уровня развития или возраста развития (уровня зрелости ребенка), достигнутого ребенком [182]. Уровень развития ребенка определяется с помощью задач (актуальных для конкретного возрастного периода), решаемых под руководством взрослых [1]. В дальнейшем в нашей работе при изучении психосоциального развития ребенка будем опираться на эти положения. На современном этапе можно выделить несколько отечественных подходов к определению уровня развития ребенка раннего возраста. Так, например, Е. А. Стребелева с коллегами (Г. А. Мишина, Ю. А. Разенкова, А. Н. Орлова, Н. Д. Шматко и др.) ставит акцент на ранней диагностике уровня умственного развития детей от двух до трех лет. Исходной теоретической основой ученые выбирают положения И. П. Павлова о том, что чем моложе организм, тем нервная система более пластична и гибко реагирует на воздействие извне, а также положения культурно-исторической концепции о ведущей деятельности и о зоне ближайшего развития. В качестве основных параметров выделяются: изучение особенностей умственного развития ребенка, восприятия, узнавание, наглядно-действенное мышление, продуктивные виды деятельности [158]. Е. О. Смирнова и ее научная группа (Л. Н. Га-

лиузова, Т. В. Ермолова, С. Ю. Мещерякова и др.) на основе культурно-исторической концепции психического развития Л. С. Выготского предприняли попытку реализовать целостный личностно-ориентированный подход к оценке психического развития ребенка с позиции теории ведущей деятельности А. Н. Леонтьева, периодизации психического развития Д. Б. Эльконина, а также концепции амплификации и генезиса общения ребенка со взрослым М. И. Лисиной и в качестве критериев общего развития определяют поведение ребенка в совместной деятельности со взрослыми, развитие предметной деятельности и процессуальной игры, взаимодействие со сверстниками и взрослыми [151]. Согласно точке зрения В. В. Юрьева с коллегами (Е. А. Алешина, Н. Н. Воронович, М. М. Хомич), необходимо обращать особое внимание на развитие общей моторики, ручной умелости, развитие речи, социальной адаптации, позволяющие оценить как уровень, так и динамику показателей психомоторного развития у детей [189].

О. В. Абрамова и Б. М. Коган (2014) ввиду многообразия взглядов ученых на проблему оценки развития ребенка раннего возраста замечают то, что «чем младше ребенок, тем труднее решить, какие компоненты исследования уместно применить» прежде всего [1, с. 37]. С этой точки зрения все больше современных исследователей раннего возраста (Г. В. Скобло, О. Ю. Дубовик, Е. П. Зубова, С. В. Трушкина и др.) склонны к обращению к междисциплинарному подходу для оценки развития маленького ребенка с участием смежных специальностей (с привлечением специалистов разных направленностей: педиатров, неврологов, психологов, педагогов, социальных работников) [149, 58, 165]. При таком подходе принято отслеживать развитие ребенка по изменениям в трех областях: физической, когнитивной и психосоциальной. К физической области относят: размеры и форму тела (масса тела, рост, окружность головы) и органов, изменения структуры мозга, физическое здоровье, сенсорные возможности и моторные (двигательные) навыки. Когнитивная область является комплексной характеристикой развития познавательной деятельности ребенка. В структуру исследуемых показателей когнитивной деятельности входят: восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речевое развитие, развитие мелкой моторики и зрительно-моторных координаций [119]. Из

ряда последних работ (Л. П. Уфимцева, Л. А. Сырвачева, Н. В. Степанец и др.) следует, что к психосоциальной области относится развитие личности и межличностных отношений, при этом эти две сферы развития взаимосвязаны и охватывают, с одной стороны, изменение Я-концепции, эмоций и чувств, а с другой – формирование социальных навыков и моделей поведения [160, 168]. Поскольку развитие ребенка в настоящих трех областях (физической, когнитивной и психосоциальной) происходит одновременно и взаимосвязано, Е. Л. Инденбаум указывает на то, что структура психосоциального развития может быть выделена лишь с определенной мерой условности: ее составляют тесно переплетенные линии познавательного, эмоционального, личностного развития, находящие отражение в социальном поведении – овладение социально заданными ролями, знаниями, умениями, навыками и способами взаимодействия с другими людьми [63]. Еще десятилетие назад исследователи Санкт-Петербургского института раннего вмешательства (Я. Н. Шапиро, И. А. Чистович), которые при адаптации опросника RCDI-2000 выделили шесть основных областей развития ребенка в раннем возрасте (социальная, самообслуживание, крупные движения, тонкая моторика, развитие речи, понимание языка), указали на то, что такое деление может быть лишь с определенной мерой условности, поскольку выделить независимые друг от друга области развития невозможно [182]. Так, Э. Г. Эриксон в своей концепции психосоциального развития, которая позиционируется как концепция об отношениях «Я» и общества, положил в основание периодизации три процесса: соматическое развитие, социальное развитие, развитие сознательного «Я», чем прямо указал на наличие взаимосвязи индивидуального и социального развития [188].

В «Психологической энциклопедии» под редакцией А. А. Реана (2012) дается определение психосоциальному развитию как развитию природных возможностей человеческой психики в общественных условиях его жизни с помощью средств, созданных обществом; развитие сознания и самосознания в процессе взаимодействия с окружающей социальной средой, обучение и воспитание, овладение социальными способами взаимодействия (вербальными и невербальными средствами

общения) [139]. В современных работах (Л. А. Сырвачева, Л. П. Уфимцева), на которые мы будем опираться при разработке методического инструментария, предлагаются следующие показатели психосоциального развития дошкольников: общение ребенка со взрослыми, общение со сверстниками, сформированность произвольного поведения, включающее определенные навыки самообслуживания (навыки опрятности, одевания / раздевания, потребления пищи, туалет-тренинг, исполнение мелких домашних поручений) и развитие сознательного «Я» [168]. Я. Н. Шапиро и И. А. Чистович совершенно уместно, на наш взгляд, делают акцент на том, что поскольку девочки к трем годам значительно опережают мальчиков по уровню межперсонального поведения, при выборе диагностического инструментария необходимо обратить внимание на то, чтобы все уровни для мальчиков и девочек определялись отдельно [182]. Опираясь на вышесказанное, логично, что одним из ключевых показателей психосоциального развития личности является ее обращенность на других людей и на себя, ибо именно через обращенность на другого человека происходит отделение ребенка от окружающих, развитие его автономии, формирование самосознания и развитие личности. Совершенно очевидно, что ребенок раннего возраста не сразу понимает, что у других людей есть свои нужды, проблемы, дела и, только взрослея, он начинает ощущать себя частью широкого социального мира и изменяет, модернизирует свое поведение в соответствии с тем, как он осознает влияние своих действий на окружающих его людей [101].

Е. О. Смирнова и Е. А. Абдулаева подчеркивают, что формирование самостоятельной личности начинается с умения управлять своим телом. Исследователи делают акцент на том, что в раннем возрасте возникновение самосознания связано со становлением пространственного образа себя в границах своего тела, а именно: ребенок не видит себя и свои достижения со стороны, он их ощущает посредством переживания собственного движения, телесного равновесия и тактильных ощущений, которые задают границы своего тела. Хотя «первичное самоощущение складывается с первых недель и месяцев жизни, однако наиболее интенсивно оно формируется с началом активных движений и прямохождением, т. е. в раннем возрасте» [153, с. 17]. С момента, когда ребенок начинает ходить, освободив руки от

ползания, он получает возможность активно познавать окружающий мир через манипуляции с предметами. С помощью матери ребенок учится правильно пользоваться ими, он наблюдает за тем, как это делает она и подражает ей, что является одним из основных источников развития в этом возрасте [187]. Овладение ходьбой настолько значительное событие в перспективе развития ребенка, что в зарубежной психологии данный период отмечен лингвистически. В частности, в англоязычных странах для обозначения детей в возрастной категории от одного года до трех лет в последние десятилетия применяется отдельный термин – «тоддлер» (от англ. *toddler*), дословно переводящийся как: «ребенок, который учится ходить» [203]. Данный лингвистический факт отражает весьма глубокий психологический смысл, заключающийся в необходимости ярко выделить обозначенный детский возрастной период развития как не менее важный для становления личности, чем подростковый возрастной период. Можно сказать, что если в пубертатном периоде подросток стремится перестать быть «ребенком», то в раннем возрасте ребенок-тоддлер стремится перестать быть «младенцем». В обоих случаях стоит цель – автономность и независимость через осознание собственных возможностей, значимости своего «Я». Так же, как и подросток, ребенок-тоддлер становится все более уверенным в своих собственных силах. Однако при всем страстном желании выйти из-под материнской опеки, он одновременно испытывает сильный страх, если ему показалось, что таковая действительно исчезла. Поэтому в обозначенный возрастной период в развитии самосознания большую роль играет и чувство привязанности, формирующееся к концу первого года и развивающееся в период раннего возраста [17].

Понятие привязанности в разных концепциях интерпретируется несколько по-разному, тем не менее общим для всех трактовок признается организация тесной, индивидуально направленной эмоциональной связи ребенка с матерью, для которой характерны две противоположные тенденции: одна – тяга ребенка к риску, активному познанию мира, что уводит его от матери, и другая – стремление к защите и безопасности, что возвращает его к ней; и чем надежнее привязанность, тем выше инициативность ребенка [24, 94, 96, 134, 201]. В этой связи именно данный возраст, по мнению ряда исследователей (Дж. Боулби, Р. Спитц, М. Эйнсворт),

дает примеры яркого проявления торможения развития интереса ребенка к внешнему миру и его познавательной активности при отсутствии привязанности к матери, и напротив, при сформированной привязанности, присутствие матери стимулирует познавательный интерес и исследовательскую активность даже в новой, вызывающей у ребенка опасение ситуации [17, 238, 186]. Ряд исследователей (Е. О. Смирнова, Б. Е. Микиртумов, А. Г. Кощавцев, С. В. Гречаный др.) отмечают, что дети, имеющие надежную привязанность к матери в возрасте от одного года до одного года шести месяцев, в два года достаточно общительны и проявляют сообразительность в играх. В то время как у детей, первичная привязанность которых характеризуется как «дезорганизованная» и «неориентированная», высокий риск возникновения враждебного и агрессивного поведения в дошкольном возрасте и отвержения их сверстниками [152, 113].

Вместе с тем, в рамках деятельностного подхода М. И. Лисина и сотрудники ее лаборатории (Н. Н. Авдеева, В. В. Ветрова, М. Г. Елагина, С. Ю. Мещерякова, А. Г. Рузская и др.), установили, что при всей важности внимания, доброжелательности и ласки у ребенка раннего возраста постепенно возникает и коммуникативная потребность в сотрудничестве, которая вместе с потребностями в новых впечатлениях и активности может быть реализована в совместных действиях со взрослым [100, 141]. В раннем возрасте общение становится речевым, при этом ситуация, в которой возникает речь, не сводится к прямому копированию речевых звуков, а представляет прямое сотрудничество ребенка со взрослым [101]. Так, Д. Б. Эльконин указывает на то, что сроки начала интенсивного роста активного словаря, появления двух-, трехсловных предложений и первых вопросительных предложений зависят в первую очередь от характера общения ребенка и взрослого. Рост количества понимаемых и активно употребляемых слов идет главным образом за счет тех, которые употребляются взрослыми при совместных действиях с ребенком или которыми взрослые сопровождают игры ребенка и другие действия [187]. В. С. Мухина свидетельствует о том, что в раннем возрасте развитие речи идет по двум линиям: совершенствуется понимание речи взрослых и формируется соб-

ственная активная речь, причем количество произносимых слов всегда меньше количества понимаемых [119]. В таком сотрудничестве взрослый является партнером, участником общего дела – ребенок проявляет значительный интерес к тому, что и как делает взрослый, стремится подражать его действиям. Авторитетные исследователи И. С. Кон, М. И. Лисина, М. Мид, А. Г. Рузская, Д. Б. Эльконин утверждают, что наблюдение за поведением матери, близких взрослых и подражание им (что является простейшей формой идентификации) становятся одним из источников личностного развития ребенка (сознательного «Я» ребенка) в обсуждаемый возрастной период [78, 101, 112, 141, 187]. Идентификационные отношения ребенка со взрослым и взрослого с ребенком готовят малыша к эмоциональной причастности к другому. На фоне идентификации у ребенка появляется чувство доверия к людям, а также готовность к присвоению материальной, психической и духовной культуры. А. Г. Рузская и Т. В. Ермолова отмечают, что дети начала третьего года жизни стремятся делать то же самое, что в данный момент делает близкий им взрослый (прежде всего мать) – мыть посуду, подметать пол и другое. В отличие от старших детей они не играют в мытье посуды, подметание пола и др., а делают это «по-настоящему», при этом в большей степени малыши ориентированы действовать с предметами как мама, чем получить тот результат, который нужен взрослому [141]. М. Мид стадию, когда маленькие дети копируют поведение взрослых, называет имитацией. Ученый отмечает развитие самостоятельности у детей в период раннего возраста: ребенок не всегда хочет, чтобы ему помогали [112]. Через общение с матерью и близкими родственниками ребенок овладевает и нормативным поведением. Именно в анализируемый возрастной период он осваивает приемы привлечения и удержания внимания взрослых, которые являются вполне социально-приемлемыми, так как ребенок умеет хорошо рефлексировать на реакции мамы. Ребенок начинает принимать и реализовывать просьбы взрослых, постепенно показывая все более сознательное отношение к общепринятым законам человеческого существования [119].

Развитие самосознания ведет к развитию самооценки. Так, положительная оценка поступков и личных качеств ребенка матерью формирует у него чувство

уверенности в себе, веру в свои способности и возможности [173]. И, напротив, неодобрение взрослыми поступков ребенка, особенно тех, которые доставляют удовольствие, формируют стыд за свои ошибки. В раннем возрасте под влиянием требований общества ребенок учится контролировать свои сфинктеры, что, по мнению Э. Г. Эриксона, преобразуется в контроль за овладением своими двигательными возможностями, за утверждение своего автономного «Я». Действительно, для здорового ребенка «туалет – тренинг» является процессом формирования одного из необходимых качеств межперсонального развития, в котором создается база ответственности ребенка перед матерью. Ученый обозначает ранний возраст как время, когда ребенок оказывается перед выбором – быть автономным и самостоятельным, имея свою волю, либо испытывать стыд и сомнение за свою неспособность справляться со своими противоречивыми стремлениями, встречая порицание культуры, социума в котором он живет. Борьба чувства независимости против стыда и сомнений порождает соотношение между способностью сотрудничать и настаивать на своем, свободой самовыражения и ее ограничение [188].

В то же время, Ж. Пиаже считал, что социальные отношения между взрослым и ребенком, особенно если они опираются на принуждение, не приводят к осознанию ребенком своей субъективности (своего «Я»), поскольку для этого необходимо взаимодействие мнений, которое сначала невозможно между ребенком и взрослым из-за слишком большого неравенства. Ребенок старается подражать взрослому, но наряду с этим и защищать себя от него, а не обмениваться мнениями. Поэтому ученый акцентировал в своих работах значение общения маленьких детей со сверстниками и привлек внимание исследователей к сверстнику как к важному фактору и необходимому условию социального и психологического развития ребенка [129]. Наиболее систематическое и подробное исследование общения детей в этот период предпринято в работе Л. Н. Галиузовой, в которой она, опираясь на критерии, разработанные М. И. Лисиной, эмпирически доказала наличие у детей раннего возраста потребности в общении со сверстниками. Было показано, что, во-первых, на втором году жизни у детей наблюдается внимание и интерес друг к другу; во-вторых, присутствуют эмоциональные отношения к сверстнику, которые проявляются

в разнообразных эмоциональных экспрессиях; в-третьих, к концу второго года наблюдается стремление привлечь к себе внимание сверстников разными действиями; и, наконец, в-четвертых, на третьем году жизни появляется чувствительность детей к отношению сверстников, а именно: дети учитывают отношение к себе других детей и проявляют чувствительность к их воздействиям, что приводит к окончательному формированию потребности общения с ними [35]. С. Г. Якобсон указывает на то, что с момента, когда начинает проявляться интерес к другому ребенку, нужно учить детей общаться друг с другом: поощрять привлечение внимания к сверстникам, называть их по имени, организовывать совместные игры детей, учить доброжелательному общению, потому что именно в раннем возрасте закладывается способность к мирному существованию, происходит освоение первичных нравственных норм, т. е. начинает развиваться эмпатия – понимание эмоционального состояния другого человека [190].

Д. И. Фельдштейн (2004) подчеркивает, что ребенок в раннем возрасте находится в позиции «я в обществе», т. е. стремится осознать себя субъектом общественных отношений, понять свое «Я», свои возможности, личностные качества. Эта позиция разворачивается в условиях деятельности, направленной на усвоение норм человеческих взаимоотношений, в условиях признания (прежде всего его матерью) самостоятельности, индивидуальности и ответственности [169]. Позже ученый (2009) дополнил изложенное высказыванием о необходимости выявления «реальных объективных тенденций развития общества и его составной неотъемлемой части – Детства», в том числе необходимости проверки соответствия существующих возрастных параметров: «в какой степени они сохранились, а в какой мере изменились», и установления того «как соотносятся устойчивые характеристики возрастов с теми особенностями, которые приобретаются в сегодняшней конкретно-исторической ситуации» [170, с. 31]. Эту позицию разделяет Т. Д. Марцинковская (2015), которая отмечает, что для психологического развития нынешнего ребенка свойственны как «устойчивые закономерности, сохраняющие свое значение и в настоящее время, так и трансформации, которые произошли в содержании и

уровне основных линий психического развития детей – познавательном, эмоциональном и личностном» [108, с. 42]. О. А. Карабанова (2017) в отношении векторов развития современного Детства замечает, что «Традиционный канал передачи социокультурного опыта от взрослых – к детям ... меняется на противоположный – взрослые начинают учиться у детей ... (непосредственности, эмоциональности, «детскости» в творчестве и т. д.)» [71, с. 53]. И далее «утрата прежних моделей взросления в силу расхождения процесса присвоения форм культуры, ценностей и результатов образовательной системы – ее ценностей и результатов, и системы взросления порождает кризис детства, в котором освоение культуры и взросление было единым процессом» [там же, с. 54]. В этой связи задача раннего возрастного этапа развития прежде всего «... в подготовке ребенка к полноценной деятельности в новом изменяющемся мире ...», где с первых месяцев жизни ребенок сталкивается с достижениями цивилизации, которые, с одной стороны, полагают новые возможности его развития, связанные с появлением информационных технологий, открывающих широкий диапазон информационных и образовательных возможностей, но, с другой стороны, обрекают на развитие в условиях повседневного стресса, связанного с информационной перегруженностью [108, с. 43].

Примечательно в рамках сказанного, что ряд ученых (Г. В. Скобло, С. В. Трушкина) в последние годы проводят адаптацию и апробацию на российских выборах международной «Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития в младенчестве и раннем детстве» (сокр. «DC: 0-3R» – Zero to three. Diagnostic Classification of Mental Health and Developmental Disorders of Infancy and Early Childhood: Revised edition). Стоит отметить, что в данной программе, предназначенной для диагностики развития детей раннего возраста, присутствует Ось IV – «Психологические стрессоры», наличие которой удостоверяет общепризнанность учеными и специалистами разных профилей стрессогенности современного уклада жизни и влияние этого явления на здоровье и развитие человека, начиная уже с младенческого и раннего возрастов. В обозначенной программе обнаруживается еще одна значимая для настоящего исследования ось: Ось II –

«Классификация взаимоотношений», включенная в данный диагностический инструментарий на основании того, что материнско-детские отношения часто лежат в основе нарушений развития ребенка раннего возраста [165].

Вероятно, важным будет сказать, что в последние десятилетия ученые Е. А. Екжанова, Е. А. Стребелева (2008), Д. Н. Исаев (2008), Е. В. Каплина (2009), Е. М. Ишмуратова (2011), Е. П. Зубова (2014), С. В. Трушкина (2015) бьют тревогу из-за неуклонного роста количества детей раннего возраста, психоэмоциональное и психосоциальное развитие которых несколько отстает от возрастной нормы или определяется нижней границей нормативных показателей. В этой связи, с одной стороны, поднимается вопрос о снижении нормативных показателей развития новорожденных и детей раннего возраста, а, с другой, предлагается выделение такой группы детей в отдельную категорию [49, 66, 70, 68]. Е. А. Екжанова и Е. А. Стребелева предлагают определить данную категорию детей как «дети с ярко выраженными отклонениями в развитии» [49, с. 4]. Отмечается, что такие нарушения нередко трудно диагностируются при плановом осмотре ребенка специалистом первичного звена (врач-педиатр) в силу его преимущественной обеспокоенностью физическим и соматическим благополучием ребенка, а также отсутствием единых отечественных психодиагностических стандартов для данной возрастной категории [58, 165]. Не вызывают они настороженности и у матери в связи с отсутствием у нее специальных знаний о нормативах развития ребенка в раннем возрасте [166, 34]. Между тем, зарубежные исследователи раннего возраста М. Vanasse, Н. Pare, R. Zeller (2013) обращают внимание на то, что у ребенка в данном возрасте даже негрубые отклонения в развитии оказывают не только значительное влияние на общее состояние здоровья, но и могут существенно затруднять его психосоциальное развитие и социализацию [240].

В заключении подчеркнем, что понятие «психосоциальное развитие ребенка раннего возраста» используется в данной работе, чтобы отметить и выделить изменения в ребенке, которые происходят в обозначенный возрастной период в процессе роста, при переходе от центрации его внимания на себя к пониманию и выделению других окружающих его людей, к становлению его членом влияющей на

него социальной среды (прежде всего матери). Под «диагностикой развития» мы принимаем систему исследовательских приемов, задача которых – определение реального уровня развития или возраста развития, достигнутого ребенком на момент обследования. Важным является положение о том, что разделение на отдельные сферы развития условны, в реальности они не могут рассматриваться независимо друг от друга, а в контексте функционирования материнско-детской системы отношений эти сферы могут приобретать и иной, новый смысл.

2.2 Материнское поведение как фактор психосоциального развития ребенка в раннем детстве

К настоящему времени психологическая наука накопила многочисленные созвучные и противоречивые концепции и теории, относящиеся к феномену материнско-детских отношений в раннем детстве. В первых работах по данной проблематике наиболее активно анализируемое явление изучалось с точки зрения влияния его отдельных характеристик на развитие ребенка, в контексте психоаналитического (З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, Д. Винникотт, У. Бион, М. Кляйн и др.), бихевиорального (Д. Уотсон, Б. Скиннер, Р. Сирс, А. Бандура и др.), генетического (Ж. Пиаже, А. Валлон, Д. Брунер, Л. Кольберг и др.), гуманистического (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Сатир и др.) и гештальтистского (М. Вертгеймер, В. Келлер, К. Коффка, К. Левин, С. Саватье и др.) направлений. В рамках данных направлений наиболее известными и упоминающимися в современных работах являются такие классические теории, как теория объектных отношений (М. Кляйн, В. Фэйрберн, М. Маллер, Д. Винникотт и др.), теория вторичного подкрепления и социального научения (Дж. Доллард, Н. Миллер, А. Бандура), теория стадийного развития Э. Эриксона, этологические наблюдения К. Лоренца, этологические исследования поведения детенышей животных в условиях потери матери (Г. Харлоу и М. Харлоу, С. Суоми), наблюдения за развитием детей, лишенных матери (Р. Спитц, У. Голдфарб) и теория привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт). Даже при беглом рас-

смотрении зарубежных работ становится очевидным, что несмотря на разные, нередко противоположные подходы, анализирующие феномен материнско-детских отношений, большинство ученых едины в одном – опыт, полученный ребенком в ранних отношениях с матерью, является ключевым для всего последующего психического развития человека и его социального благополучия [7, 12, 13, 17, 29, 75, 105, 173, 174, 175, 193, 201, 226, 238].

Изначально ученых-психологов побудила обратить внимание на материнское отношение и атмосферу воспитания маленьких детей знаменитая объектная теория, исходные положения которой сформулированы З. Фрейдом, придававшим решающее значение в симптоматическом поведении взрослых чувствам и переживаниям, имевшим место в раннем детстве [174]. Дальнейшее развитие обсуждаемая теория получила в работах М. Кляйн, В. Фэйрберна, М. Маллер, Г. Гантрипа, У. Биона, М. Балинта, Д. Винникотта, О. Кернберга, Р. Спитца и многих других исследователей, которые рассматривали развитие объектных отношений (становление отношений в диаде «мать и ребенок») через видоизмененную зависимость ребенка от матери (от абсолютной зависимости младенца от матери – симбиоза, далее посредством процесса сепарации-индивидуализации до зрелой независимости), в результате которой ребенок становится автономным и независимым. М. Кляйн, полагая, что младенец изначально воспринимает мать фрагментарно, поскольку к целостному восприятию объектов ребенок оказывается способен значительно позже, рассматривает в качестве первого объекта в жизни ребенка материнскую грудь. Поэтому, по мнению исследователя, качество отношений именно с материнской грудью (например, важны такие параметры как: достаточно ли молока, его вкусовые характеристики, насколько «тугая» грудь и возможность получения питания по первому требованию) является определяющим для дальнейшего психического развития ребенка [75]. М. Маллер считает, что качество удовлетворения потребностей ребенка детерминирует тип персонификации: 1) если мать нежна и достаточно кормит, то ребенок хорошо коммуницирует и возникает «хорошее Эго»; 2) если мать отстраняется от потребности ребенка в нежности и уходе, то возникает «плохое Эго»; 3) если ребенка подвергнуть крайней фрустрации, возникает «отрицание

Эго», ненависть к самому себе. По мнению М. Маллер, изложенное становится каркасом реакций личности, которые фрустрируют будущие отношения с другими людьми [105].

У. Бион вслед за М. Кляйн, считавшей, что младенец проецирует часть своего психического, а именно – «плохие» чувства, на «хорошую» грудь, обращает свой исследовательский интерес на способность матери быть достаточно чуткой и терпимой к потребностям, а также к негативным и позитивным чувствам, таким как агрессия и любовь ребенка. Эта материнская способность получила название «контейнирование», которое определяется как функция матери, отражающаяся в принятии на себя роли своеобразного «контейнера», вбирающего непонятные и вызывающие тревогу и переживания чувства ребенка, «делая их осмысленными и безопасными» и возвращая по назначению (ребенку). При этом качество материнской способности к контейнированию и адекватному удовлетворению физиологических потребностей ребенка зависит от ее собственного опыта ранних объектных отношений [13]. Д. Винникотт дополнил данное положение высказыванием о том, что способность матери к контейнированию активизируется в силу особого психического состояния, возникающего после родов и обеспечивающего ей интуитивное переживание состояний ребенка. При этом, по мнению исследователя, чрезмерное грубое вмешательство (советы, рекомендации) в процесс взаимодействия матери и ребенка может помешать реализации и становлению процесса «ощущать своего ребенка», так как оно будет уводить мать от чувств к сознательному анализу своего поведения [244]. Для описания специфического процесса, обнаруживающегося в буквальном смысле в «поддерживании» окружающего младенца пространства, в заботе о том, чтобы мир «не обрушился» на него слишком рано или слишком страшно, исследователь вводит в научный обиход новое понятие «холдинг». По мнению Д. Винникотта, неуверенные в себе, тревожные или депрессивные матери не способны обеспечить такую поддержку и ребенок может пронести свое раннее ощущение «ненадежности» окружающего мира и отношений с близкими через всю дальнейшую жизнь [29]. Э. Г. Эриксон в свою очередь, развивая аналогичные идеи, вводит в психологический тезаурус понятие «базового доверия к миру», согласно

содержанию которого если ребенок получает внимание, нежность, чуткую своевременную заботу матери, то формируется образ мира безопасного, открытого, заслуживающего доверия. При отсутствии чувствительности матери к потребностям ребенка формируется образ мира опасного, не заслуживающего доверия [188].

Наряду с этим, в 30–40-е гг. XX в. было зафиксировано, что у детей, разлученных с матерями, находящихся в закрытых учреждениях, несмотря на наличие хороших санитарно-гигиенических условий, полноценный уход и кормление, оскудевают эмоциональная и двигательная сферы, резко замедляется развитие мышления и речи. Р. Спитц, обнаруживший данное явление, дал ему название «госпитализм» [238]. Факты, обличенные Р. Спитцем, были впоследствии неоднократно подтверждены другими исследователями, установившими, что сходные с госпитализмом явления могут возникать не только в ситуации физического отделения ребенка от матери, но и в условиях семьи, когда ребенку не уделяется достаточно заботы и внимания [134]. Доводы о том, что потребность в тактильном контакте является такой же базовой, как и потребность в пище подтвердили Г. Харлоу с коллегами в 1960-х гг., проведя серию экспериментов в лаборатории по изучению поведения детенышей приматов в условиях потери матери [218, 219].

Постоянный физический и психологический контакт матерей с детьми, как показали кросскультурные исследования, проведенные в африканских странах и странах Запада, позволяет матерям (африканским) точно и быстро определять состояние маленьких детей и их потребностей, а последним чувствовать себя защищенными и любимыми, что находит свое отражение в более успешном развитии детей, в то время как ограниченный контакт с матерью (в странах Запада) заметно тормозит развитие ребенка в раннем детстве, и чем младше ребенок, тем разрыв в показателях больше [140]. Р. Спитц объяснил подобное явление концепцией взаимности матери и младенца, суть которой заключается в том, что аффективная взаимосвязь между матерью и ребенком побуждает последнего исследовать окружающий мир, способствуя развитию моторной активности, когнитивных процессов и мышления, интеграции и формированию навыков, соответствующих возрасту [238]. Ряд ученых (Д. Магагна, А. Маслоу и др.) высказали предположение,

получившее в дальнейшем эмпирическое подтверждение, что вне контакта с матерью все ресурсы ребенка «работают» на защиту от тревоги и преодоление чувства эмоционального дискомфорта, в то время как удовлетворение потребности в безопасности приводит к актуализации потребности в развитии [24, 96, 134, 152].

Э. Фромм, продолжая научные изыскания в этой области, заявляет о недостаточности только лишь полноценного ухода, кормления, тактильного и эмоционального внимания. Ученый уверен, что также существует необходимость в установке, внушающей ребенку радость и любовь к жизни, которую не так-то просто передать ему, поскольку для этого важно, чтобы сама мать любила жизнь во всех ее проявлениях, ибо материнская любовь к жизни для ребенка так же заразительна, как и ее тревога [175]. А. Бандура, развивая научные идеи в области изучения социального научения и имитации, принятые Н. Миллером и Дж. Доллардом, подтверждает, что влияние матери на развитие ребенка, прежде всего опосредовано подражанием и идентификацией – процессом, в котором личность заимствует мысли, чувства или действия от другого, выступающего в качестве модели (прежде всего мать). Научение происходит через общение и взаимодействие ребенка с матерью, наблюдая за матерью, он старается подражать ей: делать так, как делает она, вести себя так, как ведет себя она в тех или иных ситуациях [7]. С точки зрения Э. Берна, благодаря подражанию и процессу идентификации, а также материнскому подкреплению каких-либо форм поведения и отрицанию других, у ребенка формируются когнитивные схемы поведения, программирующие взаимодействие личности с собой и другими. В частности, согласно его теории, у ребенка до пяти лет складывается в общих чертах план жизни (сценарий), в котором определены все важнейшие события: чему радоваться / огорчаться, как относиться к себе и другим людям и т. д. Под «выбранный» сценарий человек неосознанно начинает подбирать соответствующих людей и надлежащие обстоятельства [12].

Новая полоса исследований в области материнско-детских отношений была инициирована Дж. Боулби, который развил идеи авторов теории объектных отношений, стадийного развития Э. Эриксона, вторичного подкрепления и социального

научения, а также попытался объединить их с этологическими исследованиями поведения детенышей животных в условиях утраты матери, выполненные Г. Харлоу, и наблюдениями Р. Спитца за развитием детей, лишенных родителей. Благодаря такой глубокой переработке накопленных знаний по данной проблематике, появление в 70–80 гг. XX в. теории привязанности Дж. Боулби, стало поворотным моментом в психологической науке касательно изучения закономерностей, собственных функционированию системы отношений «мать – ребенок». Ученый показал наличие у ребенка особой потребности в контакте с матерью и доказал, что нормально развивающийся ребенок в возрасте от шести месяцев до трех лет очень сильно привязан к матери, достигая максимума в диапазоне от одного года до одного года шести месяцев и уменьшаясь к концу третьего года жизни [17]. При этом характер привязанности проявляется в двух типах поведения: 1) сигнальное поведение (в т. ч. плач, улыбка, голосовые реакции), 2) поведение приближения (в т. ч. прижимание, цепляние, следование) [193].

В процессе формирования того или иного типа привязанности к матери у ребенка развиваются так называемые «внешние рабочие модели себя и других». В этой связи взаимодействие с непоследовательными, ненадежными или нечувствительными объектами привязанности (матерями) препятствует процессу развития безопасной и стабильной психической основы, снижает устойчивость при совладании со стрессовыми событиями и предрасполагает человека к разного рода расстройствам в кризисные периоды жизни [186].

В отечественной психологии в некоторых исследованиях (А. Я Варга, М. В. Колоскова, К. В. Солоед и др.), основанных на работах Э. Эриксона, Д. Винникотта, М. Малер, А. Валлона и др., ассимилированы представления о «диадическом симбиозе» ребенка с матерью как о «совокупном субъекте», где мать и ребенок рассматриваются как составляющие единой диадической системы: мать – как «среда» для ребенка, а ребенок, в свою очередь, как «объект» для матери – как ее проявления в качестве этой среды (и наоборот). Ограниченность этой идеи и необходимость обращения к изучению матери и ребенка как самостоятельных субъектов обнаружили работы, реализованные в рамках детской психологии по проблематике

развития ребенка, материнского поведения и взаимодействия матери с ребенком (Е. О. Смирнова, С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева, Г. Г. Филиппова и др.), в рамках психологии личности и смежных областях (В. И. Брутман и М. С. Родионова, Г. В. Скобло и О. Ю. Дубовик и др.) и в когнитивной психологии (Е. А. Сергиенко и др.). Акцент ставится на слишком пассивной роли, отведенной в этих отношениях ребенку, хотя очевидно, что взрослый адаптирует свои воздействия к его индивидуальности, строя свои контакты с ребенком не как с объектом, а как с субъектом взаимодействий, варьируя стратегии и стиль воспитания [145, 151, 171].

Отечественными исследователями (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, М. И. Лисина) показана также другая сторона материнско-детского взаимодействия, где роль взрослого (и в первую очередь матери) в развитии ребенка, рассматривается как представителя человеческого рода, принятая в качестве центральной в культурно-историческом подходе, который лег в основу выделения взаимодействия ребенка со взрослым в качестве самостоятельного объекта исследования. Здесь поведение матери анализируется как источник развития ребенка – как субъекта познавательной активности, общения, самосознания. Л. С. Выготский дал название сложившейся системе взаимоотношений матери и ребенка в тот или иной конкретный период жизни – «социальная ситуация развития», определяющей для ребенка его беспомощностью и зависимостью от взрослого [33]. Ученый придавал решающее значение самой ситуации взаимодействия матери и ребенка, считая, что в нем заключен основной социокультурный механизм передачи культуры от взрослого ребенку [32].

Д. Б. Эльконин определил спецификой социальной ситуации развития ребенка в возрасте от одного года до трех лет то обстоятельство, что мать учит ребенка правильно пользоваться окружающими предметами. Наблюдая за поведением матери, ребенок старается подражать ей, что является одним из основных источников психосоциального развития. Перефразируя Д. Б. Эльконина, можно заключить, что спецификой отношений матери и ребенка в раннем возрасте является то, что ребенок познает окружающий мир не вместе с матерью, а через мать, с ее помощью, мать же ребенка делает не вместо ребенка, а совместно с ним [187].

В ранних работах отечественные ученые отмечали прежде всего то обстоятельство, что в ходе ситуативно-делового общения мать ребенка выступает как партнер и помощник в совместной деятельности, дает образцы для подражания, действует как «эксперт» по оценке умений и знаний малыша. Было доказано, что если дети ограничены в получении информации и переработке ее в соответствии с возрастными возможностями, темп их развития более замедленный [119]. Вопрос о том, что такое сами отношения между матерью и ребенком, какими качествами матери они опосредствуются и как функционируют, не ставился. В дальнейшем ряд ученых Д. Б. Годовикова (1974), М. Г. Елагина (1977), С. В. Корницкая (1975), М. И. Лисина (1961-1986), А. Г. Рузская (1974), Е. И. Исенина (1991), Е. В. Попцова (1995) обратили свое исследовательское внимание на проблему влияния базовых качеств матери на психическое развитие ребенка раннего возраста.

В исследованиях М. И. Лисиной качества матери (взрослого) рассматриваются еще в основном как субъекта обучения ребенка предметной деятельности, ведущей на данном этапе развития. Снова подчеркивается важность матери, в первую очередь, как партнера по деловому общению с ребенком [101]. Е. И. Исенина выделяет базовые материнских качества, относящиеся к функции матери как субъекта общения: «принятие матерью ребенка», «отзывчивость матери к ребенку»; и качества, относящиеся к функции матери как субъекта обучения: «мать – субъект обучающего общения», «мать – субъект обучающей деятельности с предметами». Под «принятием» исследователь понимала вслед за К. Роджерсом: безусловное эмоционально-положительное отношение к ребенку, уважение его индивидуальности, интересов, мнений, что исключает постоянное раздражение матери и применение к ребенку физических наказаний. Эмпатическое понимание матерью особенностей, потребностей, возможностей ребенка в ситуации «здесь и теперь» и адекватное им ее поведение определяют качество матери «отзывчивость» [67]. Е. В. Попцова считает, что эти материнские характеристики обеспечивают комфортное существование ребенка, удовлетворяя его потребности в аффилиации и безопасности в незнакомом для него мире, одновременно снижая доминирующее воздействие матери,

тем самым понижая защитные реакции ребенка, что ведет к развитию у него познавательного и коммуникативного поведения, к осознанию собственных возможностей, значимости своего «Я» [133].

Необходимо отметить, что в настоящее время для изучения и описания закономерностей, свойственных системе отношений «мать – ребенок», исследователями используются самые разные термины: «материнское отношение», «материнско-детские отношения», «материнско-детское взаимодействие». Частные феномены, соотносимые с дефиницией «материнско-детские отношения», как то: материнские ценности, жизненные ориентации матери, материнские установки, ожидания, позиции, чувства, материнская ответственность, компетентность, авторитет, стиль, типы, тактика материнского воспитания, готовность к материнству, качество привязанности ребенка к матери, система личностных отношений ребенка, – освещены достаточно обширно. Наиболее часто применяются понятия «материнское отношение», «детско-родительские отношения» и «детско-родительские взаимодействия» [45, 73, 109, 118, 142, 163]. Термин «материнское отношение» имеет наиболее общий характер и указывает на взаимную связь и взаимозависимость матери и ребенка; включает в себя субъективно-оценочное, сознательно-избирательное представление о ребенке, которое определяет особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него. В структуре материнского отношения исследователи (А. Я. Варга, Е. А. Савина и др.) выделяют эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Для современных исследований (Л. Ф. Кремнева, Р. Ж. Мухамедрахимов, Н. В. Римашевская, Е. О. Смирнова и др.) материнского отношения к ребенку младенческого и раннего возраста характерно изучение преимущественно внешне наблюдаемых эмоциональных или поведенческих проявлений членов материнско-детской диады.

Несмотря на то, что многие исследователи термины материнско-детские взаимодействия и материнско-детские отношения используют как равнозначные и синонимичные, Р. Ж. Мухамедрахимов считает, что эти понятия не являются синонимами. Ученый рассматривает взаимодействие как точно определяемое поведение или набор поведений, которые наблюдаемы и, следовательно, измеряемы. В то

время как отношения трудно определить и нелегко измерить, хотя они и выводятся из взаимодействий. Знание отношения, по мнению ученого, не всегда дает возможность предсказать конкретное взаимодействие, поскольку отношение матери к ребенку включает в себя множество сложных, изменяющихся актов социального взаимодействия от доброжелательности и ласки до грубости [118].

М. В. Сапоровская определяет детско-родительские отношения как процесс и результат индивидуального избирательного отражения семейных связей, опосредующие внутреннюю и внешнюю активность, а также переживания родителей и детей в их совместной деятельности [142]. Качество этих отношений является залогом эмоциональной уравновешенности ребенка, создания у него чувства безопасности и доверия к окружающим людям и миру в целом, что является предиктором нормального психического развития и функционирования ребенка, в том числе и становления его копинг-поведения [46, 47, 77]. Г. Г. Филиппова уточняет, что в первые три года жизни влияние материнско-детских отношений на развитие ребенка превосходит все остальные факторы, тогда как в дошкольном возрасте остается ведущим, а позднее по отношению к различным аспектам физического и психического развития ребенка – неравномерным [171]. Ж. М. Глозман говорит о материнско-детских отношениях в раннем возрасте ребенка следующее: «Эти отношения стимулируют развитие всех психических функций ребенка: сначала он воспринимает мать (прежде всего ее лицо и голос) и отличает ее от других людей, затем начинает понимать ее намерения, формируя собственные интеллектуальные способности. Связь с матерью способствует развитию социального познания в онтогенезе» [37, с. 125]. Отсутствие этих связей получило название материнской депривации (от англ. deprivation) – лишение, ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей [134]. Перечень этих витальных потребностей составляют потребности в пище, физическом комфорте («сухо и тепло»), движениях, притоке впечатлений необходимых для развития нервной системы; потребности во внимании, безопасности, доброжелательности, одобрении, уважении, ласке и нежности, любви и принятии, в том числе потребности в общении с мате-

рью, как с образцом человеческих, специфических действий и поведения и др. Аргументировано показано, что материнская депривация приводит к задержкам в развитии ребенка, апатичности, пассивному отношению к окружающему предметному миру, отсутствию внимания и интереса к людям [17, 96, 118, 134, 186].

Г. В. Скобло указывает на то, что признаки искажения материнско-детских отношений проявляются определенными клиническими феноменами и регистрируются как со стороны матери (подверженность депрессивным расстройствам, психосоматическим и невротическим состояниям), так и со стороны ребенка (отклонения в психоэмоциональном, психосоциальном развитии, склонность к психосоматическим расстройствам) [149]. На взаимосвязь материнско-детских отношений и психосоматических нарушений у детей указывают и другие исследователи (Т. Д. Василенко, И. Н. Земзюлина, А. В. Селин, С. В. Тюлюпо и др.) [24, 167]. Б. Е. Микиртумов, А. Г. Кощавцев, С. В. Гречаный в книге «Клиническая психиатрия раннего детского возраста» 2001 года издания обозначили свою позицию, назвав психиатрию детей раннего возраста психиатрией родительско-детских отношений [113]. Продолжающиеся исследования, посвященные изучению привязанности ребенка к матери, выполненные Н. С. Шиповой (2014), Т. П. Григоровой (2015), Л. В. Марищук (2016), Е. В. Куфтяк, Ю. А. Задоровой (2018) показали, что привязанность имеет свои варианты клинических проявлений на каждом этапе развития ребенка и соответствующие отдаленные последствия для развития личности, например, формирование деструктивной привязанности к партнеру во взрослом возрасте, связи аспектов привязанности со стратегиями совладания [184, 40, 107, 94]. Довольно стойкий интерес к изучению материнско-детских отношений в контексте их влияния на развитие ребенка, по мнению Т. Л. Крюковой, обусловлен малоразработанностью социально-психологических программ и проектов сопровождения семьи, имеющей в своем составе ребенка раннего возраста и достраиванием отсутствующей структуры – системы раннего вмешательства [88].

Подводя промежуточные итоги отметим, что опыт, полученный ребенком в ранних отношениях с матерью, имеет определяющее значение для закладывания

фундаментальных личностных образований, таких как самооценка, доверие к людям, интерес к окружающему миру, ощущению себя в мире и мира в себе. Для успешного развития ребенка необходим (до достижения им трехлетнего возраста) постоянный физический и психологический контакт с матерью, который ей позволяет точно и быстро определять состояние малыша и его потребностей, обеспечивая возможность предупреждать потенциальные проблемные ситуации, связанные с уходом, воспитанием и непосредственным взаимодействием с ребенком.

2.3 Феноменология раннего материнского копинга

Приведенный выше аналитический обзор зарубежных и отечественных теорий и экспериментальных работ, отражающих научные позиции и воззрения исследователей на проблему материнского совладания и функционирования материнско-детской системы отношений в раннем детском возрасте позволил установить одновременную потенциальную вероятность возможностей и препятствий для развития личности как матери, так и ребенка. Анализируемый этап жизни женщины в психологическом плане является определенным дискретным периодом, который носит кризисный характер и предъявляет высокие требования к ресурсам ее совладающего поведения. Это положение приобретает особенную актуальность в наши дни, когда тенденция к нарастанию индивидуализма в структуре личностного репертуара становится дополнительным стрессом для современной женщины, в жизнедеятельности которой высоко вероятно могут конкурировать две поведенческие директивы. Одна из них направлена на выполнении традиционной материнской роли, другая – новая, связанная с трансформацией и усложнением социальной структуры общества и статусных позиций женщины в нем [11, 26, 42, 91, 98, 136]. То, как мать справляется с этим стрессом, важно для аффективного контекста, в котором развиваются отношения между ней и ребенком, рассматриваемые традиционно как главный фактор, влияющий на процесс формирования личности ребенка [17, 33, 55, 100, 171, 187]. Подобные обстоятельства побудили нас обратить исследовательское внимание на осознанные усилия женщины – матери ребенка

раннего возраста, направленные на преодоление житейских проблемных ситуаций, инициирующихся в анализируемый детский возрастной период, и их эффективность с позиции вклада в психосоциальное развитие ребенка. Для обозначения данного явления нами (Ю. А. Еремина, Г. С. Кобытова) было введено в научный обиход новое понятие «ранний материнский копинг» (сокр. РМК) [52, 53, 82].

Ранний материнский копинг мы определяем как разновидность материнского поведения, формирующегося и актуализирующегося в период воспитания ребенка раннего возраста, как системную совокупность осознаваемых механизмов совладания (копинг-стратегий) с повседневными реальными проблемными (стрессогенными) и / или воспринимаемыми таковыми (в силу травмирующего эффекта прошлого – минувших событий собственного детства или отношения родителей) ситуациями, закономерно возникающими у матери в процессе непосредственного взаимодействия с маленьким ребенком, ухода за ним и воспитания. Используя данный личностный конструкт, мы обращаемся к динамическому, контекстуальному и регулятивному аспектам психологического феномена совладания, подчеркивая актуальность изучения и формирования эффективного (адаптивного) копинг-поведения матери в отдельно взятом возрастном периоде развития ребенка (1–3 года). Целевой направленностью РМК выступают сохранение и развитие конгруэнтности личности матери, успешность реализации материнских функций и превенция синдрома материнского выгорания; построение гармоничных материнско-детских отношений, успешность психосоциального развития ребенка и превенция неявно выраженных отклонений в его развитии, сопряженных с неэффективностью дезадаптивного поведения матери в трудных ситуациях материнства на ранних его этапах.

Учитывая то, что взаимодействие матери и ребенка раннего возраста является собой процесс обоюдного приспособления, в котором их ответы взаимообусловлены и ритмически организованы, становится очевидным, что ранний материнский копинг выступает системным событием, основанным на учете стресс-сигналов со стороны ребенка (его эмоциональных состояний, желаний, возрастных физиологических потребностей и др.), восприятия этих сигналов матерью и ее ответных копинг-реакций, и копинг-действий. Положение находит объяснение в следующем.

Известно, что мать и характер взаимоотношений с ней одновременно выступают для ребенка и как фактор защиты, и как источник стресса, играя ключевую роль в становлении паттернов его адаптации / дезадаптации «в новом изменяющемся мире» [46]. При этом связь индивидуального развития ребенка в раннем детстве и влияний на него факторов со стороны матери анализировалась в психологии с самых разных позиций, среди которых крайними явились варианты взаимодействия индивидуальности и среды, предполагающие либо абсолютную подчиненность ее средовым воздействиям (бихевиоризм), либо непрерывную конфронтацию биологического и средового факторов (психоанализ) [7, 13, 29, 75, 188].

Существует мнение, что абсолютизация диадического подхода явилась причиной исчезновения в научном анализе матери и ребенка как самостоятельных субъектов [171, 145]. Стоит отметить, что подход к анализу развития детей младенческого и раннего возраста в нашей стране в системе общественного воспитания достаточно продолжительное время ориентировался прежде всего на процессы созревания организма, обеспечение физического здоровья и развития ребенка, на выработку у него разных навыков и умений. В то время как психологические условия, необходимые для личностного развития маленького ребенка, не принимались во внимание, исходя из признания того, что развитие личности начинается лишь с трех лет, а до достижения этого возраста происходят лишь процессы созревания. Таким образом, собственная активность ребенка, его потребности и желания не учитывались, ребенок воспринимался как пассивный объект различных воздействий взрослого, знающего априори, что нужно ребенку. Стремление ребенка к удовлетворению психологических потребностей толковалось как «капризы», матери рекомендовалось «не баловать» его. В частности, «без необходимости» запрещалось брать ребенка на руки, укачивать, кормить вне обозначенных часов. В настоящее время достоверно установлено, что страх «избаловать» ребенка в младенческом и раннем возрасте может привести к его невротизации из-за отсутствия возможности адекватно удовлетворять физиологические и психологические потребности, затруднить установление надежной привязанности у ребенка к матери [17, 56, 134, 152, 186]. Кроме того, если мать взаимодействует с ребенком

лишь по своей инициативе, действуя согласно абстрактным правилам и игнорируя сигналы ребенка, то она лишает его возможности развивать собственную инициативу, не давая ему почувствовать себя причиной происходящего [118].

Оставляя главнейшую роль в развитии ребенка матери, мы разделяем позицию, принятую в русле системно-субъектного подхода, при которой субъект (ребенок) является активным началом, он не вбирает воздействия матери пассивно, но активно преобразовывает их в собственные ценности, установки, ориентации, развивая в результате уникальную индивидуальность [21, 145]. Взаимодействие матери и ребенка в таком случае рассматривается как система, регулируемая обоими партнерами, которые постоянно вносят изменения в свое поведение на основе обратной связи от другого [144, 28]. Исходя из сказанного, очевидно, что ребенок, как субъект, обладающий целым рядом потребностей, а также психологическими особенностями, взаимодействуя с матерью, создает свою систему отношений на их основе и участвует в инициации характерного материнского поведения, позволяющего ей взаимодействовать и совладать с неизбежно возникающими в этот период проблемными ситуациями. В частности, отечественные исследователи совладающего поведения в контексте семьи (Е. Г. Бабич, М. С. Голубева, Е. Л. Калугина, А. Ю. Маленова, О. Б. Подобина, М. В. Сапоровская и др.) эмпирически доказали наличие влияния со стороны ребенка с самого момента его рождения на инициализацию характерного для матери стиля копинг-поведения [4, 38, 69, 104, 132, 142]. Например, результаты лонгитюдного исследования копинг-поведения женщин на этапе беременности, сразу после родов и через 18 месяцев после родов, проведенного О. Б. Подобиной, свидетельствуют о том, что динамический аспект анализа копинг-поведения в ситуации от беременности к материнству связан с ростом субъективности в поведении женщин, проявляющийся более зрелым отношением к актуально трудной жизненной ситуации [132]. И, с другой стороны, как заверяют Е. А. Дорьева и С. А. Хазова (2013), в процессе постоянного контакта с ребенком мать, являясь транслятором социокультурного опыта, своей активностью, продуктивным восприятием стрессогенных ситуаций и способов их разрешения форми-

рует у ребенка в раннем детстве социально приемлемые способы поведения, помогает регулировать взаимоотношения с окружающим миром и осваивать разнообразные приемы копинга [46]. Так, в непосредственном общении родителя и ребенка прежде всего через механизмы подражания, следования и идентификации происходит межпоколенное социальное «наследование» навыков совладания, играя ключевую роль в становлении паттернов адаптации / дезадаптации ребенка «в новом изменяющемся мире» [88, 127, 143, 147]. Вместе с тем, способность реагировать на потребности ребенка требует значительных психических и физических ресурсов матери [6, 93, 97, 171]. Прежде всего вследствие колоссальной личной ответственности матери за здоровье и благополучие ребенка, обусловленной неустойчивым функционированием и незрелостью всех систем организма ребенка в раннем детстве, отсутствием средств к самостоятельному существованию и удовлетворению своих потребностей [166]. Такая ответственность, наряду с вовлечением в постоянные взаимодействия с ребенком, относительной «замкнутостью» психологического пространства материнско-детских отношений, а также закономерно возникающей в раннем возрасте самостоятельность ребенка (приближение «кризиса 3-х лет») актуализируют собственные неизжитые психологические проблемы детства, провоцируют внутриличностные конфликты женщины-матери [5, 13, 26]. Кроме того, рождение ребенка, младенческий возраст и период раннего возраста перестраивают структуру родительской семьи и изменяют семейную систему в целом, поэтому практически все исследователи, занимающиеся изучением психологических особенностей разных этапов семейного онтогенеза (Р. В. Овчарова, Г. Г. Филлипова, Е. В. Куфтык и др.), эти жизненные события единогласно определяют как критические для развития личности женщины, сохранения ее психоэмоционального здоровья и для развития семейных, супружеских отношений. В частности, лонгитюдное исследование стрессов и совладания с ними родителями детей-первенцев в течение первых двух лет после рождения малышей, показало, что матери и отцы испытывали гораздо больше межличностных конфликтов и были менее удовлетво-

рены браком, чем бездетные супруги [88]. Имеются также сведения о том, что рождение второго ребенка и период его раннего воспитания является также довольно мощным стрессом для семьи [69].

Ряд исследователей (Н. Н. Васягина, В. В. Ивакина, Е. Л. Калугина, А. Ю. Маленова, О. Б. Подобина, Е. В. Тихомирова, И. А. Уманская, Г. Г. Филиппова, Н. А. Цветкова и др.) эмпирически обосновали, что женщины на ранних этапах материнства подвержены стрессам, обусловленным изменением социального статуса, стиля жизнедеятельности, временной профессиональной стагнацией, снижением собственного материального уровня, а также монотонными разовыми делами и напряжением, вызванным необходимостью быстро справляться одновременно со всеми делами по уходу за ребенком и домашним бытом [26, 60, 69, 103, 132, 162, 171, 181]. Как стрессовый фактор рассматриваются и трудности непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста [34, 154, 216]. Поскольку задача обозначенного этапа онтогенетического развития ребенка заключается прежде всего в развитии автономности и независимости, ребенок часто ведет себя вразрез с материнскими целями и ожиданиями [22]. Поэтому изменение в начальном периоде раннего возраста (начиная с момента освоения ребенком ходьбы) социальной ситуации слитности матери и ребенка бывает зачастую неожиданным для нее. Страсть ребенка к самостоятельности, высокая физическая активность, чрезмерное любопытство ко всему происходящему и настойчивость в получении желаемого может приводить к тому, что мать не успевает справляться с возрастающими потребностями ребенка, теряет контроль над ними. Проявления формирующейся автономности и независимости в поведении ребенка становятся настоящим испытанием для матери. В этой связи аналогично тому, как в научном тезаурусе существует отдельный термин для обозначения подросткового ребенка 13 – 16-ти лет – подросток, в англоязычном научном обиходе существует отдельное название для обозначения ребенка раннего возраста (1 – 3 года) – тоддлер [203, 216, 243]. Хотя среди отечественных исследователей данный термин еще не получил широкого распространения, он уже довольно популярен в нашей стране среди психологов-

практиков, специалистов по раннему детскому развитию [128]. Именно в этот период наблюдаются разного рода психологические трудности, для разрешения которых у матерей часто не хватает ни терпимости, ни элементарной психологической грамотности [34, 162]. Поэтому неудивительно, что нередко матери ограничивают возросшую самостоятельность ребенка (проявляя повышенную тревожность и гиперопеку) или, увидев новые возможности малыша, стремятся форсировать его развитие (нацеленность на неадекватную возрасту стимуляцию развития), оставляя его наедине с весьма вероятными в этом возрасте трудностями приближения кризиса трехлетнего возраста (гипоопека, эмоциональное отвержение, родительские санкции и т. п.) [71, 154]. В подобных ситуациях весьма вероятно начало латентного неосознаваемого взаимодействующими сторонами детско-родительского противоборства, которое может приводить к появлению первых невротических реакций у ребенка (сосание пальцев, ночной энурез, аутоагрессия, катание по полу и т. д.), к проявлениям психоэмоционального напряжения у матери [24, 56, 68].

Л. А. Базалева в своем исследовании, посвященном изучению личностных факторов эмоционального выгорания матерей, показала, что действие многочисленных стрессогенных факторов материнства (как объективных, так и субъективных) ведет к ее истощению и, как следствие, эмоциональному «выгоранию» [5]. В настоящее время данный психологический феномен активно разрабатывается зарубежными исследователями M. Mikolajczak, I. Roskam, M. Raes, M. Brianda, H. Avalosse, которые доказали, что данное явление – уникальный контекстно-специфический синдром, отличный от материнского стресса и депрессии [227, 228, 234]. Известно также, что повседневная стрессогенность материнства приводит к широкой подверженности женщин, воспитывающих детей раннего возраста, депрессивным расстройствам, психосоматическим и невротическим состояниям [162]. В то же время пока матери заняты своей адаптацией, их дети оказываются без опоры на взрослую модель успешной жизненной стратегии, что вызывает неуклонный рост числа детей с неярко выраженными отклонениями в психоэмоциональном и психосоциальном развитии [24, 49, 58, 165, 172]. В этой связи современные исследователи проблем психологического сопровождения «со-бытийной общности матери

(семьи) и ребенка» (Н. В. Бабкина, А. В. Бродская, Л. А. Головчиц, Е. Е. Китик, И. А. Костин, Н. В. Микляева, Н. Н. Шерешик и др.) формулируют в своих работах вывод о необходимости целенаправленного формирования у матерей, имеющих детей младенческого и раннего возраста, конструктивных копинг-стратегий [20].

В немногочисленных работах, посвященных изучению копинг-поведения матери, занятой воспитанием ребенка раннего возраста, показано, что оптимальность и конструктивность поведенческих изменений у женщины после рождения ребенка проявляется в значительном уменьшении выбора неадекватного ситуации материнства копинга, ориентированного на избегание, дистанцирование и отвлечение от проблемной (стрессогенной) ситуации, в функциональном и адекватном изменившейся ситуации использовании социальной поддержки, которая по смыслу становится близка к проблемно-ориентированному стилю совладания [88]. Что касается эмоционально-ориентированного стиля совладания, то известно, что беременные женщины задействуют его достоверно чаще, в сравнении с женщинами-матерями после рождения ребенка и женщинами, не имеющими детей [132]. Существуют также данные, обличающие наименьшую эффективность эмоциональных копинг-стратегий в совладании с трудностями и стрессами у матерей детей дошкольного, младшего школьного возраста и подростков [143]. Поскольку показано, что эмоционально-ориентированный копинг матери «отдаляет» ее от членов семьи, так как предполагает фокусирование на своих собственных переживаниях. Так, например, выбор матерью копинг-стратегий, ориентированных на самообвинение, влечет за собой возникновение у нее чувства вины перед ребенком, приводящее к максимальному и некритичному удовлетворению его потребностей [69]. Копинг, ориентированный на отвлечение, в сочетании со стратегиями самообвинения и внешней агрессией вызывает у родителей тревогу, неуверенность и раздражение по отношению к ребенку, который нарушает запрет или не выполняет родительские требования [92]. Ощущение беспомощности и невозможности справиться с ситуацией в сочетании с враждебностью и агрессивностью опосредует регулярное применение негативных санкций и физических наказаний ребенка родителем [95].

Тем не менее, в другом исследовании показано, что у матерей на начальном этапе родительства в норме диагностируется достаточно высокая степень агрессии в сравнении с таковой у их мужей. Некоторые исследователи (А. Ю. Маленова, А. В. Боровикова) объясняют это обстоятельство тем, что молодая женщина, становясь матерью, оказывается в более затруднительном положении, нежели мужчина в плане смены социальной позиции, а также разрешения многих бытовых вопросов, осуществления контроля над домашними делами и уходом за ребенком. Предполагается также, что наличие высокой агрессивности у матерей на ранних этапах материнства следует толковать и исходя из материнского инстинкта, который выражается в стремлении уберечь ребенка от действий неблагоприятных факторов, проявляя силу, настойчивость и решительность в создании необходимых условий для полноценного развития ребенка [103]. Мы также не исключаем, что излишняя негативная эмоциональность в данном случае связана с несформированностью стратегий совладания, направленных на саморегуляцию. Так, в исследовании В. И. Моросановой, аргументированно показано, что повышение уровня сознательной саморегуляции приводит к снижению риска формирования антисоциального, в частности, агрессивного поведения [116]. В целом большинство исследователей (Е. Л. Калугина, А. Ю. Маленова, А. В. Боровикова, О. Б. Подобина и др.) заключают, что на ранних этапах материнства в первую категорию, определяющие основу поведения матери, входят активные поведенческие стратегии, такие как «Активный копинг», «Планирование», «Поиск активной общественной поддержки», «Положительное истолкование» и «Личностный рост» [69, 103, 132]. Несформированность у матери перечисленных стратегий поведения расценивается как неадекватный в ситуации материнства копинг, не способствующий к выстраиванию благополучных материнско-детских отношений [88].

Несмотря на предпринимаемые в отечественной психологической науке неоднократные попытки изучения стресс-совладающего поведения матерей, проблема материнского копинга остается практически неизученной в отношении женщин, воспитывающих здорового ребенка раннего возраста. Дефицит систематизи-

рованных научных представлений о структурно-содержательной организации копинг-поведения матери, воспитывающей ребенка раннего возраста препятствует осуществлению психологической превенции синдрома материнского выгорания, а также отклонений психосоциального развития детей, сопряженных с неэффективностью поведения матерей в стрессогенных и проблемных ситуациях. При этом кризисный характер данного этапа жизни женщины-матери и высокая значимость раннего детства в последующем психологическом развитии ребенка, формировании его личности, по нашему мнению, обуславливает объективную необходимость выделения отдельного личностного конструкта «ранний материнский копинг» (РМК) и обеспечивает актуальность эмпирического изучения структурно-содержательной организации раннего материнского копинга и его взаимосвязи с психосоциальным развитием ребенка до достижения им трехлетнего возраста.

Для описания специфического процесса разрешения матерью повседневных стрессогенных ситуаций, неизбежно возникающих при непосредственном взаимодействии, воспитании и организации ухода за ребенком раннего возраста, в данной работе используется авторское понятие «ранний материнский копинг» (сокр. РМК), который определяется как осознанные усилия матери, сосредоточенные на преодолении и переживании реальных и / или воспринимаемых таковыми проблемных и стрессогенных ситуаций, посредством реализации совокупности поведенческих копинг-стратегий, направленных на совладание с родительским (материнским) стрессом.

Выводы по главе 2

Собранные воедино результаты теоретического изучения особенностей функционирования материнско-детской системы в раннем возрасте ребенка позволили выработать выводы, предоставляющие интерес для настоящего исследования.

1. Период раннего возраста является фундаментальным этапом развития человека с позиции чрезвычайно важного значения как раннего детского опыта, так

и отношений с матерью как источника этого опыта для всего последующего психического и социального становления личности.

2. Психосоциальные характеристики раннего развития ребенка касаются изменений, происходящих в процессе его роста при переходе от центрации внимания ребенка на себе к постижению и дифференциации окружающих и влияющих на него людей, в первую очередь, матери, в результате чего происходит развитие его автономии и независимости.

3. В современное время актуализирована значимость исследования новых закономерностей развития психики на всех этапах онтогенеза и прежде всего в период раннего возраста ребенка ввиду его уникальности с позиции закладывания именно в это время фундаментальных личностных образований, а также необходимости подготовки ребенка, начиная с раннего возраста к полноценной деятельности в новом изменяющемся мире.

4. В настоящий момент наблюдается рост количества детей раннего возраста с неярко выраженными психосоциальными отклонениями в развитии, представляющими сложность для диагностики в связи с отсутствием системы раннего вмешательства в амбулаторно-поликлинических условиях.

5. Современные матери недостаточно осведомлены о закономерностях психического развития детей раннего возраста, о способах его воспитания, что проявляется либо в том, что резервы раннего детства не реализуются, либо в стремлении матери искусственно ускорить развитие ребенка, что закономерно влечет усиление стрессогенности материнства на ранних этапах, а также увеличение проблем, связанных с благополучием психосоциального развития ребенка.

6. Для матери и ребенка период раннего детского развития обнаруживается временем обоюдного приспособления, носит дискретный характер и являет собой как пору творческого развивающего потенциала, так и время риска стагнации и регрессии для развития личности как матери, так и ребенка.

7. Уникальная индивидуальность ребенка формируется в результате активной переработке им самим воздействий среды. В этой связи взаимоотношения матери и ребенка рассматриваются как система, регулируемая обоими участниками:

и мать, и ребенок стабильно привносят изменения в свое поведение на основе обратной связи друг от друга. Ребенок, как субъект, обладающий рядом потребностей и психологическими особенностями, участвует в инициации совладающего поведения матери.

8. То как мать совладеет с трудностями и материнским стрессом, закономерно возникающими в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста весьма важно для аффективного контекста, в котором развиваются отношения между ней и ребенком: от того как мать справляется со своими эмоциями зависит ее способность быть достаточно чуткой и терпимой к потребностям (в т. ч. исследовать окружающий мир) и чувствам маленького ребенка (в т. ч. негативным, например, агрессии).

9. Для обозначения специфического процесса того, как в период достаточно тесной взаимосвязи с ребенком раннего возраста мать регулирует и разрешает реальные трудные, стрессогенные или воспринимаемые таковыми ситуации, связанные с заботой, воспитанием и непосредственным взаимодействием с ребенком до достижения им трехлетнего возраста, в нашей работе введено понятие раннего материнского копинга (РМК).

ГЛАВА 3 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕГО МАТЕРИНСКОГО КОПИНГА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ РЕБЕНКА

3.1 Организация и методы эмпирического исследования

Методологическую основу исследования раннего материнского копинга и его взаимосвязи с психосоциальным развитием ребенка составили фундаментальные методологические положения системного анализа, разработанные применительно к психологии Б. Ф. Ломовым, а также принципы субъектно-деятельностного подхода к изучению социально-психологических явлений, сформулированные в трудах К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, С. Л. Рубинштейна и др. Методологической основой понимания совладающего с жизненными трудностями поведения является психология субъекта – методологическое достижение и достояние отечественной психологии (С. Л. Рубинштейн А. В., Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская). Эта научная методология заключается в признании человека активным субъектом многообразных форм произвольной человеческой активности и рассматривается как концептуальная оппозиция «постулату непосредственности», согласно которому внутренняя и внешняя активность человека напрямую детерминируется воздействиями окружающей среды или отдельным психическим функциями. Психология субъекта раскрывает способность человека к самодетерминации, самоопределению и саморазвитию. Вслед за К. А. Абульхановой, Т. Л. Крюковой, мы относим совладающее поведение к жизнетворческим дарованиям человека или его конструктивным силам, инициирующим направленную на мир и самого себя преобразующую активность [2, 89].

Организация и программа исследования. Эмпирическое исследование осуществлялось на территории города Томска в период с 2013 по 2018 гг. и было организовано на базе ОГБУЗ «Областная детская больница», а также нескольких психолого-педагогических центров, предоставляющих услуги по раннему развитию

детей. В качестве испытуемых выступили дети в возрасте от 14 до 36 месяцев и их матери (средний возраст женщин: $26,0 \pm 4,2$ лет). Изначально в исследовании было задействовано 578 человек (289 материнско-детских диад). Принятыми к анализу после обработки протоколов выступили 520 случаев (260 материнско-детских диад: 260 матерей и 260 тоддлеров). Потери были связаны с отбраковкой протоколов исследования в связи с неполным участием и сомнительными результатами. Все дети, принявшие участие в эксперименте, не имели соматических или психических заболеваний, способных заметно повлиять на их развитие. Все задействованные в исследовании матери воспитывали единственного ребенка-первенца и на момент исследования находились в продолжительном отпуске по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста. Выборка была составлена так, что матери не имели значимых различий по основным социально-демографическим параметрам, таким как: семейное положение (практически все женщины состояли в официальном или гражданском браке с отцом ребенка), уровень образования (около 85 % матерей имеют высшее образование), уровень жизни семей (порядка 98 % респондентов оценили уровень доходов, как соответствующий прожиточному минимуму или немного превышающий таковой).

Опытно-экспериментальное исследование полностью было проведено в несколько этапов. Подготовительный этап (2013–2014 гг.) включал, во-первых, разработку концепции и планирование исследования (изучение состояния проблемы, определение объекта и предмета исследования, выдвижение гипотезы, формулировка цели и задач, определение исходных теоретических подходов, построение аналитического обзора публикаций по изучаемой проблеме, планирование основных этапов работы, определение репрезентативной и адекватной задачам исследования выборки и контингента испытуемых для проведения эмпирического исследования). Во-вторых, диагностическое обеспечение программы исследования (выбор методов, подбор и разработка комплекса валидных, апробированных к российским социокультурным условиям тестовых методик, адекватных задачам исследования; подбор соответствующих методов математико-статистической обработки и анализа данных).

На протяжении 2014–2015 гг. в ходе диагностического этапа осуществлялся эмпирический сбор данных. Каждый ребенок из 260-ти детей, принявших участие в эмпирическом исследовании, был обследован с применением комплекса психодиагностических методик, разработанного для определения уровня психосоциального развития детей раннего возраста. Каждая женщина из 260-ти испытуемых матерей была обследована с помощью комплекса методик, подобранных для изучения копинг-поведения матери. Психодиагностическое обследование осуществлялось на добровольной основе, в первой половине дня, в комфортных условиях, с применением компьютерных версий психодиагностических методик, наряду с частичным использованием бланкового «ручного» тестирования.

Процедура обследования начиналась с диагностического интервью, примерный список вопросов к которому представлен в Приложении А на странице 218. Исследователем заполнялась также индивидуальная карта обследования (см. Приложение Б, стр. 220). Заполнение паспортной части, ответы на вопросы об образовании, особенностях семейного положения и трудностях, с которыми приходится сталкиваться матери в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком подготавливали и настраивали матерей на вдумчивое и серьезное отношение к основному блоку вопросов. Перед началом диагностики испытуемые вводились в курс дела относительно общих задач исследования и получали «информационный листок обследуемого», где были прописаны основные моменты, касающиеся настоящего исследования – цель, задачи, методы исследования, возможные риски, права обследуемых. Исследователь давал полные ответы на возникающие у испытуемых вопросы. После чего им предъявлялись индивидуальные тексты опросников и регистрационные бланки. В ситуации компьютерной психодиагностики осуществлялось подробное инструктирование о правилах ввода ответов в электронную базу данных. При бланковом тестировании ввод цифровых массивов в базы данных компьютерных версий психодиагностических методик производился экспериментатором с регистрационных бланков, заполненных испытуемыми «вручную». На ответы по всему комплексу методик одним человеком в среднем затрачивалось от двух до четырех часов, без учета перерывов на отдых. По

желанию испытуемых тестирование осуществлялось в два-четыре приема, в течение нескольких дней. Участникам гарантировалось сохранение конфиденциальности результатов и предоставление обратной связи по результатам, что способствовало большей откровенности высказываний. Таким образом, инструкция и процедура сбора эмпирических данных нивелировали влияние факторов, которые потенциально могли обусловить снижение уровня достоверности ответов.

Одновременно с осуществлением психодиагностического тестирования разрабатывалась программа формирующего эксперимента, содержание которой была осуществленная с сентября 2015 года по май 2016 года апробация программы психологической помощи матери, преодолевающей повседневные трудные ситуации, актуализирующиеся в период раннего возраста ребенка. В проведении формирующего эксперимента приняли участие две группы по 24 человека каждая: экспериментальная и контрольная, имеющие эквивалентные качественные и количественные характеристики. Количество матерей, участвовавших в проведении формирующего эксперимента обусловлено спецификой объема коррекционно-развивающих групп. Суммарный объем групп составил 48 человек, что является достаточным для выявления статистических различий на значимом уровне ($p < 0,05$) [10].

На заключительном этапе исследования (2017–2018 гг.) осуществлялась математическая обработка эмпирических данных. Одновременно проводилась систематизация и интерпретация результатов исследования (наглядное представление результатов; их описание, объяснение и обобщение, формулирование выводов, апробация и включение итоговых результатов в систему научных знаний).

Методы и методики исследования. На различных этапах опытно-экспериментального исследования, определяемых задачами его отдельных периодов, использовался комплекс взаимодополняющих методов: психодиагностические методы; формирующий эксперимент; математико-статистические методы; интерпретационные методы. Методическое обеспечение исследования включало комплекс надежных и валидных психодиагностических методик, прошедших психометрические проверки и обеспечивающих взаимную верификацию данных. Учитывались возможности и ограничения каждой методики, входящей в психодиагностический

комплекс. Надежность выводов обеспечивалась возможностью подтверждения научных фактов, полученных по одной психодиагностической методике, дублированием данных, полученных по другой. Предпочтение было отдано хорошо разработанным методикам, тем, которые достаточно полно представлены в практических руководствах по их применению: имеют развернутые интерпретации шкал, нормативные данные, описание количественных и качественных результатов апробации, рекомендации относительно формы и содержания заключения и другие необходимые составляющие в соответствии с требованиями стандартов. Основными измерительными инструментами исследования особенностей психосоциального развития детей выступили модифицированные шкальные опросники:

1. «Шкала оценки развития ребенка» (RCDI-2000) – адаптированный в 1992–1999 годах к российским социокультурным условиям специалистами Санкт-Петербургского института раннего вмешательства И. А. Чистович и Я. Н. Шапиро вариант опросника «Child Development Inventory» (CDI), разработанного в 1992 году доктором Г. Айртоном (Миннеаполис, США) [182, 222]. Шкала RCDI-2000 предназначена для оценки уровня психосоциального развития детей от одного года двух месяцев до трех лет шести месяцев. Методика рекомендована к применению для выявления детей с задержкой развития, для отслеживания динамики развития, а также при разработке программ раннего вмешательства. Она представляет собой опросник, состоящий из 216 пунктов, каждый из которых отнесен к одной из шести областей: социальная, самообслуживание, крупные движения, тонкая моторика, развитие речи, понимание языка. Я. Н. Шапиро и И. А. Чистович указывают на то, что деление на указанные области может быть лишь с определенной мерой условности, поскольку выделить независимые друг от друга области развития невозможно. В частности, в социальной области многие пункты связаны с речью; в «тонких движениях» многие пункты требуют не только ловкости движений, но и понимания задачи и т. д. При этом шкала позволяет выявить несформированные функции и навыки внутри каждой области. Большой набор пунктов позволяет не только обнаружить факт отставания, но и получить достаточно точные оценки уровня развития. Все уровни определяются для мальчиков и девочек отдельно, поскольку в

некоторых областях, например, социальной области, самообслуживании, развитии речи, различия между мальчиками и девочками весьма велики. Достоинством шкалы является и ее стандартизация, проведенная на большой отечественной выборке детей (более 2200) в течение нескольких лет (1992–1999 гг.). Развитие ребенка оценивается путем сопоставления набранных баллов (числа пунктов в опроснике, которые ребенок выполняет) со статистическими нормами для здоровых ровесников (с заранее рассчитанными, входящими в комплект методики таблицами), в результате чего определяется: 1) качественная оценка развития: нормальное развитие, легкое отставание, отставание; 2) процентный «ранг» ребенка среди здоровых сверстников (от какого процента ровесников отстает и какой процент сверстников опережает); 3) «профиль развития», т. е. актуальный возраст, которому соответствует развитие ребенка в каждой области и полной шкале [182].

2. «Шкала измерения социальной компетентности Долла» (ШИСКДМ) – модифицированный В. И. Гордеевым и Ю. С. Александровичем и адаптированный к российским социокультурным условиям вариант опросника «Вайнлендская шкала социальной зрелости» («Vineland Social Maturity Scale», «VSMS»), разработанного в 1953 г. австралийским психологом Э. Доллом (E. Doll). Методика предназначена для исследования уровня социального развития детей в возрасте от 12 недель до 14 лет и позволяет рассчитать социальный возраст развития ребенка, а на этой основе – социальный коэффициент, соотнося социальный возраст с хронологическим. Для детей раннего возраста задания теста весьма близки к критериям развития установленными А. Гезеллом. Оценка коэффициента психосоциального развития соответствует восьми показателям: общая способность к самообслуживанию, самостоятельность во время еды, самостоятельность при одевании, способность к саморегуляции поведения, уровень активности, коммуникация, локомоция (осмысленное, целенаправленное перемещение), степень социализации [39].

Актуальность выбора данных методик для диагностики психосоциального развития детей объясняется спецификой психического развития ребенка в раннем возрасте. Прежде всего, это недостаточность уровня рефлексии и уровня развития

речи, что затрудняет использование вербальных методов диагностики, проводимых непосредственно с детьми. Наряду с этим, исходя из особенностей эмоционально-волевой сферы, исключена возможность «заставить» ребенка выполнить задание, в случае отсутствия у него такового желания, даже при условии, что задание легко выполнимо в привычных для ребенка условиях. В этой связи приоритет был отдан методам наблюдения и экспертного оценивания, которые дают возможность оценки уровня развития детей в том случае, когда их тестирование затруднено или невозможно. Кроме того, шкалы RCDI-2000 и ШИСКДМ, в отличие от большинства инструментов оценки уровня развития детей, опираются на данные, полученные от родителей. В ходе анализа результатов по шкалам-опросникам матерей и по оценке специалистов не установлено достоверных различий ($p > 0,05$). За последние два-три десятилетия было показано, что шкалы-вопросники для родителей по психометрическим свойствам ничуть не уступают традиционным шкалам [182, 58]. Матери, наблюдая за поведением ребенка в естественных домашних условиях, отвечали на вопросы, которые затем обрабатывались на персональном компьютере с использованием программного обеспечения. Для заполнения бланков специальных знаний не требуется – достаточно прочесть и правильно понять инструкцию и вопросы. В этой связи матерям предварительно проводили инструктаж по правильному заполнению тестов; если в процессе тестирования ребенка возникали вопросы, проводились подробные разъяснения.

Высокое качество опросников определяется тем, что их пункты описывают большое количество легко наблюдаемых движений и действий в поведении ребенка: движение тела, прием пищи, участие в одевании, проявление эмоций; подражание, понимание простых указаний, контакт со взрослыми и ровесниками и т. д., допустимые ответы сведены к «да» и «нет». Преимущество привлечения матери для заполнения опросника в том, что она наблюдает ребенка повседневно, в самых разных ситуациях, в то время как специалист должен оценить развитие ребенка за короткий период времени, часто в непривычной для ребенка обстановке. Кроме того, отвечая на пункты опросника, описывающие разнообразные типичные формы поведения детей данной возрастной категории, матери лучше узнают своего

ребенка, начинают больше интересоваться его развитием. Поэтому заполнение опросника является одной из процедур психологической помощи матери.

Для изучения проявлений раннего материнского копинга были задействованы следующие взаимодополняющие личностные опросники:

1. Тест-опросник «Индикатор копинг-стратегий» (ИКС) – адаптированный к российским социокультурным условиям сотрудниками Лаборатории клинической психологии и психодиагностики Санкт-Петербургского НИПНИ им. В. М. Бехтерева Н. А. Сирота совместно с В. М. Ялтонским (1995 г.) вариант опросника «The Coping Strategy Indication» (CSI), разработанного в 1990 г. американским исследователем Дж. Амирханом [194, 148, 192]. Дж. Амирхан рассматривает такие ортогональные модусы копинг-поведения как ориентирование на разрешение проблемы, поиск социального контакта и избегание. В этой связи опросник позволяет диагностировать три базовые копинг-стратегии, которые хоть и не исчерпывают существующее многообразие стратегий, однако, по мнению автора методики, лежат в основе множества совладающих реакций человека в различных стрессовых ситуациях: 1) «Разрешение проблемы» – активная поведенческая стратегия, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы; 2) «Поиск социальной поддержки» – активная поведенческая стратегия, подразумевает активное обращение человека за помощью и поддержкой к окружающей его среде: родственникам, друзьям, специалистам, значимым другим; 3) «Избегание» – пассивная поведенческая стратегия, основной характеристикой которой является стремление человека избежать контактов с окружающими, уйти от решения проблем [194].

2. Тест-опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) – прошедший процедуру адаптации на кафедре социальной психологии КГУ им. Н. А. Некрасова (Кострома, 2001), возглавляемой Т. Л. Крюковой, вариант опросника «Coping Inventory for Stressful Situations» (CISS), разработанного в 1990 г. Н. Эндлером, Дж. Паркером [211, 87]. Н. Эндлер и Дж. Паркер рассматривают такие ортогональные модусы копинг-поведения как проблемно-ориентированное,

эмоционально-ориентированное совладание и модус совладания, ориентированного на избегание. С помощью теста у взрослых людей старше 18 лет надежно измеряются три основных копинг-стиля и два дополнительных субстиля. Проблемно-ориентированный стиль предполагает анализ проблемы, поиск решений, планирование и исполнение действий, распределения времени, контроль над ситуацией, саморегуляцию состояния и мобилизацию усилий для разрешения проблемы. Эмоционально-ориентированный стиль обнаруживается в переживании чувства вины за нерешительность и неспособность справиться с ситуацией, слишком эмоциональном отношении к проблеме, сосредоточении на своих недостатках, бездействии, нервном напряжении, в чувстве раздражения и беспомощности. Копинг, ориентированный на избегание, включает две субшкалы: 1) «Отвлечение» предполагает, что человек в трудных ситуациях предпочитает заниматься различными делами, не решая возникшую проблему; 2) «Социальное отвлечение» – стремление человека контактировать в трудных ситуациях с другими людьми, общение может как предполагать, так и не предполагать разрешение возникшей проблемы [211]. Данная модель сконструирована на основании проведенного авторами методики факторного анализа и находит отражение в диспозиционных концептуальных представлениях о копинге как относительно устойчивой предрасположенности человека к реагированию в разнообразных стрессовых ситуациях определенным образом.

3. Тест-опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (СПСС) – адаптированный в 2001 г. сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой вариант опросника «Strategic Approach to Coping Scale» (SACS), разработанного в 1994 г. С. Хобфоллом [221, 30]. Опросник позволяет в рамках многоосевой модели совладания с жизненными трудностями надежно диагностировать девять основных моделей совладающего поведения: «Ассертивные действия», «Вступление в социальный контакт», «Поиск социальной поддержки», «Осторожные действия», «Импульсивные действия», «Избегание», «Манипулятивные действия», «Асоциальные действия», «Агрессивные действия», которые соответствуют шкалам методики SACS. В каче-

стве категорий совладания высшего порядка С. Хобфолл рассматривает три оси совладания, поскольку, по его мнению, совладание происходит одновременно в трех измерениях, таких как уровень активности и пассивности, просоциальности и асоциальности, прямоте и косвенности. Вследствие этого, с точки зрения автора методики, модели преодолевающего поведения в содержательном плане должны описываться посредством трех координат (стратегические направления преодолевающего поведения): 1) ось просоциальной – асоциальной стратегии; 2) ось активности – пассивности; 3) ось прямое – не прямое (манипулятивное) поведение. Модель многоосевого копинга С. Хобфолла фиксируется на осознании влияния социального окружения на копинг-поведение человека и позволяет сбалансировать индивидуалистический и коллективный контекст совладания [30].

4. Тест-опросник «Опросник способов совладания» (ОСС) – адаптированный в 2004 г. Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфяк, М. С. Замышляевой вариант опросника «Ways of Coping Questionnaire» (WCQ), разработанного в 1988 г. Р. Лазарусом и С. Фолкман [223, 87]. Опросник является представителем ситуативно-ориентированных методов. Т. Л. Крюкова делает выразительный акцент на том, что данная методика в целях повышения ее надежности должна использоваться строго по инструкции, т. е. в развертывающейся актуальной стрессовой / трудной для индивида ситуации [87]. При этом опросник предназначен для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности. В адаптированном на русскоязычной выборке варианте Т. Л. Крюковой были выделены следующие ситуативно-специфические стратегии: «Конфронтация», «Дистанцирование», «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности», «Бегство-Избегание», «Положительная переоценка», «Планирование решения проблемы». Согласно авторам-разработчикам методики, все стратегии могут также рассматриваться сообразно функциональной направленности в рамках трех структурных категорий. Так, к первой категории (модусу) проблемно-ориентированного совладания относится стратегия «Планирования решения проблемы». К категории эмоционально-фокусированного совладания относится шесть стратегий: «Конфронтация», «Дистанцирование», «Самоконтроль»,

«Принятие ответственности», «Бегство-Избегание», «Положительная переоценка». Последняя промежуточная категория, предполагающая социальную направленность, включает стратегию «Поиска социальной поддержки» [223].

5. Тест-опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТСЖ) – адаптированный на факультете психологии СПбГУ в 2009 г. Н. Е. Водопьяновой вариант опросника «Stress Verarbeitungs Fragebogen» (SVF-120), разработанного в 1985 г. немецкими исследователями В. Янке и Г. Эрдманном [30]. Служит для диагностики типичных способов преодоления стрессовых ситуаций, которые определены 20 шкалами. Анализ результатов проводится, с одной стороны, по отдельным шкалам, с другой – по вторичным оценкам: установление общей суммы «позитивных» (шкалы 1 – 10 касаются действий, которые направлены на уменьшение стресса и принципиально пригодны для этого) и «негативных» (шкалы 13 – 18 касаются неоптимальных путей преодоления стресса, которые могут усилить стресс, но не преодолеть его) стратегий. «Негативные» копинг-стратегии в целом относительно однородны, в то время как внутри «позитивных» – дифференцируются три диапазона: 1) «Положительный 1», охватывает шкалы 1 – 3, которые обнаруживают тенденцию к обращению к когнитивным стратегиям преодоления стресса, предполагающим защитное субъективное снижение его значимости; 2) «Положительный 2», включает шкалы 4 – 7, показывающие склонность к отвлечению от стресса, т. е. прибеганию к позитивным ситуациям, состояниям, исключая стресс; 3) «Положительный 3», объединяет шкалы 8 – 10, отражающие стремление к осуществлению действий по контролю ситуации, вызванных ею собственными реакцией и необходимого в этом случае приписывания себе способностей для его определений. Опросник обладает достаточными психометрическими свойствами, позволяет проанализировать существующие способы выхода из сложной ситуации и увидеть новые возможные методы решения проблемы [30].

Выбор данного методического комплекса для исследования копинг-поведения матерей продиктован возможностью получить интегрирующее представление об особенностях такого поведения матери, поскольку концептуально выбранные методики приближены и к диспозиционному (J. H. Amirkhan, N. S. Endler, J. Parker,

S. E. Hobfoll) и к ситуационному (R. Lazarus, S. Folkman) подходам в исследовании копинг-поведения. К тому же, как указывает ряд отечественных исследователей А. М. Гришин (2011), О. В. Кружкова (2012), Ф. К. Гемешлиев (2014), шкалы задействованных в данном исследовании методик («ИКС», «КПСС», «СПСС», «ОСС», «ПТСЖ»), имеющие тождественные или синонимичные названия, не всегда могут быть безоговорочно соотнесены с одними и теми же копинг-стратегиями, поскольку даже шкалы с одинаковыми названиями в разных методиках выявляют различные психологические составляющие в своем содержании и характеризуются использованием специфических для каждой подгруппы копинг-действий [41, 85, 36]. Кроме того, как известно, возможность подтверждения научных фактов, полученных посредством одной психодиагностической методики, дублированием данных, полученных с помощью другой, обеспечивает надежность выводов по найденным закономерностям [80]. С этой целью в данном исследовании был задействован вышеобозначенный перечень диагностических методик, а копинг-поведение матерей тщательно изучалось путем психологической диагностики представленности в их поведенческом репертуаре 45-ти способов совладания со стрессом, список которых показан в Приложении В на странице 221.

На первом этапе исследования копинг-поведения матерей испытуемую просят вспомнить об одной или нескольких повседневных проблемах, с которыми она постоянно сталкивается и которые заставляют ее изрядно беспокоиться и переживать. Эти проблемы испытуемая должна сформулировать и описать в нескольких словах в месте, специально отведенном на регистрационном бланке. На следующем этапе исследования респонденту предъявляются утверждения опросника, в каждом из которых описывается один из возможных способов преодоления проблем повседневной жизни. Необходимо выбрать один из возможных вариантов ответа для каждого утверждения в зависимости от того, используется ли данная стратегия (и как часто) при решении проблем.

Процедура формирующего эксперимента. По степени вмешательства экспериментатора в деятельность испытуемого осуществленный в данном исследовании

эксперимент относится к разновидности формирующих экспериментов, представляющих собой метод активного воздействия на испытуемого, способствующий его психическому развитию и личностному росту. По типу экспериментальной ситуации (работа в группе) он является одним из проявлений формирующего эксперимента, при котором активное воздействие экспериментатора заключается главным образом в создании специальных условий и ситуаций, которые позволяют целенаправленно изменять и формировать определенные личностные свойства у испытуемых [122]. В зависимости от задач исследования эксперимент осуществляется на трех уровнях: качественном, факторном и функциональном.

На качественном уровне задача состояла в получении данных, характеризующих изучаемое явление вне контекста влияний на него, вне его динамики, в констатации (констатирующий эксперимент) наличия и степени выраженности исследуемых феноменов – копинг-стратегий матерей – как зависимой переменной (ЗП). На факторном уровне устанавливалось наличие или отсутствие связи зависимой переменной с независимой переменной (НП), являющейся главной составляющей экспериментальной ситуации. Иначе говоря, выяснялось, изменится или не изменится зависимая переменная под воздействием независимой. В качестве независимой переменной в эксперименте выступило формирующее воздействие, способное вызвать адекватные задачам исследования психические свойства (формирующий эксперимент). Функциональный уровень эксперимента определяет характер связей между явлениями, т. е. какой функцией зависимая переменная связана с независимой (контрольный эксперимент). Эксперимент осуществлялся методом параллельных групп и состоял в сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по уровню выраженности копинг-стратегий до начала и после окончания участия в работе программы. Группа, которая испытывала воздействие независимой переменной, т. е. участвовала в программе, выступила в качестве экспериментальной (ЭГ); группа, которой независимая переменная не предъявлялась, служила контрольной (КГ).

Методы математико-статистической обработки данных. Для обработки результатов психодиагностического обследования испытуемых применялся качественный и количественный анализ результатов с применением методов математической статистики для обработки эмпирических данных: описательная статистика, оценка значимости различий с применением непараметрических критериев: Н-критерия Крускала-Уоллиса, критерия Хи-Квадрат; параметрического t-критерий Стьюдента; корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции (по Спирмену); факторный анализ (метод главных компонент с вращением квартимакс); однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) по Фишеру. Статистически значимыми считались результаты ниже уровня $p < 0,05$. Автоматизированная математико-статистическая обработка экспериментально-психологической цифровой информации в данном исследовании производилась с помощью специализированной компьютерной программы вычислений «StatSoft STATISTICA 10.0».

Первоначально определение уровней шкалы осуществлялось через среднее и среднеквадратическое отклонение и, кроме этого, дополнительно через медианный балл, поскольку медиана лучше, чем среднее оценивает «типичный» балл у краев диапазона, где распределение довольно несимметрично и оценка медианы устойчивее к засорению «хвостов» распределения [10].

Для удобства в анализе копинг-поведения матерей, а также большей наглядности использовались оценки, переведенные в абсолютные значения. Вычисление и перевод производился по формуле: $Абс = (N \times 100\%) \div \Sigma_{max}$, где N – количество баллов, набранных испытуемым по данной шкале; Σ_{max} – максимальное количество баллов в данной шкале. Переведенные таким образом в абсолютные величины (Абс) показатели шкал можно сравнивать между собой внутри одного профиля (в отличие от сырых оценок): наибольшие показатели Абс указывали на преобладание в репертуаре копинг-поведения соответствующей стратегии. Степень предпочтительности копинг-стратегии определялась на основании следующего правила: показатель менее 40 баллов – редкое использование соответствующей стратегии; 40 баллов \leq показатель \leq 60 баллов – умеренное использование; Абс \geq 60 баллов соответствует преимущественному использованию стратегии;

Абс = 100 баллов – максимально частое использование данной стратегии в профиле копинг-поведения испытуемого [65].

Другой примененный способ интерпретации полученных данных основывается на анализе удельного веса каждой стратегии относительно всех шкал опросника (копинг-стратегий). Вычисление удельного веса производилось по формуле:

$M_n = (N_n \times 100) \div S$, где M_n – доля (в %) каждой копинг-стратегии относительно всех шкал опросника, N_n – числовое значение, полученное по каждой шкале, S – сумма показателей всех шкал опросника [30].

На основании данных, отражающих удельные веса копинг-стратегий в структуре совладающего поведения матерей, были определены:

1) Индекс соотношения пассивных и активных копинг-стратегий (ИПА). Для чего находилось отношение суммы показателей удельного веса пассивной копинг-стратегии «Избегание» и суммы показателей удельных весов активных стратегий «Решение проблемы» и «Поиск социальной поддержки» (методика «ИКС»). В том случае, когда вычисленный таким способом ИПА принимает числовое значение менее 0,50, считается, что в общей структуре совладающего поведения преобладают активные стратегии. Если же ИПА превышает 0,50, то в поведении испытуемых доминируют пассивные копинг-стратегии [80, 52].

2) Степень конструктивности моделей поведения испытуемых-матерей (методика «СПСС»). Вычислялся общий индекс конструктивности (ИК), а именно: находилось отношение суммы показателей удельных весов активных просоциальных (АП) копинг-стратегий («Ассертивные действия», «Вступление в социальный контакт», «Поиск социальной поддержки») и суммы показателей удельных весов пассивных асоциальных (ПА) стратегий («Избегание», «Асоциальные действия», «Агрессивные действия»): $ИК = АП \div ПА$. В эпизоде, когда ИК принимает значение от 0 до 0,85, речь идет о низкой степени конструктивности; значение ИК более 1,1 свидетельствует о высокой степени конструктивности; промежуточные значения в диапазоне от 0,86 до 1,1 указывают на среднюю степень конструктивности моделей поведения [30].

3.2 Результаты диагностического изучения психосоциального развития детей раннего возраста

Для диагностики психосоциального развития детей раннего возраста использовалась стандартизированная тестовая методика RCDI-2000. С целью взаимопроверки и взаимодополняемости полученных данных применялась психодиагностическая методика ШИСКДМ. Оценка актуального уровня психосоциального развития детей проводилась по следующим показателям:

1) определение «процентного ранга» ребенка среди здоровых сверстников, показывающего от какого количества сверстников (в %) ребенок отстает и какое количество детей в своей возрастной категории опережает (методика RCDI-2000);

2) определение «профиля психосоциального развития» – актуального возраста, которому соответствует психосоциальное развитие ребенка (методики RCDI-2000 и ШИСКДМ);

3) определение социального коэффициента – соотношение актуального (социального) возраста с хронологическим (методика ШИСКДМ);

4) определение качественной оценки психосоциального развития: опережающее развитие, нормативное развитие, легкое отставание, отставание (согласно стандартной интерпретации разработчиков методики RCDI-2000).

Поскольку разделение на отдельные области развития весьма условны и структуру психосоциального развития представляют тесно переплетенные линии познавательного, эмоционального, личностного развития, которые находят отражение в социальном поведении – овладение социально заданными ролями, знаниями, умениями, навыками и способами взаимодействия с другими людьми [63, 182], анализ результатов, полученных при помощи методики RCDI-2000 проводился прежде всего по социальной шкале, а также шкалам самообслуживание, развитие речи, понимание языка и в последнюю очередь учитывались шкалы крупные движения, тонкая моторика. Было выявлено, что каждый ребенок развивается в своем индивидуальном темпе и имеются дети, у которых хронологический возраст (ХВ) и расчетный актуальный возраст (АВ) психосоциального развития совпадают;

дети, у которых актуальный возраст психосоциального развития опережает хронологический; дети, у которых расчетный актуальный возраст отстает на три и более месяцев от хронологического, что отражается «процентным рангом» детей. Из общего числа испытуемых ($N = 260$), 73,46 % детей получили «процентный ранг» в значении до 83 %, что в стандартной интерпретации авторов-разработчиков методики RCDI-2000 оценивается как «нормативное развитие». У 18,85 % детей, набравших аналогичный показатель в диапазоне от 84 % до 95 %, было констатировано «легкое отставание»; у 7,69 % детей, получивших значение «процентного ранга» 96 % и более, установлено «отставание» в психосоциальном развитии.

Итоги тестирования детей по шкале ШИСКДМ не противоречат обнаруженным результатам по шкале RCDI-2000, а подтверждают и дополняют их. В частности, испытуемые, получившие качественную оценку психосоциального развития – «нормативное развитие» по шкале RCDI-2000 (73,46 %), при дальнейшем исследовании с помощью методики ШИСКДМ показали социальный коэффициент (СК) равный единице и более единицы ($СК \geq 1$ – показатель нормативного и опережающего уровня психосоциального развития ребенка). Из них социальный коэффициент, равный единице ($СК = 1$), имеют 63,86 % детей, социальный коэффициент более единицы ($СК > 1$) выявлен у 9,6 % детей, что в интерпретации автора и разработчика тестовой методики означает опережение в психосоциальном развитии. Исследование показало, что у 26,54 % детей социальный коэффициент менее единицы ($СК < 1$), что свидетельствует о запаздывании в психосоциальном развитии, причем в каждом конкретном случае тем сильнее, чем ниже СК. Таким образом, можно констатировать, что на момент психологического обследования каждый четвертый ребенок из нашей исследовательской выборки, не имеющий серьезных проблем со здоровьем, т. е. соматических или психических заболеваний, способных заметно повлиять на его развитие, и отнесенный медицинскими работниками к категории «практически здоровый» (по данным амбулаторных медицинских карт, Форма 112), имел в той или иной степени запаздывание в психосоциальном развитии. Степень отставания в уровне психосоциального развития детей с социальным

коэффициентом менее единицы определялась с помощью шкалы RCDI-2000 по показателю «процентного ранга» ребенка.

В рамках эмпирического исследования после проведения диагностики психосоциального развития детей на основании полученных результатов выборочная совокупность испытуемых-детей была разделена на четыре группы: 1) дети с высоким (опережающим) уровнем психосоциального развития (сокр. ОР); 2) дети со средним (нормативным) уровнем психосоциального развития (сокр. НР); 3) дети, уровень психосоциального развития которых ниже среднего (легкое отставание) (сокр. ЛО); 4) дети с низким уровнем психосоциального развития (отставание) (сокр. ОТС).

Таким образом, согласно таблице 1, в первую группу (ОР) вошли дети, у которых расчетный актуальный возраст развития (АВ) превышает хронологический (ХВ), а именно: при среднегрупповом показателе (М) хронологического возраста равного $23,76 \pm 2,73$, аналогичный показатель расчетного актуального возраста оказался $26,88 \pm 3,17$.

Таблица 1 – Среднегрупповые показатели хронологического возраста и актуального возраста психосоциального развития у детей из четырех групп

Возраст, мес*	Качественная оценка психосоциального развития**			
	ОР	НР	ЛО	ОТС
Хронологический	$23,76 \pm 2,73^*$	$24,87 \pm 7,70$	$25,37 \pm 8,09$	$24,35 \pm 6,37$
Актуальный (RCDI-2000)	-	$24,02 \pm 7,38$	$19,18 \pm 6,27$	$14,10 \pm 3,16$
Актуальный (ШИСКДМ)	$26,88 \pm 3,17$	$24,23 \pm 7,56$	$19,94 \pm 6,4$	$15,10 \pm 3,90$

Примечание: *Представлен средний возраст детей в группе (среднее арифметическое и среднее квадратичное отклонение).
 ** ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.

Представленные данные подтверждаются «процентным рангом» – у всех детей обсуждаемой группы он составил значение до 83 %, а именно: среднегрупповой показатель равен 23,22 %; и социальным коэффициентом, превышающим единицу (М (СК)=1,14) (см. табл. 2, стр. 105).

Таблица 2 – Среднегрупповые показатели «процентного ранга» и социального коэффициента у детей из четырех групп

Критерии	Качественная оценка психосоциального развития*			
	ОР	НР	ЛО	ОТС
«Процентный ранг» ребенка (RCDI-2000)	23,22	56,69	86,06	97,65
Социальный коэффициент (ШИСКДМ)	1,14	1	0,79	0,63

*Примечание: ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.

Во вторую группу (НР) вошли дети, чей расчетный актуальный возраст психосоциального развития совпадает с хронологическим ($M(XB) = 24,87 \pm 7,70$; $M(AB_RCDI-2000) = 24,02 \pm 7,38$; $M(XB_ШИСКДМ) = 24,23 \pm 7,56$), «процентный ранг» составляет значение до 83 % ($M=56,69$) и $СК=1$.

В третьей группе (ЛО) наблюдается отставание расчетного актуального возраста детей от хронологического ($M(XB) = 25,37 \pm 8,09$; $M(AB_RCDI-2000) = 19,18 \pm 6,27$; $M(AB_ШИСКДМ) = 19,94 \pm 6,4$), «процентный ранг» детей этой группы составляет значение в диапазоне от 84 % до 95 % ($M=86,06$) и $СК < 1$ ($M(СК)=0,79$).

В последней четвертой группе (ОТС), согласно таблицам 1 (см. стр. 104) и 2 актуальный возраст, определенный с помощью двух методик, значительно отстает от хронологического ($M(XB) = 24,35 \pm 6,37$; $M(AB_RCDI-2000) = 14,10 \pm 3,16$; $M(AB_ШИСКДМ) = 15,10 \pm 3,90$), «процентный ранг» детей составляет значение 96 % и выше ($M=97,65$), и $СК < 1$ ($M(СК)=0,63$). Описательная статистика по выделенным группам представлена в таблицах 3 (см. стр. 106), 4 (см. стр. 107), 5 (см. стр. 110) и 6 (см. стр. 110).

На рисунке 1 (см. стр. 106) при помощи так называемых «ящичковых диаграмм» наглядно представлено распределение значений показателя хронологического возраста в выделенных четырех группах испытуемых. Обращают на себя внимание некоторые различия в данных в исследуемых детских группах, поэтому

считаем необходимым проверить отсутствие статистически значимых различий по показателю ХВ между выделенными группами.

*Примечание: На рисунке обозначены следующие группы испытуемых: ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.

Рисунок 1 – Распределение значений показателя хронологического возраста детей в четырех группах

Статистическая значимость различий в показателях хронологического возраста детей среди всех четырех групп проверялась с помощью критерия Хи-квадрат (χ^2). Расчетное значение критерия $\chi^2=1,32$ с уровнем значимости $p=0,72$, что удостоверяет отсутствие статистически значимых различий ($p>0,05$) между группами по показателю хронологический возраст (см. табл. 3). Детальный расчет статистической значимости различий в показателях хронологического возраста детей представлен в Приложении Г на странице 222.

Таблица 3 – Оценка статистической значимости различий между группами по хронологическому и актуальному возрастам (по критерию χ^2)

Возраст, мес.	Значение χ^2	P – уровень значимости
Хронологический	1,32	0,72
Актуальный (RCDI-2000)	25,26	0,00001
Актуальный (ШИСКДМ)	43,77	0,00001

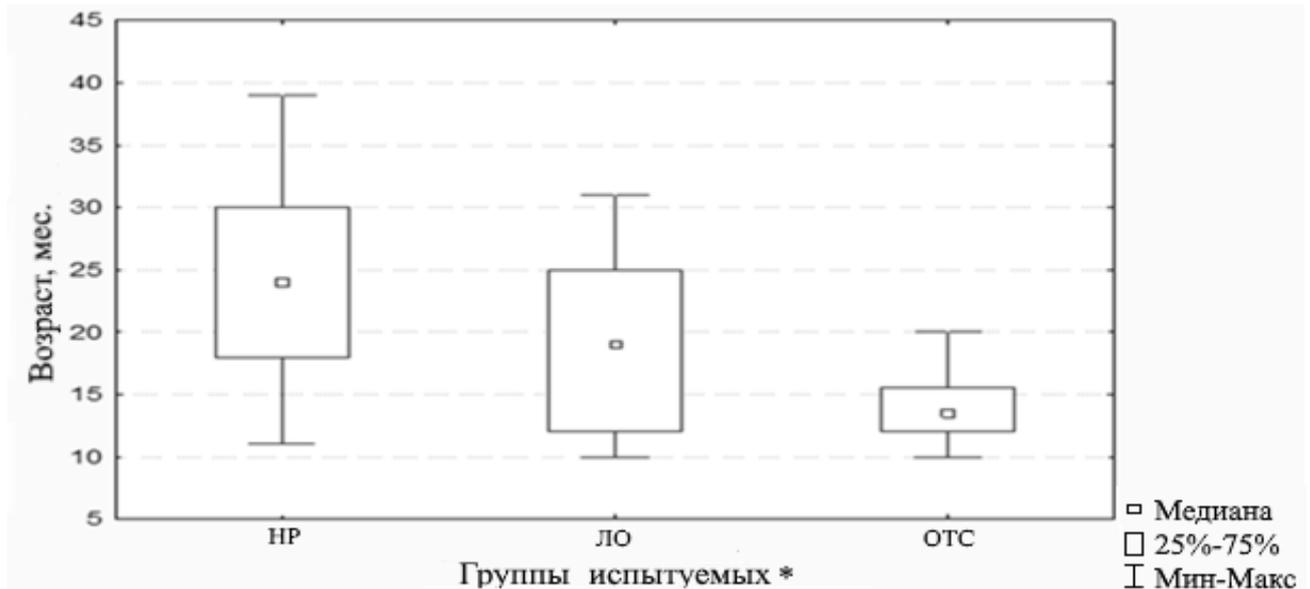
С целью объективизации полученных результатов эмпирического исследования проверялась также попарная оценка статистически значимых различий в показателях хронологического возраста детей среди всех четырех групп с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса. Полученные данные ($H(3, N=260) = 0,41$, с уровнем значимости $p=0,94$), наглядно представленные в таблице 4, подтверждают отсутствие статистически значимых различий ($p>0,05$) между исследуемыми группами детей по показателю ХВ, а именно: между группами испытуемых «НР» и «ОР» ($p=0,44$), между группами «НР» и «ЛО» ($p=0,35$), между группами «НР» и «ОТС» ($p=0,17$), между группами «ОР» и «ЛО» ($p=0,61$), между группами «ОР» и «ОТС» ($p=0,18$) и между группами «ЛО» и «ОТС» ($p=0,36$). Изучив распределение значений показателя ХВ в четырех группах испытуемых, можно констатировать, что на момент психологического обследования детские группы однородны по хронологическому возрасту и в дальнейшем правомерно делать выводы по найденным закономерностям в этих группах, возникшим не в силу особенностей психосоциального развития детей в разные возрастные периоды, а по объективным факторам, оцениваемым в рамках данного исследования.

Таблица 4 – Попарное сравнение хронологического возраста детей четырех групп по Н-критерию Крускала-Уоллиса

Хронологический возраст, мес.				
Крускала-Уоллиса тест: $H(3, N= 260) =,4098905$ $p =,9382$				
ОР*	-	0,437955	0,612312	0,182181
НР	0,437955		0,347761	0,166041
ЛО	0,612312	0,347761	-	0,361190
ОТС	0,182181	0,166041	0,361190	-
*Примечание: ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.				

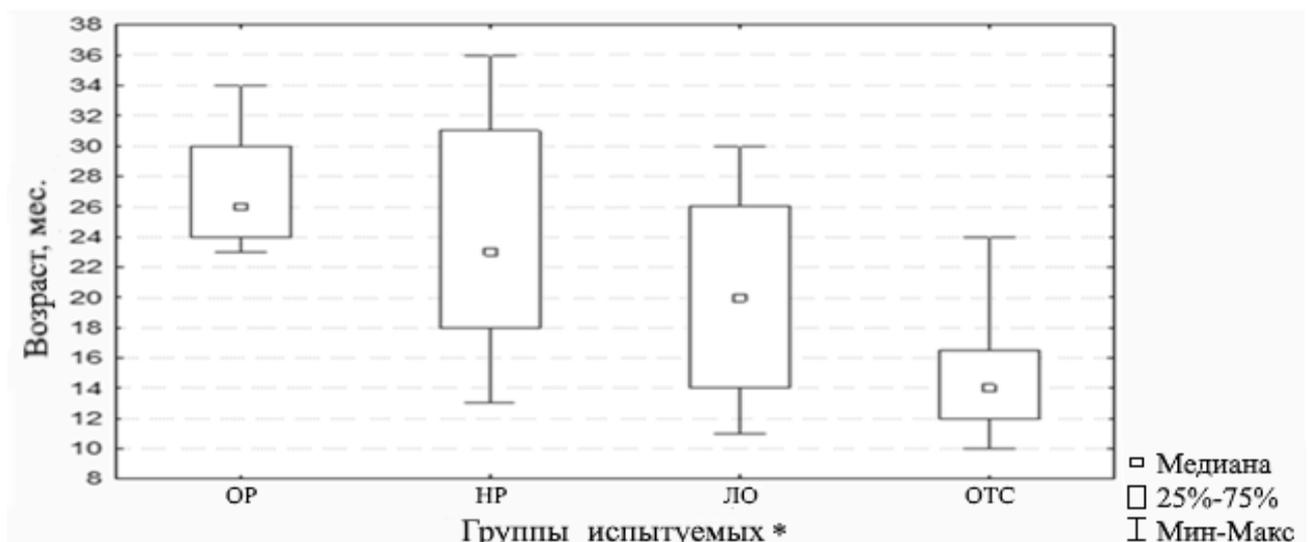
На рисунках 2 и 3 при помощи «ящичковых диаграмм» визуальное представление распределения значений показателя расчетного актуального возраста психосоциального развития детей в выделенных четырех группах, полученного с помощью методик RCDI-2000 (см. рис. 2, стр. 108) и ШИСКДМ (см. рис. 3, стр. 108). Согласно рисункам 2 и 3 (см. стр. 108), наблюдаются вариации признака внутри

каждой группы, поэтому считаем важным проверить статистическую значимость для подтверждения гипотезы о выделении этих групп в отдельные.

**Примечание:* На рисунке обозначены следующие группы испытуемых: НР – группа детей с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием в психосоциальном развитии.

Рисунок 2 – Распределение значений показателя актуального возраста психосоциального развития детей в четырех группах (RCDI-2000)

**Примечание:* На рисунке обозначены следующие группы испытуемых: ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием в психосоциальном развитии.

Рисунок 3 – Распределение значений показателя актуального возраста психосоциального развития детей в четырех группах (ШИСКДМ)

Статистическая значимость различий в показателях уровня актуального психосоциального развития детей между конкретными группами испытуемых проверялась также с помощью критерия Хи-квадрат (χ^2). Вначале мы определили статистическую значимость различий между расчетным актуальным возрастом детей четырех групп, полученным при помощи тестовой методики RCDI-2000: $\chi^2=25,26$ с уровнем значимости $p=0,00001$, что указывает на наличие статистически значимых различий ($p<0,05$) между группами детей ОР, НР, ЛО и ОТС по показателю расчетный актуальный возраст психосоциального развития, определенный при помощи методики RCDI-2000 (см. табл. 3, стр. 106).

Расчетное значение критерия $\chi^2 = 43,77$ с уровнем значимости $p=0,00001$, свидетельствует о наличии статистически значимых различий ($p<0,05$) между исследуемыми группами по показателю актуальный возраст развития, определенный при помощи методики ШИСКДМ. Детальный расчет статистической значимости различий в показателях актуального возраста развития представлен в Приложении Г на странице 222.

Далее проводилась попарная оценка статистически значимых различий по показателю актуальный возраст с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса. Вначале мы определили статистическую значимость различий между расчетным актуальным возрастом детей четырех групп, полученным при помощи тестовой методики RCDI-2000. Полученные данные ($H(3, N=260) = 43,24$, с уровнем значимости $p=0,0001$) подтверждают наличие статистически значимых различий ($p<0,05$) между группами детей с опережающим уровнем психосоциального развития, детей с нормативным уровнем развития, детей с легким отставанием и группой детей с отставанием в психосоциальном развитии по показателю актуальный возраст развития, определенный при помощи методики RCDI-2000. Попарная оценка подтверждает наличие статистически значимых различий между группами испытуемых-детей «НР» и «ЛО» ($p=0,0003$), между группами «НР» и «ОТС» ($p=0,000001$) и между группами «ЛО» и «ОТС» ($p=0,016$) (см. табл. 5, стр. 110).

Таблица 5 – Попарное сравнение актуального возраста психосоциального развития детей трех групп по Н-критерию Крускала-Уоллиса (RCDI-2000)

Актуальный возраст Крускала-Уоллиса тест: Н (2, N= 260) =43,23871 p =0,0001			
НР**	-	0,000307*	0,000000*
ЛО	0,000307*	-	0,016431*
ОТС	0,000000*	0,016431*	-
<i>Примечание:</i> *выделены значения, подтверждающие статистическую значимость различий. ** НР – группа детей с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.			

Полученные данные (Н (3, N=260) = 44,22 с уровнем значимости $p=0,0001$) подтверждают наличие статистически значимых различий ($p<0,05$) между исследуемыми группами по показателю расчетный актуальный возраст, полученный при помощи методики ШИСКДМ.

Согласно таблице 6, попарная оценка подтверждает наличие статистически значимых различий между группами детей: «НР» и «ЛО» ($p=0,002$), «НР» и «ОТС» ($p=0,000001$), «ОР» и «ЛО» ($p=0,0005$), «ОР» и «ОТС» ($p=0,00000$).

Таблица 6 – Попарное сравнение актуального возраста психосоциального развития детей четырех групп по Н-критерию Крускала-Уоллиса (ШИСКДМ)

Актуальный возраст, Крускала-Уоллиса тест: Н (3, N= 260) = 44,21613 p =0,0000				
ОР**	-	0,373159	0,000462*	0,000000*
НР	0,373159	-	0,002630*	0,000001*
ЛО	0,000462*	0,002630*	-	0,064018
ОТС	0,000000*	0,000001*	0,064018	-
<i>Примечание:</i> *выделены значения, подтверждающие статистическую значимость различий. **ОР – группа детей с опережающим развитием, НР – с нормативным психосоциальным развитием, ЛО – с легким отставанием, ОТС – с отставанием.				

Результаты проведенной психодиагностики психосоциального развития детей раннего возраста показали, что при отсутствии статистически значимых различий по показателю хронологический возраст, между группами испытуемых-детей (ОР, НР, ЛО, ОТС) наблюдаются статистически значимые различия по показателю расчетный актуальный возраст психосоциального развития. Поэтому можно заключить, что у значительной части детей уровень психосоциального развития не

соответствует возрастной норме, а именно: на момент психологического обследования каждый четвертый ребенок из исследовательской выборки, не имеющий соматических или психических заболеваний, способных заметно повлиять на его развитие (данные о здоровье ребенка были получены путем ретроспективного анализа анамнестических данных медицинской документации (история развития ребенка – учетная форма № 112) и в процессе диагностического интервьюирования), имел в той или иной степени запаздывание в актуальном психосоциальном развитии. Довольно высокое число детей раннего возраста (26,54 %) составляют группу риска по возникновению вторичных нарушений: нарушение социальных связей, взаимодействия с окружающим миром. Полученный результат не противоречит последним исследованиям, посвященным изучению актуального психосоциального развития детей раннего возраста [58, 62]. Существенный, с точки зрения раннего вмешательства, интерес представляют диады «мать – ребенок», в которых дети относятся к группе «опережающее» психосоциальное развитие. Обнаружение закономерностей функционирования в этих диадах может быть практически значимым с позиции использования полученных результатов при определении содержания программ, направленных на психологическую превенцию отклонений психосоциального развития детей раннего возраста. Установление актуального уровня психосоциального развития детей явилось основанием, на котором строились остальные аспекты исследования. В частности, в рамках эмпирического исследования по итогам психодиагностики 260 детей раннего возраста были дифференцированы четыре условные исследовательские материнские подгруппы:

- 1) подгруппа «I» – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития (качественная оценка психосоциального развития: опережающее развитие);
- 2) подгруппа «II» – матери детей, имеющих средний уровень психосоциального развития (нормативный, соответствующий календарному возрасту);
- 3) подгруппа «III» – матери детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего (качественная оценка развития: легкое отставание);
- 4) подгруппа «IV» – матери детей с низким уровнем психосоциального развития (качественная оценка психосоциального развития: отставание).

3.3 Особенности копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития

Анализ результатов эмпирического исследования копинг-стратегий, реализуемых матерями в процессе совладания с повседневными проблемными ситуациями, актуализирующимися в период раннего возраста ребенка, проводился на основании данных, полученных по шкалам опросников «ИКС», «КПСС», «СПСС», «ОСС», «ПТСЖ» в зависимости от степени выраженности той или иной стратегии копинг-поведения, по выделенным подгруппам испытуемых-матерей: I, II, III и IV (см. параграф 3.2, стр. 102). Оценка степени выраженности копинг-стратегий проводилась по ряду показателей: 1) среднегрупповой балл и среднеквадратическое отклонение ($M \pm \sigma$); 2) медианный балл (Me); 3) абсолютный показатель напряжения стратегии ($Абс$, в %); 4) удельный вес каждой стратегии в общей структуре копинг-поведения (%); 5) индекс соотношения пассивных и активных копинг-стратегий (ИПА, методика «ИКС»); 6) индекс и степень конструктивности стратегий преодоления (ИК, методика «СПСС»); 7) общая сумма «позитивных» и общая сумма «негативных» копинг-стратегий (методика «ПТСЖ»).

На начальном этапе эмпирического исследования копинг-поведения матерей при помощи методики «ИКС» в структуре совладающего поведения испытуемых-матерей были определены три базисные копинг-стратегии: «Разрешение проблем» (РП), «Поиск социальной поддержки» (ПП) и «Избегание проблем» (ИП). При анализе бальных, абсолютных и весовых показателей у матерей по отдельным подгруппам можно выявить ряд зависимостей внутри и между базисными копинг-стратегиями. В частности, внутри показателей совладающего поведения по типу РП наибольший показатель – $27,96 \pm 2,89$ балла ($Me = 28,0$) – имеют матери, отнесенные к подгруппе I; при этом у них наблюдается и наиболее высокий абсолютный показатель напряжения стратегии ($Абс = 77,09$). К этой стратегии достаточно часто обращаются и матери из подгруппы II ($26,96 \pm 2,89$ балла; $Me = 26,5$; $Абс = 70,92$). Минимальная выраженность проявлений копинг-поведения РП выявлена, согласно таблице 7, у матерей из подгруппы III ($18,90 \pm 3,43$ балла; $Me = 19,0$; $Абс = 35,91$).

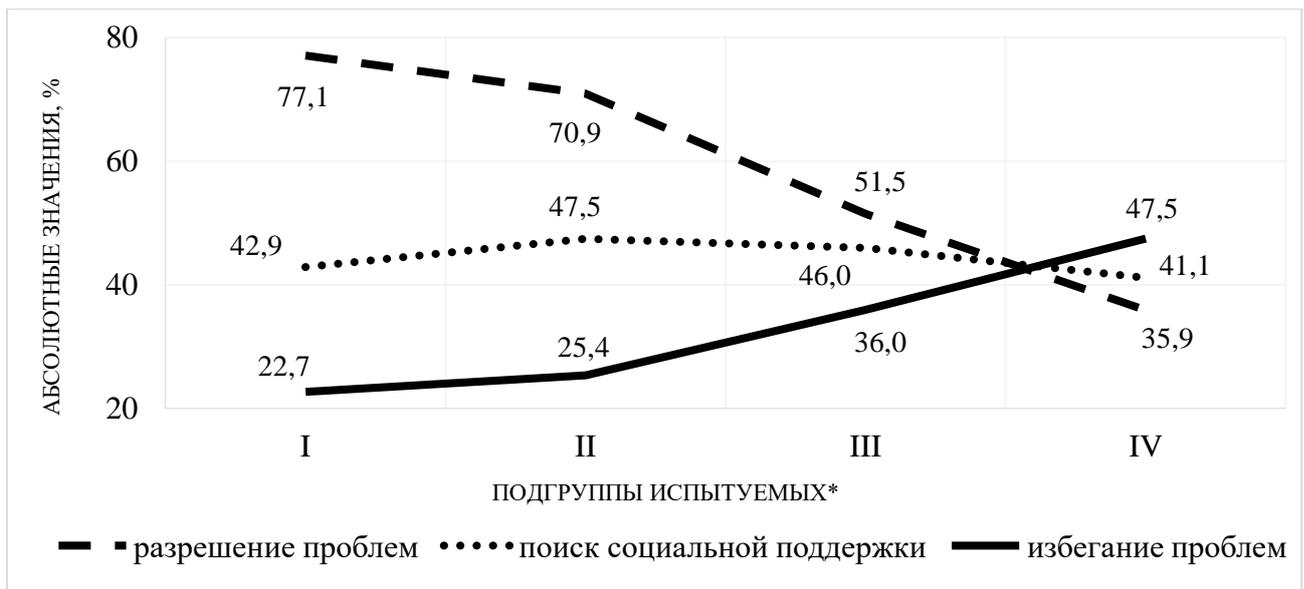
Таблица 7 – Общая характеристика базисных копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах (методика «ИКС»)

№	Базисные копинг-стратегии	Показатели***	Подгруппы испытуемых-матерей**				Р – уровень значимости	
			I	II	III	IV	ANOVA	Крускала-Уоллиса ANOVA test
1	Разрешение проблем (РП)	М±σ	27,96± 2,89	26,60± 3,64	22,33± 4,42	18,90± 3,43	0,00*	0,00*
		Me	28,0	26,5	22,0	19,0		
		Абс	77,09	70,92	51,48	35,91		
		%	43,50	41,21	35,76	31,45		
2	Поиск социальной поддержки (ПСП)	М±σ	20,44± 3,65	21,44± 4,49	21,12± 5,71	20,05± 4,92	0,52	0,57
		Me	21,0	22,0	21,0	20,5		
		Абс	42,91	47,45	46,01	41,14		
		%	31,62	33,00	33,48	33,16		
3	Избегание проблем (ИП)	М±σ	16,00± 2,19	16,58± 2,45	18,92± 3,92	21,45± 4,40	0,00*	0,00*
		Me	15,0	16,0	18,0	21,5		
		Абс	22,73	25,36	35,99	47,50		
		%	24,88	25,79	30,76	35,40		
Индекс соотношения пассивных и активных копинг-стратегий			0,33	0,35	0,46	0,56		
<p><i>Примечание:</i> *p < 0,05. **В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития. ***В таблице представлены средние баллы показателей копинг-стратегий (M – среднее арифметическое), с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 11 баллов, максимальная – 33 балла; представлено стандартное квадратичное отклонение (σ): M±σ; Me – медиана; Абс – абсолютное значение; % – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре базисных стратегий совладающего поведения.</p>								

Присутствие стратегии «Разрешение проблем» на лидирующих местах в структуре копинг-поведения у матерей, отнесенных к подгруппам I и II свидетельствует об их ориентированности на разрешение ситуации. Меньшая выраженность обсуждаемой стратегии у испытуемых подгрупп III и IV отражает, по всей вероятности, отрицательный опыт ее применения, обесценивание опыта других в разрешении похожих ситуаций, несформированность навыков активного преодоления стресса [52]. Одновременно с этим выраженность пассивной копинг-стратегии ИП в подгруппах I (16,00±2,19 балла; Me = 15,0; Абс = 22,73) и II (16,58±2,45 балла;

Me = 16,0; Абс = 25,36) уступает показателям данной шкалы в подгруппе III (18,92±3,92 балла; Me = 18,0; Абс = 35,99). Максимальное ИП наблюдается в совладающем поведении матерей подгруппы IV (21,45±4,40 балла; Me = 21,5; Абс = 47,50). Обнаружение минимального задействования стратегии «Избегание проблем» у матерей подгруппы I свидетельствует о непопулярности этой стратегии среди этих матерей.

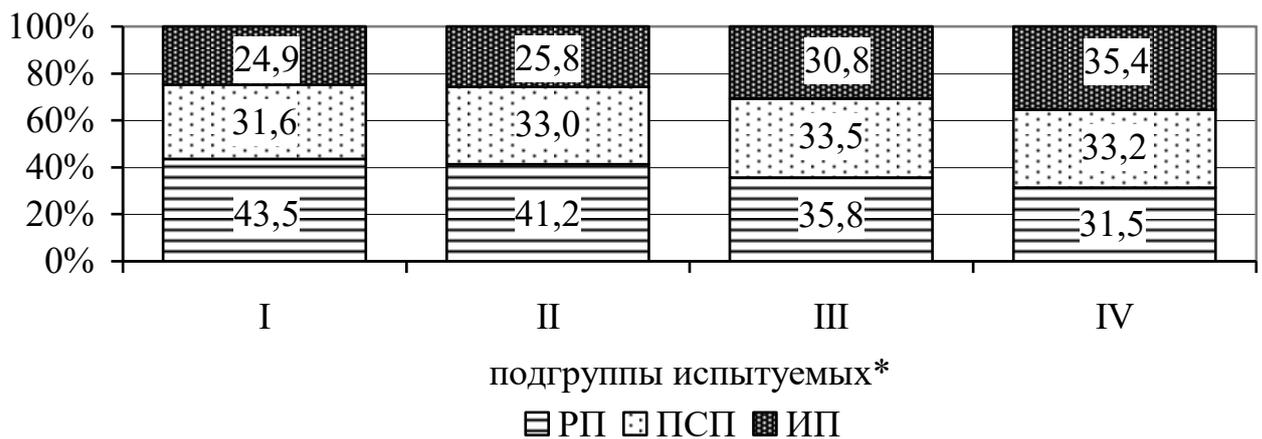
Согласно рисунку 4, практически все матери имеют примерно одинаковый уровень копинг-поведения по типу «Поиск социальной поддержки». Найдена лишь небольшая статистически незначимая разница в выборе этой копинг-стратегии испытуемыми: максимальные показатели применения стратегии имеют матери подгруппы I, минимальные – подгруппы IV. Такое поведение проявляется в стремлении поделиться переживаниями с другими людьми, найти у них понимание, получить совет для того, чтобы общими усилиями разрешить возникшую проблемную ситуацию максимально результативно.

Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

Рисунок 4 – Показатели выраженности базисных копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

Несмотря на то, что ПСП во всех подгруппах матерей занимает промежуточное положение в структуре копинг-поведения, вместе с тем, у матерей подгрупп I, II и III она уступает активной копинг-стратегии РП, но превышает аналогичный показатель пассивной стратегии «Избегание проблем». В то время как в подгруппе IV стратегия ПСП (20,05±4,92 балла; Ме = 20,05; Абс = 41,14) опережает активную стратегию «Разрешение проблем» (18,90±3,43 балла; Абс = 35,91) и уступает пассивной копинг-стратегии ИП (21,45±4,40 балла; Ме = 21,5; Абс = 47,50). В таком же соотношении находятся и удельные веса этих копинг-стратегий (см. рис. 5).

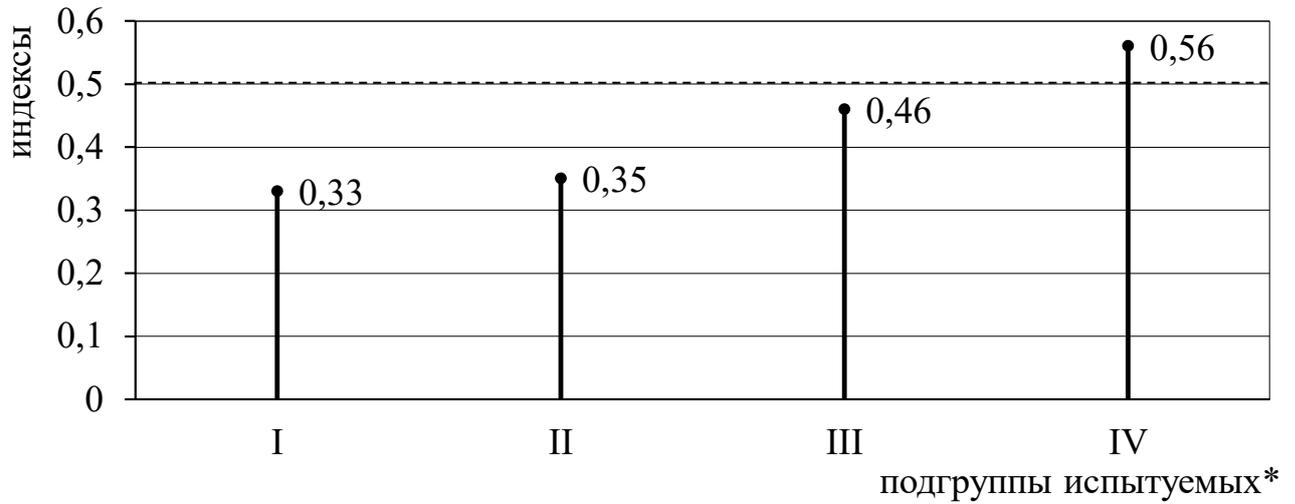
Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

**На рисунке обозначены следующие стратегии: РП – Разрешение проблем; ПСП – Поиск социальной поддержки; ИП – Избегание проблем.

Рисунок 5 – Удельные веса базисных копинг-стратегий в общей структуре копинг-поведения в четырех исследовательских материнских подгруппах

На основании данных, отражающих удельные веса базисных копинг-стратегий в структуре совладающего поведения матерей всех подгрупп, были определены индексы соотношения пассивных и активных копинг-стратегий (ИПА). Согласно рисунку 5, в подгруппе I наиболее выраженной является активная стратегия РП (43,50 % от общей структуры базисных стратегий копинг-поведения), а также значительно выражена (31,62 %) еще одна активная стратегия – ПСП. Наименьшая выраженность показателей копинг-стратегий отмечалась у пассивной стратегии

ИПА (24,88 %). В таком случае индекс соотношения пассивных и активных стратегий в подгруппе I, как наглядно проиллюстрировано на рисунке 6, составил значение 0,33.

Примечание: * На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей с низким уровнем психосоциального развития.

** Пассивные копинг-стратегии $< 0,5 \leq$ Активные копинг-стратегии

Рисунок 6 – Соотношение пассивных и активных копинг-стратегий** в четырех исследовательских материнских подгруппах

В подгруппе II, вычисленный подобным способом ИПА равен значению 0,35. Активность совладающего поведения в подгруппе матерей III ниже, чем в подгруппах I и II, однако формула стресс-совладающего поведения им присущего аналогична предыдущим: активное разрешение проблем (35,76 %), активный поиск социальной поддержки (33,48 %), пассивное избегание проблем (30,76 %). В данном эпизоде ИПА = 0,46. У матерей подгруппы IV зафиксирована еще более низкая активность копинг-поведения, что отражено в формуле характерного для них стресс-совладающего поведения: 35,40 % приходится на пассивную копинг-стратегию ИП; 33,16 % соответствует стратегии ПСП и лишь 31,45 % от числа всех стратегий занимает активное разрешение проблем (см. рис. 5, стр. 115). В соответствии с рисунком 6, ИПА в данной подгруппе испытуемых достигает значения 0,56. Сравнение полученных индексов соотношения пассивных и активных копинг-стратегий

по отдельным подгруппам испытуемых-матерей показало доминирование активных копинг-стратегий над пассивными у матерей подгрупп I, II и III, в то время как у матерей подгруппы IV выявлено обратное соотношение: пассивные копинг-стратегии доминируют над активными.

Зависимость выраженности показателей базисных копинг-стратегий от фактора «принадлежность испытуемых к той или иной подгруппе матерей» изучалась в ходе однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Сопоставлялись суммарные показатели по базисным стратегиям опросника «ИКС»: РП, ПСП, ИП в четырех анализируемых в данном исследовании материнских подгруппах (I, II, III, IV). В результате ANOVA были получены F-отношения, равные 40,60; 0,75; и 22,69, соответствующие вышеперечисленным стратегиям совладания (см. табл. 8).

Таблица 8 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в выделенных исследовательских материнских подгруппах

№	Копинг-стратегии	ANOVA			Крускала-Уоллиса ANOVA test		
		R ²	F _{набл.}	P - уровень	H	P - уровень	Попарные статистические сравнения (p<0.05)
1	РП***	0,32	40,60	0,00*	71,08	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV**
2	ПСП	0,01	0,75	0,52	2,01	0,57	-
3	ИП	0,21	22,69	0,00*	35,99	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV

Примечание: *p < 0,05.
 **В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей:
 I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.
 *** В таблице обозначены следующие стратегии: РП – Разрешение проблем; ПСП – Поиск социальной поддержки; ИП – Избегание проблем.

Табличное значение F-распределения Фишера для всех случаев при p = 0,05 соответствует 2,24 (F_{крит.}). Отсюда превышение F_{крит.} над F_{набл.} по стратегиям РП и ИП дает нам основание отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве средних и медиан в анализируемых подгруппах испытуемых и, соответственно, принять альтернативную гипотезу о том, что межгрупповая изменчивость выше внутригрупповой. Установлено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к

группе» на выраженность копинг-поведения: средние значения суммарных показателей и медиан базисных копинг-стратегий РП и ИП значимо различаются у матерей, отнесенных к разным подгруппам. Коэффициент детерминации ($R^2 = 0,32$, $R^2 = 0,21$) показывает умеренный вклад в общую дисперсию зависимой переменной (соответствующую 32 % и 21 % учтенной дисперсии), обусловленный влиянием фактора принадлежности к одной из четырех материнских подгрупп. Исключение составляет стратегия ПСП, по которой подтверждение получила нулевая гипотеза, что говорит о равенстве средних и медиан по копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» во всех подгруппах испытуемых (см. табл. 8, стр. 117).

В ходе дальнейшего исследования копинг-поведения матерей с помощью методики «КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера были идентифицированы три основных стиля совладания: проблемно-ориентированный (ПОК), эмоционально-ориентированный (ЭОК) и ориентированный на избегание (КОИ), а также два дополнительных субстиля: «Отвлечение» (СО) и «Социальное отвлечение» (ССО). Согласно таблице 9 (см. стр. 119), внутри показателей копинг-поведения по типу ПОК максимальное значение бальных и абсолютных показателей обнаружено у матерей подгрупп I ($62,28 \pm 6,01$ балла; $Me = 62,0$; $Abc = 72,31$) и II ($59,85 \pm 6,90$ балла; $Me = 60,0$; $Abc = 68,52$). Внутри данного стиля матери выбирают такие действия, как: «сосредотачиваюсь на проблеме и думаю, как ее можно решить»; «старюсь вникнуть в ситуацию, определяю курс действий и придерживаюсь его»; «делаю то, что считаю самым подходящим в данной ситуации». Расположение ПОК на первом месте в структуре копинг-поведения у матерей из этих подгрупп подтверждает его конструктивность для данного этапа онтогенеза материнства и соответствует эмпирическим нормам [132]. Минимальное значение бальных и абсолютных показателей ПОК принимает у матерей подгруппы IV, в то же время максимальное значение показателей копинг-поведения в этой исследуемой подгруппе получает эмоционально-ориентированный копинг ($51,75 \pm 7,87$ балла; $Me = 53,5$; $Abc = 55,86$). Тогда, как по этому же типу поведения, минимальное значение найдено у матерей подгруппы I, считающих, как и матери подгруппы II важным и необходимым сдер-

живать эмоции в процессе преодоления трудных ситуаций, возникающих при непосредственном взаимодействии и воспитании ребенка. Обнаруженные различия в использовании ПОК и ЭОК матерями разных подгрупп статистически значимы.

Таблица 9 – Общая характеристика основных стилей совладания в четырех исследовательских материнских подгруппах (методика «КПСС»)

№	Шкалы опросника (Стиль совладания)	Показатели ***	Подгруппы испытуемых-матерей**				Р – уровень значимости	
			I	II	III	IV	ANOVA	Крускала-Уоллиса ANOVA test
1	Проблемно ориентированный копинг (ПОК)	M±σ	62,28± 6,01	59,85± 6,90	55,49± 6,52	50,05± 7,25	0,00*	0,00*
		Me	62,0	60,0	56,0	50,5		
		Абс	72,31	68,52	61,70	53,21		
		%	52,18	47,01	40,46	35,78		
2	Эмоционально ориентированный копинг (ЭОК)	M±σ	37,04± 8,61	41,56± 8,45	49,41± 7,21	51,75± 7,87	0,00*	0,00*
		Me	38,0	41,0	52,0	53,5		
		Абс	32,88	39,94	52,20	55,86		
		%	22,86	26,74	34,18	37,68		
3	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	M±σ	38,88± 7,84	41,29± 8,43	41,39± 9,01	41,75± 9,35	0,59	0,55
		Me	38,0	42,5	42,0	40,0		
		Абс	35,75	39,52	39,67	40,24		
		%	24,96	26,24	25,36	26,54		
4	Субшкала «Отвлечение» (СО)	M±σ	13,80± 4,29	16,10± 4,93	17,59± 5,26	18,65± 5,72	0,00*	0,01*
		Me	13,0	16,0	17,0	18,0		
		Абс	18,13	25,32	29,98	33,28		
		%	21,07	28,68	36,31	41,82		
5	Субшкала «Социальное отвлечение» (ССО)	M±σ	16,84± 3,66	16,34± 3,80	15,08± 4,40	14,10± 4,22	0,02*	0,03*
		Me	17,0	16,0	16,0	13,5		
		Абс	59,20	56,72	50,41	45,50		
		%	78,93	71,32	63,69	58,18		

Примечание: *p < 0,05.

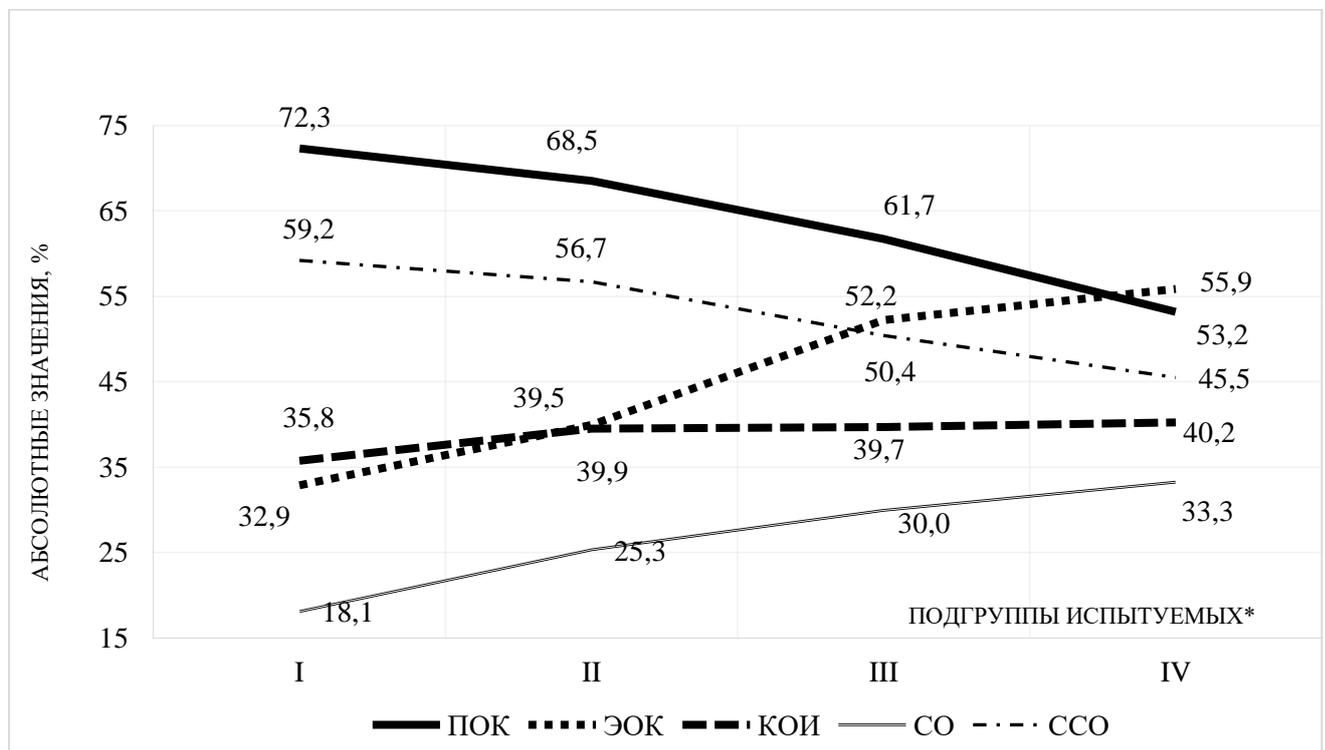
**В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей:

I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

***В таблице представлены средние баллы (M – среднее арифметическое) показателей копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по основным шкалам – 16 баллов, максимальная – 80 баллов; минимальная оценка по СО – 8 баллов, максимальная – 40 баллов; минимальная оценка по ССО – 5 баллов, максимальная – 25 баллов; среднее квадратичное отклонение (σ): M±σ; Me – медиана; Абс – абсолютное значение.

% – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре совладающего поведения.

Как наглядно проиллюстрировано на рисунке 7, максимальное значение копинга, ориентированного на избегание фиксируется у матерей подгруппы IV (41,75±9,35 балла; Me = 40,0; Абс = 40,24), а минимальные – у испытуемых из подгруппы I (38,88±7,84 балла; Me = 38,0; Абс = 35,75). Однако статистически значимые различия между отдельными подгруппами по использованию данного копинг-стиля не установлены. Очевидно, это обусловлено тем, что шкала КОИ включает в себя вопросы, относящиеся к субшкале СО, характеризующейся стремлением отвлечься от проблемы посредством покупки ненужных вещей, избыточного сна, переедания и др., и субшкале ССО, которая по своему смыслу является поиском социальной поддержки. На рисунке 7 можно наглядно увидеть, что использование этих субстилей матерями из разных подгрупп значительно отличается.

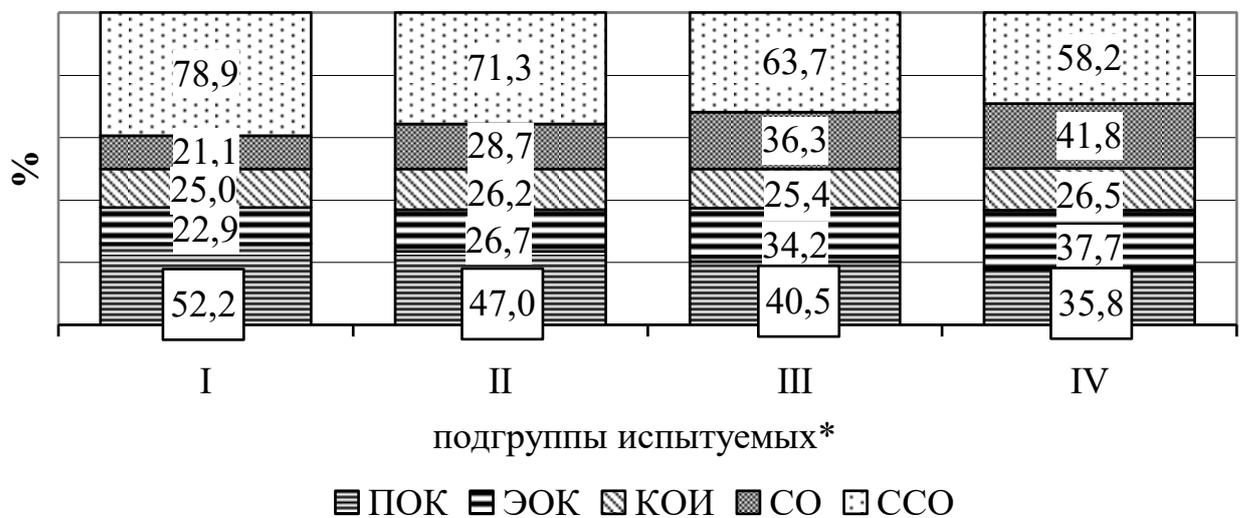

Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

**На рисунке обозначены копинг-стратегии: ПОК – Проблемно-ориентированный копинг; ЭОК – Эмоционально-ориентированный копинг; КОИ – Копинг, ориентированный на избегание; СО – Субшкала «Отвлечение»; ССО – Субшкала «Социальное отвлечение».

Рисунок 7 – Показатели выраженности основных стилей совладания в четырех исследовательских материнских подгруппах

Максимально выраженные показатели по субшкале «Отвлечение» выявлены у матерей подгруппы IV, а минимальные – у испытуемых из подгруппы I, эти различия статистически значимые (см. табл. 9, стр. 119 и табл. 10, стр. 122). По субшкале «Социальное отвлечение», предполагающей поиск и получение социальной поддержки, наблюдается обратное соотношение – у матерей из подгруппы I представленная стратегия наиболее задействована ($16,84 \pm 3,66$ балла; $Me = 17,0$; $Abc = 59,20$), а у матерей из подгруппы IV эта же стратегия менее предпочтительна ($14,10 \pm 4,22$ балла; $Me = 13,5$; $Abc = 45,50$). На рисунке 8 можно увидеть, что в таком же соотношении находятся и удельные веса обсуждаемых копинг-стратегий.

Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

**На рисунке обозначены копинг-стратегии: ПКО – Проблемно-ориентированный копинг; ЭОК – Эмоционально-ориентированный копинг; КОИ – Копинг, ориентированный на избегание; СО – Субшкала «Отвлечение»; ССО – Субшкала «Социальное отвлечение».

Рисунок 8 – Удельные веса копинг-стилей и субстилей в общей структуре совладающего поведения в четырех исследовательских материнских подгруппах

Таким образом, можно констатировать проявление большего социального интереса при совладании с повседневными трудностями у матерей, отнесенных к подгруппам I и II, по сравнению с матерями, вошедшими в подгруппы III и IV.

Зависимость выраженности показателей основных стилей совладания от фактора «принадлежность испытуемых к той или иной выделенной исследовательской материнской подгруппе» изучалась в ходе однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Сопоставлялись суммарные показатели по основным шкалам опросника во всех подгруппах испытуемых. В результате ANOVA были получены F-отношения, равные 18,16 и 23,20, соответствующие ПОК и ЭОК (см. табл. 10).

Таблица 10 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в выделенных исследовательских материнских подгруппах

№	Копинг-стратегии	ANOVA			Крускала-Уоллиса ANOVA test		
		R ²	F _{набл.}	P - уровень	H	P - уровень	Попарные статистические сравнения (p<0.05)
1	ПОК***	0,18	18,16	0,00*	40,76	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV**
2	ЭОК	0,21	23,20	0,00*	53,66	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
3	КОИ	0,01	0,64	0,59	2,09	0,55	-
4	СО	0,05	4,64	0,00*	11,55	0,01*	I-III, I-IV
5	ССО	0,04	3,20	0,02*	9,34	0,03*	-

Примечание: *p < 0,05.
 ** В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей:
 I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.
 *** В таблице обозначены копинг-стратегии: ПОК – Проблемно-ориентированный копинг; ЭОК – Эмоционально-ориентированный копинг; КОИ – Копинг, ориентированный на избегание; СО – Субшкала «Отвлечение»; ССО – Субшкала «Социальное отвлечение».

Табличное значение F-распределения Фишера для всех случаев при p=0,05 соответствует 2,24 (F_{крит.}). Отсюда превышение F_{крит.} над F_{набл.} по указанным стилям совладания дает нам основание отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве средних и медиан в четырех подгруппах испытуемых и, соответственно, принять альтернативную гипотезу о том, что межгрупповая изменчивость выше внутригрупповой. Выявлено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к группе» на выраженность копинг-поведения: средние значения суммарных показателей и медиан копинг-стилей ПОК и ЭОК значимо различаются в четырех подгруппах. Коэффициент детерминации R² = 0,18, R² = 0,21 показывает умеренный вклад в общую дисперсию зависимой переменной (соответствующую 18 % и 21 % учтенной дисперсии), обусловленный влиянием фактора принадлежности к одной из четырех

подгрупп испытуемых. Исключение составляет копинг, ориентированный на избегание (КОИ), по которому подтверждение получила нулевая гипотеза, что говорит о равенстве средних и медиан по стилю КОИ во всех подгруппах матерей. Наряду с этим, крайне важно, что по субшкалам (СО и ССО) шкалы КОИ установлено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к группе» на выраженность копинг-поведения: средние значения суммарных показателей и медиан субшкал СО и ССО значительно различаются у матерей, отнесенных к разным подгруппам. Это позволяет заключить, что матери подгрупп III и IV склонны к эмоциональному отреагированию, но при этом к субстилю «Социальное отвлечение» они обращаются меньше, выбирая субстиль «Отвлечение», носящий непродуктивный характер. Полученный результат согласуется с данными, обнаруженными Т. В. Гущиной при исследовании совладающего поведения девиантных матерей [43].

Вместе с тем, психодиагностическая методика «СПСС» С. Хобфолла позволила обнаружить, что у всех матерей, принявших участие в исследовании, наиболее предпочтительной общей стратегией преодоления является «Просоциальная», что позволяет подчеркнуть влияние социального окружения на копинг-поведение матери тоддлера. Тем не менее, как показано выше, при помощи методики «КПСС» зарегистрирована разная выраженность социального интереса у матерей из разных подгрупп, что находит свое подтверждение в их обращении к определенным частным моделям поведения. Так, у матерей подгрупп I и II лидирующее место в рейтинге предпочтения копинг-стратегий занимает стратегия «Вступление в социальный контакт» (ВСК) (соответственно $24,48 \pm 2,48$ балла; $Me = 24,0$; $Abc = 77,0$ и $22,55 \pm 3,99$; $Me = 23,0$; $Abc = 68,98$), которая по своему смысловому содержанию близка к проблемно-ориентированному копингу (см. табл. 11, стр. 124). Второе место в рейтинге предпочтения копинг-стратегий в этих подгруппах занимает «Поиск социальной поддержки» (СП). И, напротив, в подгруппах III и IV – стратегия ВСК (соответственно $20,82 \pm 3,87$ балла; $Me = 21,0$; $Abc = 61,73$ и $19,85 \pm 3,12$; $Me = 20,5$; $Abc = 57,71$) уступает СП ($22,51 \pm 5,16$ балла; $Me = 24,0$ и $21,91 \pm 5,32$; $Me = 23,5$).

Таблица 11 – Характеристика общих стратегий и частных моделей преодоления в четырех исследовательских материнских подгруппах (методика «СПСС»)

№	Общие стратегии-преодоления	Частные модели преодоления	Показатели***	Подгруппы испытуемых-матерей**				Р – уровень значимости	
				I	II	III	IV	ANOVA	Крускал Уоллиса ANOVA
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Активная	Ассертивные действия (Ас)	М± σ	20,88± 2,83	19,37± 2,91	17,86± 3,28	16,80± 2,91	0,00*	0,00*
			Ме	21,0	19,0	18,0	16,5		
			Абс	62,00	55,70	49,40	45,00		
			%	12,63	11,84	10,19	9,69		
			Ранг	3	3	8	9		
2	Просоциальная	Вступление в соц. контакт (ВСК)	М± σ	24,48± 2,48	22,55± 3,99	20,82± 3,87	19,85± 3,12	0,00*	0,00*
			Ме	24,0	23,0	21,0	20,5		
			Абс	77,00	68,98	61,73	57,71		
			%	14,80	13,71	11,85	11,4		
			Ранг	1	1	3	5		
3	Просоциальная	Поиск соц. поддержки (СП)	М± σ	23,44± 2,82	22,30± 4,34	22,51± 5,16	21,95± 5,32	0,65	0,67
			Ме	24,0	22,5	24,0	23,5		
			Абс	72,67	67,90	68,79	66,46		
			%	14,17	13,52	12,80	12,59		
			Ранг	2	2	1	1		
4	Пассивная	Осторожные действия (ОД)	М± σ	22,20± 2,80	19,04± 3,09	20,37± 3,27	19,75± 3,60	0,04*	0,03*
			Ме	20,0	19,0	21,0	19,5		
			Абс	59,17	54,32	59,86	57,29		
			%	12,23	11,61	11,66	11,48		
			Ранг	4	4	4	4		
5	Прямая	Импульсивные действия (ИД)	М± σ	16,64± 2,67	16,75± 3,50	18,27± 2,56	18,10± 3,45	0,02*	0,01*
			Ме	17,0	17,0	18,0	18,0		
			Абс	44,33	44,80	51,11	50,42		
			%	10,07	10,18	10,49	10,41		
			Ранг	6	7	7	7		
6	Пассивная	Избегание (И)	М± σ	14,64± 3,07	15,32± 3,81	19,35± 5,36	20,15± 5,21	0,00*	0,00*
			Ме	15,0	15,0	20,0	18,0		
			Абс	36,00	38,83	55,61	58,96		
			%	8,84	9,29	11,05	11,68		
			Ранг	8	8	5	3		
7	Непрямая	Манипулятивные действия (МД)	М± σ	17,6±2	17,9±3	18,6±3	18,5±2	0,50	0,46
			Ме	18,0	18,0	19,0	19,0		
			Абс	48,33	49,97	52,47	52,29		
			%	10,16	10,92	10,64	10,71		
			Ранг	5	5	6	6		

Продолжение таблицы 11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8	Асоциальная	Асоциальные действия (АСД)	M±σ	12,36± 3,20	13,88± 4,01	16,39± 4,15	17,30± 4,55	0,00*	0,00*
			Me	12,0	14,0	17,0	17,0		
			Абс	26,50	32,83	43,28	47,08		
			%	7,43	8,38	9,39	9,95		
			Ранг	9	9	9	8		
9	Асоциальная	Агрессивные действия (Аг)	M±σ	15,36± 3,77	17,37± 3,95	20,92± 4,10	21,10± 4,26	0,00*	0,00*
			Me	16,0	17,0	21,0	22,0		
			Абс	39,00	47,39	62,16	62,92		
			%	9,22	10,55	11,93	12,09		
			Ранг	7	6	2	2		
Индекс конструктивности				1,65	1,42	1,10	1,01	-	

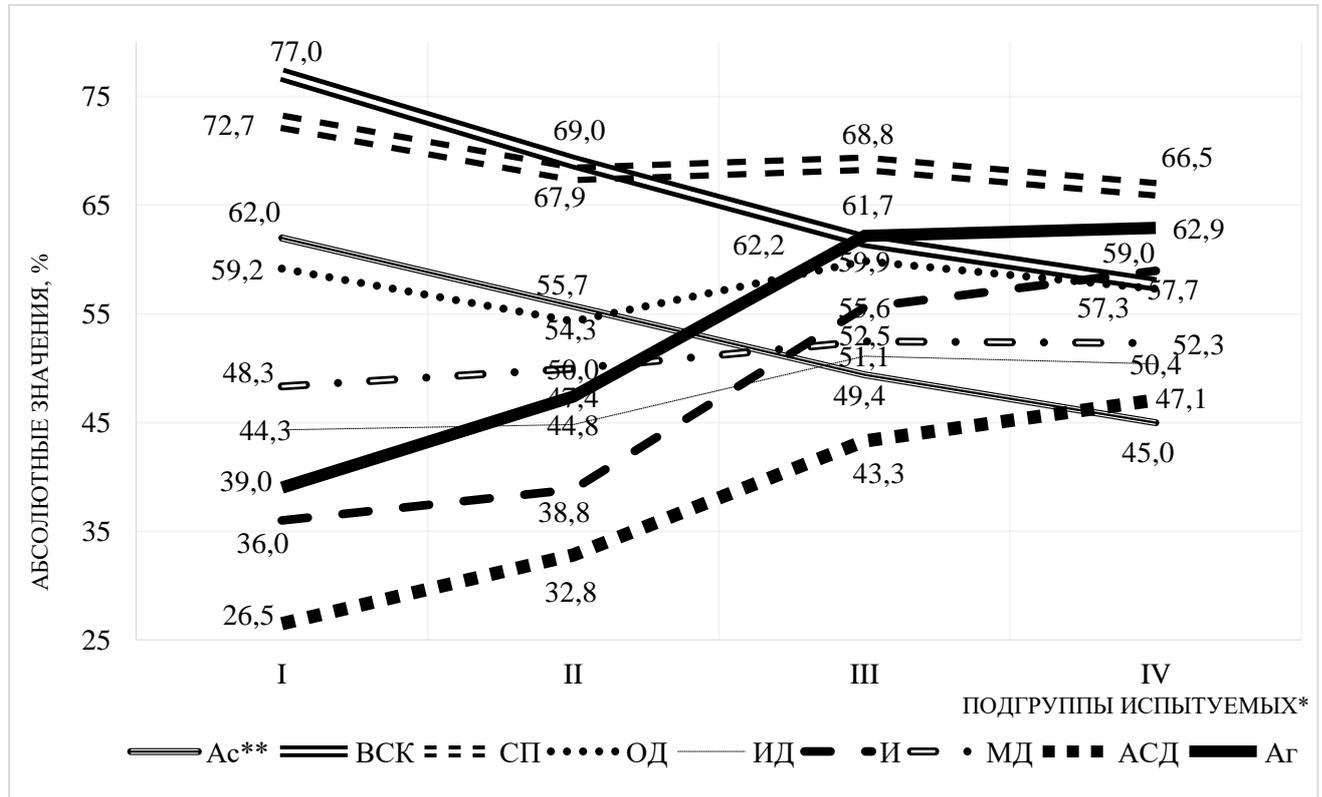
Примечание: * $p < 0,05$.

** Обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем развития.
*** Представлены средние баллы (M – среднее арифметическое) показателей копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 6 баллов, максимальная – 30 баллов и среднее квадратичное отклонение: M±σ; Me – медиана; Абс – абсолютное значение; % – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре совладающего поведения. Представлен итоговый ранг характеристики, который определяется процедурой ранжирования, где 1 присваивается самой выраженной стратегии в ответах матерей, а 9 – наименее выраженной.

Обнаруженный результат может свидетельствовать о том, что социальное общение у матерей последних подгрупп носит непродуктивный характер и используется прежде всего для экспрессивного выражения эмоций. Далее рейтинг стратегий преодоления у матерей из разных подгрупп имеет свою специфику. Так, согласно таблице 11, в подгруппах I и II наиболее часто высокой степени выраженности достигают «Просоциальные» и «Активные» стратегии совладания, в то время как в подгруппах III и IV, напротив, высокая степень выраженности копинг-поведения отмечена по «Асоциальной» и «Пассивной» копинг-стратегиям.

Согласно рисунку 9 (см. стр. 126), второе место в рейтинге моделей поведения в подгруппах III и IV занимает копинг-поведение по типу «Агрессивные действия». Эти результаты согласуются с данными, полученными Е. В. Куфтык (2011) и М. В. Сапоровской (2014), которые показали, что предпочтение матерями ЭОК, как в настоящем исследовании в подгруппах III и IV (по результатам диагностики с помощью методики «КПСС»), закономерно приводит к применению агрессивных

копинг-стратегий [92, 143]. И лишь частично соответствуют результатам исследования А. Ю. Маленовой (2008), обнаружившей, что у женщин-матерей диагностируется высокая степень агрессии на ранних этапах материнства [103].

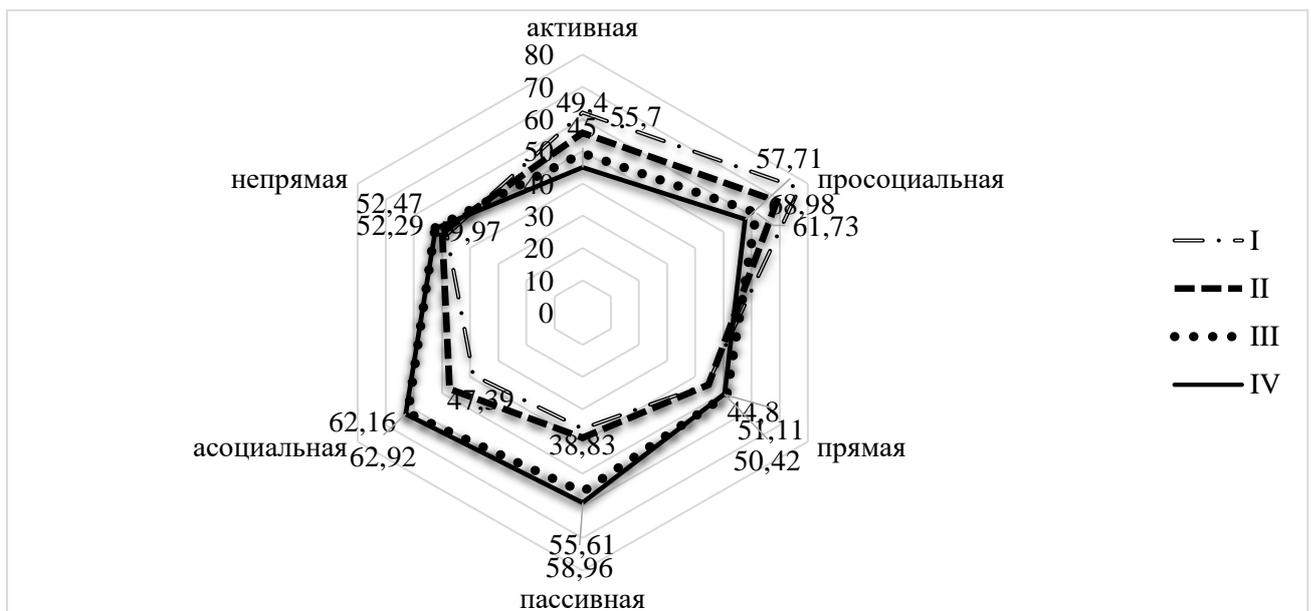
Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

**На рисунке обозначены копинг-стратегии: Ac – Ассертивные действия; BCK – Вступление в социальный контакт; СП – Поиск социальной поддержки; ОД – Осторожные действия; ИД – Импульсивные действия; И – Избегание; МД – Манипулятивные действия; АСД – Асоциальные действия; Аг – Агрессивные действия.

Рисунок 9 – Показатели выраженности моделей преодоления в четырех исследовательских материнских подгруппах

Установлено также, что в рейтинге подгруппы IV на одном из лидирующих мест (третьем) располагается модель поведения «Избегание» ($20,15 \pm 5,21$ балла; $Me = 18,0$; $Abc = 58,96$). В то время как такое же местоположение в подгруппах I и II занимает активная стратегия «Ассертивные действия» (см. рис. 9). В противоположность этому в подгруппах III и IV стратегия «Ассертивные действия» занимает

соответственно предпоследнее восьмое и последнее девятое место в рейтинге предпочтения стратегий. Тогда как аналогичное местоположение (предпоследнее) в подгруппах I и II занимает пассивная стратегия «Избегание» (см. табл. 11, стр. 124). В подтверждение данным в отношении активности материнского копинга, полученным с помощью методики «ИКС», выявлено, как наглядно проиллюстрировано на рисунке 10, что «Активная» стратегия совладания достигает самых высоких показателей у матерей из подгруппы I ($Aбс = 62,00$), а самые низкие показатели совладающей активности выявлены у матерей из подгруппы IV ($Aбс = 45,00$).

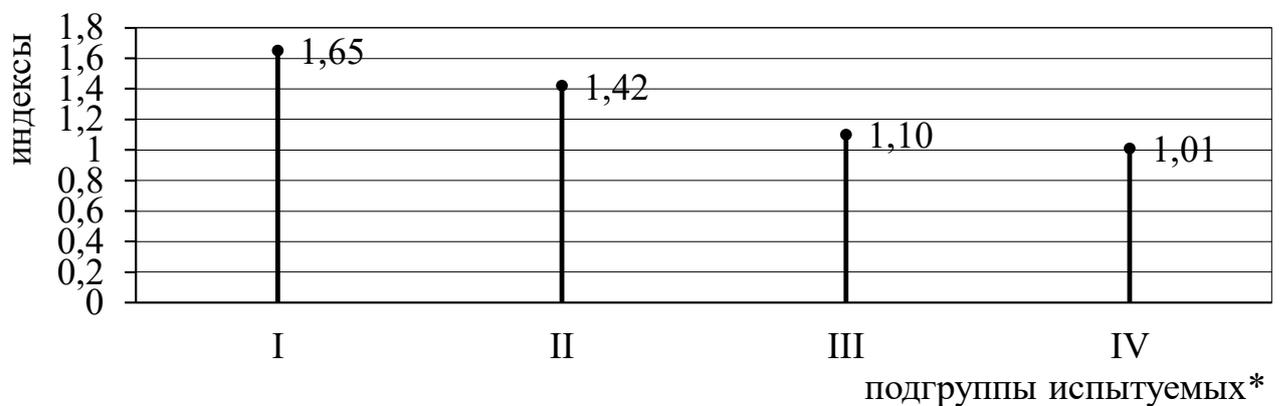

*Примечание: На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

Рисунок 10 – Показатели выраженности общих поведенческих стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

Реципрокная «Активной», «Пассивная» копинг-стратегия максимально выражена у матерей подгруппы IV ($Aбс = 58,96$), а минимально – у матерей подгруппы I ($Aбс = 36,0$). Составляющая другой диады комплементарных стратегий – «Просоциальная» – имеет самые высокие показатели у матерей подгруппы I ($Aбс = 77,0$), в то время как «Асоциальная» копинг-стратегия наиболее выражена у матерей подгрупп IV ($Aбс = 62,92$) и III ($Aбс = 62,16$). Еще одна пара стратегий –

«Прямая» и «Непрямая» – характеризуется максимальными абсолютными показателями у матерей подгрупп III и IV – по «Прямой» стратегии, отражающей «Импульсивные действия» (соответственно Абс = 51,11 и 50,42), и по «Непрямой» – «Манипулятивные действия» (соответственно Абс = 52,47 и 52,29). Матери подгрупп I и II считают важным и необходимым в трудных ситуациях сдерживать импульсивные реакции (соответственно Абс = 44,33 и 44,80), предпочитая импульсивности рефлексивность, которая выражается в том, что они делают паузу, чтобы сориентироваться в ситуации, и только после этого начать что-то делать. На основании данных, отражающих удельные веса частных моделей копинг-поведения матерей (см. табл. 11, стр. 124), была определена степень конструктивности моделей поведения по отдельным исследовательским материнским подгруппам (см. рис. 11)

Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

**Средняя степень конструктивности < 1,1 < Высокая степень конструктивности.

Рисунок 11 – Индекс конструктивности** в четырех подгруппах испытуемых

Как наглядно можно увидеть на рисунке 11, наиболее высокий индекс конструктивности (ИК) установлен у матерей, отнесенных к подгруппе I (1,65), самый низкий ИК найден у матерей, вошедших в подгруппу IV (1,01). Таким образом, «активное» и «просоциальное» совладание обнаружено в подгруппах I и II. Такое поведение, в стандартной интерпретации автора и разработчика психодиагностической методики, оценивается как здоровое и успешное [220].

Копинг-поведение матерей, отнесенных к подгруппе III – «активное» и «асоциальное» является частично успешным. Копинг-поведение матерей подгруппы IV («пассивное» и «асоциальное») характеризуется доминированием стратегии, соответствующей неуспешному совладанию с проблемными ситуациями.

Зависимость выраженности показателей моделей поведения от фактора «принадлежность испытуемых к той или иной подгруппе матерей» изучалась в ходе однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Сопоставлялись суммарные показатели по частным моделям преодоления опросника в четырех подгруппах. В результате ANOVA были получены F-отношения, равные 10,11; 8,16; 2,85; 3,44; 18,16; 10,43; 17,52 соответствующие Ас, ВСК, ОД, ИД, И; АСД, Аг (см. табл. 12).

Таблица 12 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в выделенных исследовательских материнских подгруппах

№	Копинг-стратегии	ANOVA			Крускала-Уоллиса ANOVA test		
		R ²	F _{набл.}	P - уровень	H	P - уровень	Попарные статистические сравнения (p<0.05)
1	Ас	0,11	10,11	0,00*	26,79	0,00*	I-III, I-IV, II-IV**
2	ВСК	0,09	8,16	0,00*	25,06	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
3	СП	0,01	0,55	0,65	1,55	0,67	-
4	ОД	0,03	2,85	0,04*	9,39	0,02*	II-III
5	ИД	0,04	3,44	0,02*	10,69	0,01*	II-III
6	И	0,18	18,16	0,00*	34,12	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
7	МД	0,01	0,79	0,50	2,60	0,46	-
8	АСД	0,11	10,43	0,00*	27,39	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
9	Аг	0,17	17,52	0,00*	46,32	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV

Примечание: *p < 0,05.
 **В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей:
 I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.
 *** В таблице обозначены копинг-стратегии: Ас – Ассертивные действия; ВСК – Вступление в социальный контакт; СП – Поиск социальной поддержки; ОД – Осторожные действия; ИД – Импульсивные действия; И – Избегание; МД – Манипулятивные действия; АСД – Асоциальные действия; Аг – Агрессивные действия.

Табличное значение F-распределения Фишера для всех случаев при p=0,05 соответствует 2,24 (F_{крит.}). Отсюда превышение F_{крит.} над F_{набл.} по всем моделям копинг-поведения дает нам основание отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве сред-

них и медиан в анализируемых подгруппах испытуемых и принять противоположную гипотезу о том, что межгрупповая изменчивость выше внутригрупповой. Установлено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к группе» на выраженность копинг-поведения: средние значения суммарных показателей и медиан моделей поведения Ас, ВСК, ОД, ИД, И, АСД, Аг значительно различаются в четырех подгруппах. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,11$, $R^2 = 0,09$, $R^2 = 0,03$, $R^2 = 0,04$, $R^2 = 0,18$, $R^2 = 0,11$, $R^2 = 0,17$ показывает умеренный вклад в общую дисперсию зависимой переменной, обусловленный влиянием фактора принадлежности к одной из подгрупп. Исключение составили модели поведения СП и МД, по которым подтверждение получила нулевая гипотеза, что говорит о равенстве средних и медиан этих стратегий во всех подгруппах матерей (см. табл. 12).

Анализ психодиагностических данных по материнским копинг-стратегиям, полученным с помощью методики «ОСС» Р. Лазаруса, показал, что у матерей, отнесенных к подгруппе I наиболее высокую усредненную оценку в баллах ($12,76 \pm 2,76$ балла) и максимальный удельный вес (16,71 %) имеет активная стратегия «Планирование решения проблемы». Согласно таблице 13, матери, вошедшие в подгруппу II, также при совладании с проблемной ситуацией задействуют прежде всего копинг-стратегию ПРП.

Таблица 13 – Общая характеристика копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах (методика «ОСС»)

№	Копинг-стратегии	Показатели ***	Подгруппы испытуемых-матерей**				Р – уровень значимости	
			I	II	III	IV	ANOVA	Крускала Уоллиса ANOVA
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Конфронтация (К)	М±σ	7,12±2,39	8,48±2,40	8,53±3,05	9,45±3,53	0,03	0,04*
		Ме	7,0	8,0	8,0	9,5		
		Абс	39,55	47,12	47,39	52,50		
		%	9,14	10,59	10,68	11,77		
		Ранг	8	7	8	7		
2	Дистанцирование (Д)	М±σ	8,40±2,08	8,95±2,83	9,39±2,68	9,85±3,53	0,28	0,38
		Ме	9,0	9,0	10,0	10,0		
		Абс	46,67	49,73	52,15	54,72		
		%	10,95	11,32	11,78	12,03		
		Ранг	6	6	6	4		

Продолжение таблицы 13

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Самоконтроль (С)	М±σ	11,28±2,9	12,17±3,1	12,12±2,8	11,35±2,8	0,39	0,45
		Ме	12,0	12,0	12,0	12,0		
		Абс	53,71	57,97	57,72	54,05		
		%	12,52	13,10	13,12	11,90		
		Ранг	4	3	3	6		
4	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	М±σ	11,12±3,4	11,39±3,5	10,92±3,2	11,85±2,9	0,73	0,68
		Ме	11,0	12,0	11,0	11,5		
		Абс	61,78	63,29	60,66	65,83		
		%	14,54	14,25	13,58	14,90		
		Ранг	2	2	2	1		
5	Принятие ответственности (ПО)	М±σ	6,40±2,06	6,84±2,13	7,33±1,90	7,65±2,43	0,12	0,08
		Ме	6,0	6,0	7,0	8,0		
		Абс	53,33	57,03	61,05	63,75		
		%	12,49	12,91	13,89	13,91		
		Ранг	5	4	1	2		
6	Бегство-Избегание (Б)	М±σ	10,04±3,5	11,16±3,2	13,88±3,4	13,25±2,9	0,00*	0,00*
		Ме	10,0	11,0	14,0	13,0		
		Абс	41,83	46,49	57,82	55,21		
		%	9,67	10,46	13,02	12,35		
		Ранг	7	8	4	3		
7	Планирование решения проблемы (ПРП)	М±σ	12,76±2,8	11,51±2,9	9,86±2,42	9,75±2,32	0,00*	0,00*
		Ме	13,0	11,0	10,0	10,0		
		Абс	70,89	63,96	54,76	54,17		
		%	16,71	14,48	12,35	11,92		
		Ранг	1	1	5	5		
8	Положительная переоценка (ПП)	М±σ	12,56±3,2	12,05±3,4	10,80±2,9	10,80±4,0	0,04*	0,03*
		Ме	12,0	12,0	11,0	10,0		
		Абс	59,81	57,40	51,41	51,43		
		%	13,98	12,90	11,57	11,22		
		Ранг	3	5	7	8		

Примечание: * $p < 0,05$.

**В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых-матерей:

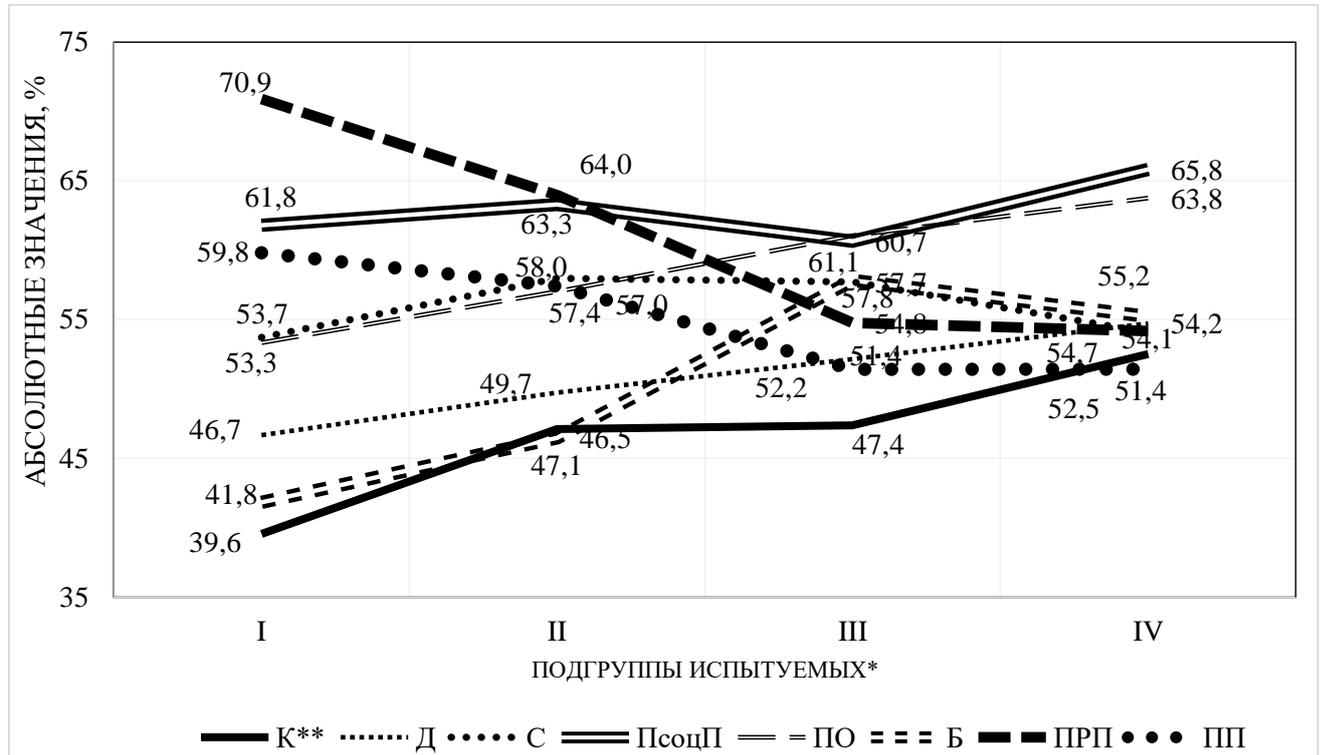
I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

***В таблице представлены средние баллы (М – среднее арифметическое) показателей копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 0 баллов; максимальная оценка по шкалам: «К», «Д», «ПсоцП», «ПРП» – 18 баллов; по шкалам: «С», «ПП» – 21 балл; по шкале – «ПО» – 12 баллов; максимальная оценка по шкале «Б» – 24 балла и представлено среднее квадратичное отклонение: М±σ; Ме – медиана; Абс – абсолютное значение; % – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре совладающего поведения. Представлен итоговый ранг характеристики, который определяется процедурой ранжирования, где 1 присваивается самой выраженной стратегии в ответах матерей, а 8 – наименее выраженной.

Стратегия «Поиск социальной поддержки» у матерей подгрупп I и II в рейтинге копинг-стратегий размещается на второй позиции (соответственно $11,12 \pm 3,37$ балла; $M_e = 11,0$; $Aбс = 61,78$; $14,54 \%$ и $11,39 \pm 3,50$ балла; $M_e = 12,0$; $Aбс = 63,29$; $14,25 \%$), при этом уровень напряжения обсуждаемой стратегии несколько выше у матерей подгруппы II. На третьем месте у испытуемых подгруппы I, согласно таблице 13 (см. стр. 130), располагается стратегия «Положительная переоценка», на четвертом и пятом соответственно – «Самоконтроль» и «Принятие ответственности». Одновременно у матерей подгруппы II третье, четвертое и пятое место занимают также выше названные стратегии, однако несколько в другом порядке, а именно: «Самоконтроль», «Принятие ответственности», «Положительная переоценка». Такое сочетание копинг-стратегий, по мнению Е. Р. Исаевой (2009), представляет активное проблемно-ориентированное копинг-поведение, направленное на поиск информации и помощи социального окружения, на сохранение контроля над чувствами и действиями, на когнитивную переработку ситуации. Подобное поведение является достаточно гибким и ориентированным на проблемную ситуацию с широким спектром как поведенческих, так и когнитивных и эмоциональных копинг-стратегий [65].

Наряду с этим, у матерей подгрупп III и IV на лидирующих позициях в рейтинге предпочтения копинг-стратегий неожиданно обнаружена стратегия «Принятие ответственности» (ПО). Полученный результат достаточно труден для однозначной интерпретации. Так как, с одной стороны, существуют зарубежные данные, согласно которым анализируемая копинг-стратегия носит неконструктивный и неэффективный характер и выражается в самообвинениях и угрызениях совести [223]. С этой точки зрения, установленный факт вполне оправдан. Однако, согласно отечественным эмпирическим нормам, расположение стратегии «Принятие ответственности» в рейтинге предпочтений на четвертом-пятом месте характерно для здоровых совладающих российских граждан, а поскольку в зарубежных источниках стратегия ПО не относится к адаптивным, то в этом усматривается культурный аспект выявленных различий (национальные особенности разрешения трудно-

стей) [65]. Как наглядно представлено на рисунке 12, у матерей, отнесенных к подгруппам II и I обсуждаемая копинг-стратегия расположена в рейтинге предпочтения стратегий, именно на четвертой и пятой позиции, соответственно.

Примечание: *На рисунке обозначены подгруппы испытуемых: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем развития.

**На рисунке обозначены копинг-стратегии: К – Конфронтация; Д – Дистанцирование; С – Самоконтроль; ПсоцП – Поиск социальной поддержки; ПО – Принятие ответственности; Б – Бегство-Избегание; ПРП – Планирование решения проблемы; ПП – Положительная переоценка.

Рисунок 12 – Показатели выраженности копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

Отечественными учеными Т. Л. Крюковой, Р. В. Овчаровой, О. Б. Подобиной понятие «Ответственность» определяется, как склонность личности придерживаться в поведении общепринятых в данной обстановке социальных норм, исполнять ролевые обязанности и готовность дать отчет за свои действия [88, 125, 131]. С этой позиции, принятие ответственности в ситуации материнства является абсолютно адекватным копингом, необходимым для выполнения материнских функций. Поскольку материнская ответственность связана с определенной тревогой,

беспокойством за здоровье и благополучие ребенка, определяет направленность поведения матери, то вероятно, у матерей, отнесенных к разным исследовательским подгруппам может различаться поведение по данному типу совладания. Такое положение актуализирует необходимость в уточнении в ходе дальнейшего исследования этих различий. В соответствии с рисунком 12 (см. стр. 133), достаточно ожидаемо у матерей подгрупп III и IV присутствие на втором и первом месте соответственно в рейтинге копинг-стратегий стратегии «Поиск социальной поддержки». У матерей подгруппы III уже на четвертой позиции в рейтинге стратегий располагается копинг-стратегия «Бегство-Избегание», бальные и весовые показатели ($13,88 \pm 3,41$ балла; $M_e = 14,0$; $A_{bc} = 57,82$; $13,02\%$) которой являются самыми высокими по обсуждаемому типу поведения среди матерей из всех четырех подгрупп. Далее пятое место занимает «Планирование решения проблемы» ($A_{bc} = 54,76$), на шестом месте располагается «Дистанцирование» ($A_{bc} = 52,15$), последние места занимают стратегии «Положительная переоценка» ($A_{bc} = 51,41$) и «Конфронтация» ($A_{bc} = 47,39$) (см. табл. 13, стр. 130).

У матерей подгруппы IV стратегия «Бегство-Избегание» ($13,25 \pm 2,95$ балла; $M_e = 13,0$; $A_{bc} = 55,21$; $12,35\%$) в отличие от испытуемых других подгрупп, занимает одно из первых мест (третье), далее находим «Дистанцирование» (Д), при этом абсолютные и весовые показатели Д ($9,85 \pm 3,53$ балла; $M_e = 10,0$; $A_{bc} = 54,72$; $12,03\%$) самые высокие именно в этой подгруппе. Вслед за тем одну позицию в рейтинге делят между собой стратегии «Планирование решения проблемы» ($9,75 \pm 2,32$ балла; $M_e = 10,0$; $A_{bc} = 54,17$; $11,92\%$), и «Самоконтроль» ($11,35 \pm 2,76$ балла; $M_e = 12,0$; $A_{bc} = 54,05$; $11,90\%$), «соседствующие» со стратегией «Конфронтация», бальные и весовые показатели которой наиболее высокие по данной шкале среди испытуемых всех подгрупп – $9,45 \pm 3,53$ балла; $M_e = 9,5$; $A_{bc} = 52,50$ и $11,77\%$. Последнее место и минимальная выраженность показателей шкалы среди матерей всех подгрупп занимает «Положительная переоценка» – $10,80 \pm 4,02$ балла; $M_e = 10,0$; $A_{bc} = 51,43$ и $11,22\%$. Стоит сказать, что внутри показателей совладающего поведения по типу «Планирование разрешения проблемы» его бальные и весовые показатели самые низкие у матерей подгруппы IV. Подобное сочетание

копинг-стратегий рассматривается в современной психологии как избегающий стиль поведения, то есть осознанное стремление к уклонению от решения проблем (в данном исследовании – проблем, связанных с ребенком) [65].

При изучении зависимости выраженности показателей поведенческих стратегий от фактора «принадлежность испытуемых к той или иной подгруппе матерей» в результате ANOVA были получены F-отношения, равные 3,07; 12,47; 9,10; 2,79, соответствующие К, Б, ПРП, ПП (см. табл. 14).

Таблица 14 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в выделенных исследовательских материнских подгруппах

№	Копинг-стратегии ***	ANOVA			Крускала-Уоллиса ANOVA test		
		R ²	F _{набл.}	P - уровень	H	P - уровень	Попарные статистические сравнения (p<0.05)*
1	К	0,03	3,07	0,03*	8,17	0,04*	-
2	Д	0,01	1,28	0,28	3,06	0,38	-
3	С	0,01	1,02	0,39	2,66	0,45	-
4	ПсоцП	0,01	0,44	0,73	1,51	0,68	-
5	ПО	0,02	1,94	0,12	6,69	0,08	-
6	Б	0,13	12,47	0,00*	34,58	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV**
7	ПРП	0,10	9,10	0,00*	26,82	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
8	ПП	0,03	2,79	0,04*	8,94	0,030*	-

Примечание: *p < 0,05.

**В таблице обозначены подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем развития.

*** В таблице обозначены стратегии: К – Конфронтация; Д – Дистанцирование; С – Самоконтроль; ПсоцП – Поиск социальной поддержки; ПО – Принятие ответственности; Б – Бегство-Избегание; ПРП – Планирование решения проблемы; ПП – Положительная переоценка.

Табличное значение F-распределения Фишера для всех случаев при $p = 0,05$ соответствует 2,24 ($F_{крит.}$). Отсюда превышение $F_{крит.}$ над $F_{набл.}$ по стратегиям К, Б, ПРП, ПП дает нам основание отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве средних и медиан в исследуемых подгруппах испытуемых и принять альтернативную гипотезу о том, что межгрупповая изменчивость выше внутригрупповой, иначе сказать, обнаружено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к группе» на выраженность копинг-поведения: средние значения суммарных показателей и медиан копинг-стратегий К, Б, ПРП, ПП значимо различаются у матерей во

всех четырех подгруппах. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,03$, $R^2 = 0,13$, $R^2 = 0,10$, $R^2 = 0,03$ показывает умеренный вклад в общую дисперсию зависимой переменной, обусловленный влиянием фактора принадлежности к одной из подгрупп испытуемых. Исключение составляют стратегии Д, С, ПсоцП, ПО, по которым подтверждение получила нулевая гипотеза, что говорит о равенстве средних и медиан по этим стратегиям во всех подгруппах матерей (см. табл. 14, стр. 135).

Для взаимопроверки и взаимодополнения полученных результатов, с помощью методики «ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна, идентифицировано двадцать копинг-стратегий. Феноменологический анализ встречаемости копинг-стратегий в материнских подгруппах показал, что «Контроль над ситуацией» в наибольшей степени предъявляется матерями подгрупп I и II, у которых также одной из самых значимых стратегий является «Позитивная самомотивация». Установлено, что для матерей подгрупп I, II, III важным при решении проблемных ситуаций представляется «Самоконтроль» (соответственно $20,64 \pm 3,69$, $Me = 20,0$; Абс = 61,00; и 6,72 %; $18,70 \pm 3,37$; $Me = 18,0$; Абс = 52,91; 5,98 % и $17,76 \pm 2,77$ балла; $Me = 17,0$; Абс = 48,98; 5,62 %), тогда как у матерей подгруппы IV эта стратегия занимает промежуточное положение в рейтинге копинг-стратегий и располагается на девятой позиции ($16,50 \pm 4,35$ балла; $Me = 16,0$; Абс = 43,75; 5,13 %) (см. табл. 15).

Таблица 15 – Общая характеристика копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах (методика «ПТСЖ»)

№	Копинг-стратегии	Показатели***	Подгруппы испытуемых-матерей**				Р – уровень значимости	
			I	II	III	IV	ANOVA	Крускала Уоллиса ANOVA
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Снижение значения стрессовой ситуации (SVF-1)	$M \pm \sigma$	$17,20 \pm 4,3$	$16,14 \pm 3,5$	$15,47 \pm 3,4$	$15,95 \pm 4,1$	0,28	0,46
		Me	18,0	16,0	16,0	15,0		
		Абс	46,67	42,27	39,46	41,46		
		%	5,56	5,15	4,90	5,00		
		Ранг	8	8	12	10		
2	Самоодобрение (SVF-2)	$M \pm \sigma$	$16,68 \pm 4,2$	$14,99 \pm 3,2$	$14,22 \pm 3,1$	$12,65 \pm 3,1$	0,00*	0,00*
		Me	15,0	15,0	14,0	12,0		
		Абс	44,50	37,45	34,27	27,71		
		%	5,45	4,81	4,51	4,00		
		Ранг	9	14	18	19		

Продолжение таблицы 15

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Самооправдание (SVF-3)	M±σ	15,04±2,3	15,11±2,9	14,78±2,8	14,00±2,4	0,41	0,28
		Me	15,0	15,0	15,0	13,5		
		Абс	37,67	37,95	36,56	33,33		
		%	4,90	4,83	4,69	4,42		
		Ранг	10	13	14	18		
4	Отвлечение (SVF-4)	M±σ	14,44±3,3	15,93±4,0	15,76±3,6	15,75±3,9	0,36	0,37
		Me	14,0	16,0	16,0	16,0		
		Абс	35,17	41,39	40,65	40,63		
		%	4,66	5,09	4,99	4,92		
		Ранг	12	9	10	12		
5	Замещение (SVF-5)	M±σ	14,00±3,9	15,31±3,8	15,59±4,0	15,75±4,5	0,35	0,51
		Me	14,0	15,0	16,0	15,0		
		Абс	33,33	38,81	39,97	40,63		
		%	4,53	4,89	4,92	4,88		
		Ранг	14	11	11	13		
6	Самоутверждение (SVF-6)	M±σ	18,96±2,4	17,95±3,4	16,43±2,8	15,15±3,5	0,00*	0,00*
		Me	19,0	17,0	16,0	15,5		
		Абс	54,00	49,77	43,45	38,13		
		%	6,18	5,74	5,19	4,72		
		Ранг	5	6	8	16		
7	Психомышечная релаксация (SVF-7)	M±σ	15,00±3,5	15,24±3,6	14,73±3,4	15,00±4,3	0,86	0,88
		Me	15,0	15,0	15,0	14,0		
		Абс	37,50	38,50	36,39	37,50		
		%	4,85	4,87	4,65	4,65		
		Ранг	11	12	15	17		
8	Контроль над ситуацией (SVF-8)	M±σ	21,68±4,2	20,61±3,9	19,00±3,7	17,35±4,1	0,00*	0,00*
		Me	22,0	20,0	18,0	17,0		
		Абс	65,33	60,89	54,17	47,29		
		%	7,03	6,62	6,01	5,39		
		Ранг	2	1	2	5		
9	Самоконтроль /самообладание (SVF-9)	M±σ	20,64±3,7	18,70±3,4	17,76±2,8	16,50±4,4	0,00*	0,00*
		Me	20,0	18,0	17,0	16,0		
		Абс	61,00	52,91	48,98	43,75		
		%	6,72	5,98	5,62	5,13		
		Ранг	3	5	4	9		
10	Позитивная самомотивация (SVF-10)	M±σ	22,12±3,4	19,19±4,7	16,98±3,9	16,65±3,9	0,00*	0,00*
		Me	22,0	19,0	17,0	16,0		
		Абс	67,17	54,94	45,75	44,38		
		%	7,23	6,11	5,36	5,22		
		Ранг	1	3	6	7		
11	Поиск социальной поддержки (SVF-11)	M±σ	17,64±3,1	17,37±4,5	16,55±4,5	17,50±6,0	0,67	0,57
		Me	18,0	17,0	16,0	16,0		
		Абс	48,50	47,39	43,96	47,92		
		%	5,76	5,54	5,23	5,55		
		Ранг	6	7	7	3		
12	Антиципирующее избегание (SVF-12)	M±σ	19,24±3,0	19,94±4,1	18,45±4,0	16,65±4,6	0,00*	0,00*
		Me	18,0	20,0	18,0	17,0		
		Абс	55,17	58,08	51,87	44,38		
		%	6,27	6,36	5,85	5,17		
		Ранг	4	2	3	8		

Окончание таблицы 15

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	M±σ	11,28±2,4	13,08±3,3	15,27±3,6	17,20±4,3	0,00*	0,00*
		Me	11,0	13,0	15,0	17,0		
		Абс	22,00	29,52	38,61	46,67		
		%	3,65	4,18	4,85	5,38		
		Ранг	15	15	13	6		
14	Социальная замкнутость (SVF-14)	M±σ	10,24±2,5	11,57±3,4	13,57±3,1	15,15±3,9	0,00*	0,00*
		Me	10,0	11,0	13,0	16,0		
		Абс	17,67	23,19	31,55	38,13		
		%	3,33	3,72	4,32	4,73		
		Ранг	19	19	19	15		
15	«Заезженная пластинка» (SVF-15)	M±σ	17,48±2,5	18,91±4,3	19,53±3,9	21,20±3,7	0,02*	0,02*
		Me	18,0	18,0	19,0	22,0		
		Абс	47,83	53,79	56,38	63,33		
		%	5,68	6,07	6,19	6,69		
		Ранг	7	4	1	1		
16	Беспомощность (SVF-16)	M±σ	10,92±2,5	12,39±2,3	14,55±3,0	15,85±3,4	0,00*	0,00*
		Me	10,0	12,0	14,0	15,0		
		Абс	20,50	26,61	35,63	41,04		
		%	3,55	3,99	4,60	4,98		
		Ранг	17	17	16	11		
17	Жалость (к себе) (SVF-17)	M±σ	11,08±3,2	12,36±3,6	14,24±3,2	15,20±3,1	0,00*	0,00*
		Me	11,0	12,0	14,0	15,5		
		Абс	21,17	26,61	34,35	38,33		
		%	3,58	3,94	4,52	4,81		
		Ранг	16	18	17	14		
18	Самообвинение (SVF-18)	M±σ	14,20±3,5	15,58±3,6	16,98±3,7	17,30±4,5	0,00*	0,00*
		Me	13,0	15,0	16,0	16,5		
		Абс	34,17	39,91	45,75	47,08		
		%	4,61	4,99	5,38	5,45		
		Ранг	13	10	5	4		
19	Агрессия (SVF-19)	M±σ	10,48±2,8	12,74±3,6	15,90±3,6	18,40±6,4	0,00*	0,00*
		Me	11,0	12,0	16,0	18,5		
		Абс	18,67	28,09	41,24	51,67		
		%	3,40	4,11	5,08	5,86		
		Ранг	18	16	9	2		
20	Прием лекарств (SVF-20)	M±σ	9,36±1,79	9,30±1,97	9,92±2,55	9,65±2,01	0,31	0,59
		Me	9,0	9,0	9,0	9,0		
		Абс	14,00	13,73	16,33	15,21		
		%	3,06	2,99	3,14	3,05		
		Ранг	20	20	20	20		

Примечание: *p < 0,05.

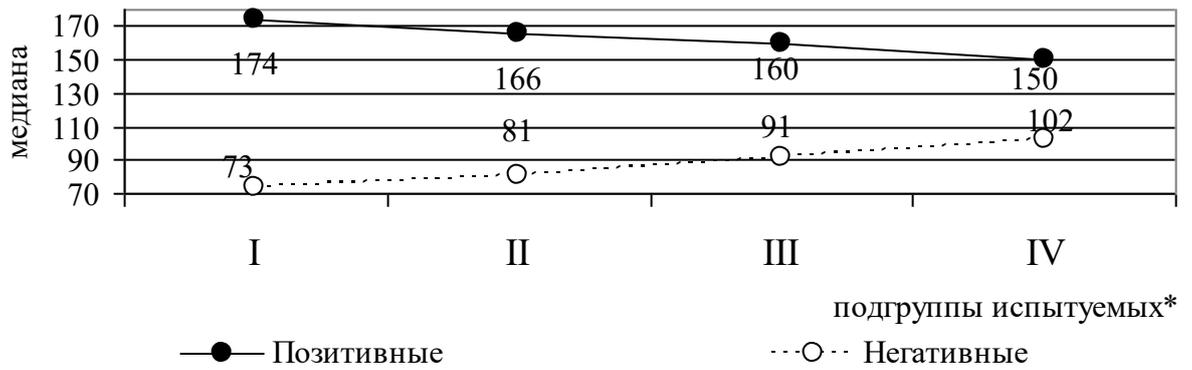
**В таблице обозначены следующие подгруппы испытуемых: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития.

***В таблице представлены средние баллы (M – среднее арифметическое) показателей копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 6 баллов, максимальная – 30 баллов и среднее квадратичное отклонение: M±σ; Me – медиана; Абс – абсолютное значение; % – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре совладающего поведения.

Представлен итоговый ранг характеристики, который определяется процедурой ранжирования, где 1 присваивается самой выраженной стратегии в ответах матерей, а 20 – наименее выраженной.

Стратегия «Поиск социальной поддержки» задействуется достаточно часто испытуемыми всех подгрупп. Тем не менее анализируемая стратегия матерями из разных подгрупп находится в различных сочетаниях в рейтинге предпочтений копинг-стратегий, что обличает вариабельность характера ее применения и приводит к неодинаковым результатам совладания. В частности, у матерей подгрупп I и II в ряду со стратегией «Поиск социальной поддержки» стоят стратегии, относящиеся к группе «позитивные», а именно: «Снижение значение стрессовой ситуации», «Самоодобрение», «Самооправдание», «Психомышечная релаксация». В то время как у матерей подгруппы III обнаруживается совместное использование стратегии «Поиск социальной поддержки» со стратегиями «Самоутверждение» и «Агрессия».

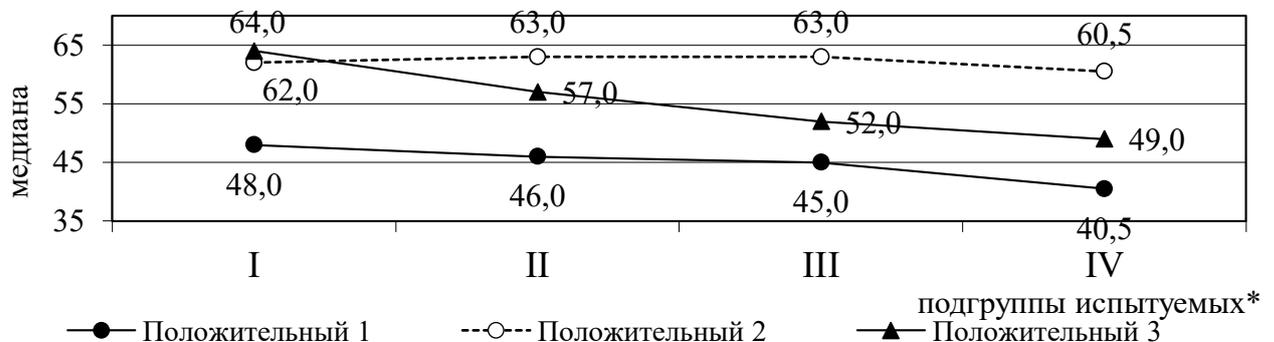
У матерей, отнесенных к подгруппе IV в рейтинге копинг-стратегий перед стратегией «Поиск социальной поддержки» на втором месте располагается стратегия «Агрессия», что подтверждает данные, полученные при помощи опросника «СПСС». Следующей за стратегией «Поиск социальной поддержки» располагается стратегия «Самообвинение», а одной из наиболее часто применяемых стратегий является стратегия «Бегство от стрессовой ситуации». Согласно таблице 15 (см. стр. 136), стратегия «Бегство от стрессовой ситуации» у матерей, вошедших в подгруппы I и II наименее популярна, как и стратегии «Жалость к себе», «Беспомощность», «Агрессия», «Социальная замкнутость». У матерей, отнесенных к подгруппе III стратегии «Бегство от стрессовой ситуации» и «Агрессия» занимают промежуточное положение в рейтинге копинг-стратегий, а наименее предпочтительными стратегиями являются «Беспомощность», «Жалость к себе», «Самоодобрение» и «Социальная замкнутость». В то время как в подгруппе IV стратегии «Бегство от стрессовой ситуации» и «Агрессия» занимают лидирующие места, а незначительно представленной явилась, так называемая группа «позитивных» копинг-стратегий: «Самоутверждение», «Психомышечная релаксация», «Самооправдание» и «Самоодобрение». На рисунке 13 (см. стр. 140) можно наглядно увидеть, что матери подгруппы I по сравнению с матерями других подгрупп «позитивные» стратегии (SVF-1, SVF-2, SVF-3, SVF-4, SVF-5, SVF-6, SVF-7, SVF-8, SVF-9, SVF-10) используют наиболее часто, а матери подгруппы IV – существенно реже.

Примечание: *На рисунке обозначены подгруппы испытуемых: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей с низким уровнем развития.

Рисунок 13 – Показатели выраженности «позитивных» и «негативных» копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

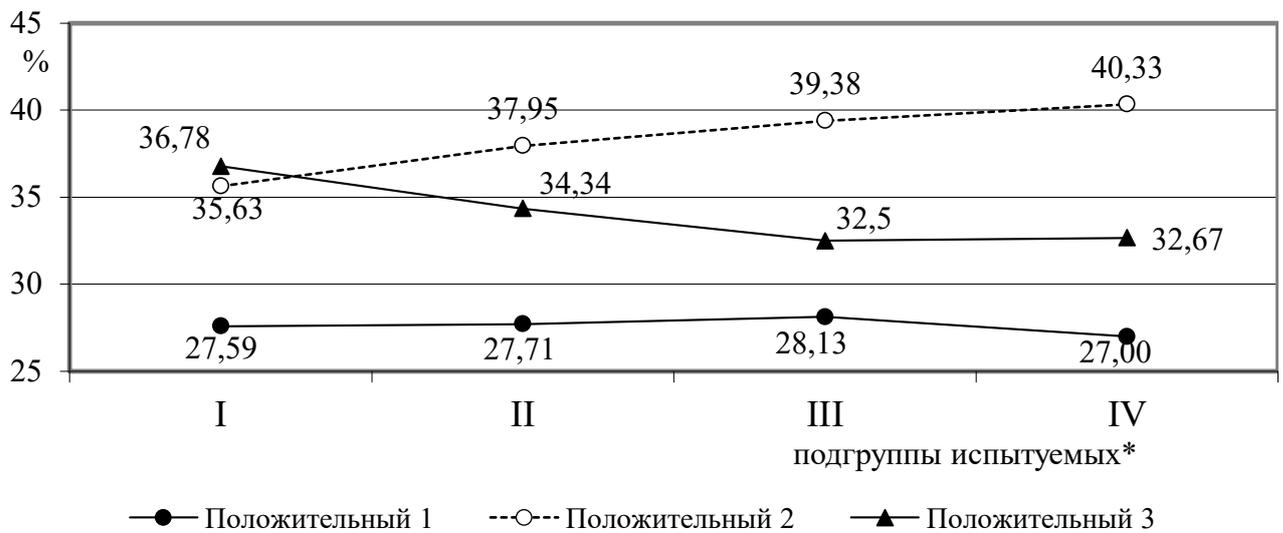
При этом, согласно рисунку 14, матери подгруппы I наиболее часто избирают группу «позитивных» стратегий, отнесенных авторами и разработчиками методики к категории «Положительный 3», которые касаются действий по контролю стрессовой ситуации и вызванных ею собственных реакций, что заверяет о несвойственности для этих мам поведения, направленного на снижение эмоционального стресса до времени изменения ситуации. Матери остальных подгрупп (II, III и IV) прежде всего прибегают к «позитивным» стратегиям, относящимся к группе «Положительный 2», которые показывают тенденцию к отвлечению от стресса.

Примечание: *На рисунке обозначены следующие подгруппы испытуемых: I – матери детей с высоким уровнем развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей с низким уровнем развития.

Рисунок 14 – Показатели выраженности «позитивных» копинг-стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

В соответствии с рисунком 15, максимальное использование группы стратегий «Положительный 2», показывающих тенденцию к отвлечению от стресса раньше, чем изменится ситуация зафиксировано у матерей подгруппы IV.

Примечание: * На рисунке обозначены подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем психосоциального развития; III – матери детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем развития.

Рисунок 15 – Удельные веса копинг-стратегий трех диапазонов в общей группе «позитивных» стратегий в четырех исследовательских материнских подгруппах

Зависимость выраженности показателей копинг-стратегий от фактора «принадлежность испытуемых к той или иной подгруппе матерей» изучалась в ходе однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Сопоставлялись суммарные показатели по двадцати стратегиям опросника в четырех подгруппах. В результате ANOVA были получены F-отношения: 6,18; 7,99; 6,76; 6,56; 9,47; 4,98; 17,67; 12,69; 3,46; 22,12; 9,11; 4,59; 24,68 соответствующие SVF-2, SVF-6, SVF-8, SVF-9, SVF-10, SVF-12, SVF-13, SVF-14, SVF-15, SVF-16, SVF-17, SVF-18, SVF-19 стратегиям совладания (см. табл. 16, стр. 142). Табличное значение F-распределения Фишера для всех случаев при $p=0,05$ соответствует 2,24 ($F_{\text{крит.}}$). Отсюда превышение $F_{\text{крит.}}$ над $F_{\text{набл.}}$ по этим стратегиям дает нам основание отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве средних и медиан в анализируемых подгруппах матерей и принять альтернативную гипотезу о том, что межгрупповая изменчивость выше внутригрупповой.

Выявлено статистически достоверное влияние фактора «принадлежность к группе» на выраженность совладания: средние значения суммарных показателей и медиан копинг-стратегий значимо различаются во всех материнских подгруппах.

Таблица 16 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в выделенных исследовательских материнских подгруппах

№	Копинг-стратегии***	ANOVA			Крускала-Уоллиса ANOVA test		
		R ²	F _{набл.}	P - уровень	H	P - уровень	Попарные статистические сравнения (p<0.05)
1	SVF-1	0,01	1,29	0,28	2,56	0,46	-
2	SVF-2	0,07	6,18	0,00*	17,81	0,00*	I-III, II-IV**
3	SVF-3	0,01	0,97	0,41	3,80	0,28	-
4	SVF-4	0,01	1,07	0,36	3,14	0,37	-
5	SVF-5	0,01	1,10	0,35	2,32	0,51	-
6	SVF-6	0,09	7,99	0,00*	24,08	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
7	SVF-7	0,00	0,26	0,86	0,65	0,88	-
8	SVF-8	0,07	6,76	0,00*	20,52	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
9	SVF-9	0,07	6,56	0,00*	17,53	0,00*	I-III, I-IV
10	SVF-10	0,10	9,47	0,00*	32,35	0,00*	I-II, I-III, I-IV, II-III, II-IV
11	SVF-11	0,01	0,51	0,67	2,00	0,57	-
12	SVF-12	0,06	4,98	0,00*	14,22	0,00*	II-IV
13	SVF-13	0,17	17,67	0,00*	39,59	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
14	SVF-14	0,13	12,69	0,00*	36,27	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
15	SVF-15	0,04	3,46	0,02*	9,44	0,02*	I-IV
16	SVF-16	0,21	22,12	0,00*	44,00	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
17	SVF-17	0,10	9,11	0,00*	27,14	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
18	SVF-18	0,05	4,59	0,00*	12,64	0,01*	I-III
19	SVF-19	0,22	24,68	0,00*	46,81	0,00*	I-II, I-III, I-IV, II-III, II-IV
20	SVF-20	0,01	1,20	0,31	1,94	0,59	-

Примечание: *p < 0,05.

**В таблице обозначены подгруппы испытуемых: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем развития.

***В таблице обозначены стратегии: SVF-1 – Снижение значения стрессовой ситуации; SVF-2 – Самоодобрение; SVF-3 – Самооправдание; SVF-4 – Отвлечение; SVF-5 – Замещение; SVF-6 – Самоутверждение; SVF-7 – Психомышечная релаксация; SVF-8 – Контроль над ситуацией; SVF-9 – Самоконтроль; SVF-10 – Позитивная самомотивация; SVF-11 – Поиск социальной поддержки; SVF-12 – Антиципирующее избегание; SVF-13 – Бегство от стрессовой ситуации; SVF-14 – Социальная замкнутость; SVF-15 – «Заезженная пластинка»; SVF-16 – Беспомощность; SVF-17 – Жалость (к себе); SVF-18 – Самообвинение; SVF-19 – Агрессия; SVF-20 – Прием лекарств.

Коэффициент детерминации R² = 0,07, R² = 0,09, R² = 0,07, R² = 0,07, R² = 0,10, R² = 0,06, R² = 0,17, R² = 0,13, R² = 0,04, R² = 0,21, R² = 0,10, R² = 0,05, R² = 0,22 показывает умеренный вклад в общую дисперсию зависимой переменной, обуслов-

ленный влиянием фактора принадлежности к одной из четырех подгрупп. Исключение составляют копинг-стратегии SVF-1, SVF-3, SVF-4, SVF-5, SVF-7, SVF-11, SVF-20, по которым подтверждение получила нулевая гипотеза, что говорит о равенстве средних и медиан по этим стратегиям во всех материнских подгруппах. Результаты сравнительного анализа статистической изменчивости диагностических признаков (45 копинг-стратегий) в выделенных исследовательских материнских подгруппах (I, II, III и IV) представлены в Приложении Д на странице 223.

Подводя промежуточные итоги сделаем акцент на следующих моментах. Во-первых, у матерей, отнесенных к подгруппам I, II, III в совладающем репертуаре преобладают «активные» копинг-стратегии над «пассивными», в то время как у испытуемых подгруппы IV, зафиксирована значительно более низкая активность копинг-поведения, отражающаяся в доминировании «пассивных» стратегий над «активными» (методика «ИКС»). Во-вторых, матери подгрупп I, II, III при совладании прибегают прежде всего к проблемно-ориентированному копингу, при этом у матерей подгруппы I он избирается значительно чаще, а подгруппы III – достоверно реже. Матери подгруппы IV преимущественно предпочитают использование эмоционально-ориентированного копинга. Испытуемые подгрупп I и II достоверно чаще задействуют субстиль «Социальное отвлечение», характеризующийся направленностью на поиск социальной поддержки, а подгрупп III и IV – «Отвлечение», проявляющийся в стремлении к эскапизму как способу избегания решения проблем посредством ухода в мир иллюзий («запойного» просмотра ТВ, чтения книг, избыточных по временным параметрам мечтаний, переживания и др. (методика «КПСС»)). В-третьих, матерям подгрупп I и II свойственно активное и просоциальное преодоление, расценивающееся в современной психологии как успешное и здоровое, для которого характерно предпочтительное использование таких стратегий, как: «Вступление в социальный контакт», «Поиск социальной поддержки» и «Ассертивные действия». У матерей подгруппы III определено частично успешное совладание – активное и асоциальное, что обнаруживается в частом обращении к стратегии «Поиск социальной поддержки», наряду со стратегией «Агрессия». Со-

владение матерей, отнесенных к подгруппе IV неуспешно, оно пассивно и асоциально с частым задействованием стратегий «Избегание» и «Агрессия», и нередко импульсивно (методика «СПСС»). В-четвертых, для матерей подгрупп I и II характерно достаточно гибкое и ориентированное на проблемную ситуацию с широким спектром поведенческих, когнитивных и эмоциональных копинг-стратегий активное проблемно-ориентированное совладание, направленное на поиск информации при помощи социального окружения, сохранение контроля над чувствами и действиями, когнитивную переработку ситуации с преимущественным выбором копинг-стратегий «Планирование решения проблемы», «Поиск социальной поддержки», «Положительная переоценка», «Самоконтроль». В то время как для матерей подгрупп III и IV присущ избегающий стиль поведения, при котором матери уклоняются от решения проблем, предпочитая стратегию «Бегство-Избегание». Характер применения копинг-стратегии «Принятие ответственности» у матерей разных подгрупп требует дальнейшего уточнения (методика «ОСС»).

И, наконец, в-пятых, матери подгрупп I и II наряду с поиском социальной поддержки задействуют группу «позитивных» копинг-стратегий: «Контроль над ситуацией», «Позитивная самомотивация», «Самоконтроль / Самообладание». В то время как для матерей подгрупп III и IV характерно использование стратегии «Поиск социальной поддержки» совместно со стратегиями «Самоутверждение», «Бегство», «Агрессия» и «Самообвинение». При этом испытуемые подгруппы I обращаются к «позитивным» стратегиям в 2,5 раза чаще, чем к «негативным», матери подгруппы II – в два раза чаще, III – менее, чем в два раза, а матери подгруппы IV – не более, чем в полтора раза. Наряду с этим, испытуемые подгруппы I наиболее часто избирают копинг-стратегии, касающиеся действий по контролю стрессовой ситуации, вызванных ею собственными реакциями и необходимого в этом случае приписывания себе способностей для его определения. Остальные испытуемые нередко обращаются к позитивным ситуациям и состояниям, исключая стресс, при этом максимальное использование этих копинг-стратегий отмечается у матерей подгруппы IV (методика «ПТСЖ»).

3.4 Структурно-содержательная организация раннего материнского копинга

На следующем этапе эмпирического исследования полученные диагностические данные, изложенные в предыдущем параграфе (см. параграф 3.3, стр. 112), подверглись математико-статистическому анализу, на начальном этапе которого оценивалась линейная попарная взаимосвязь между копинг-стратегиями и копинг-стилями поведения матерей с помощью метода ранговой корреляции (по Спирмену). Было установлено, что все материнские подгруппы представлены разными наборами закономерностей (корреляционными связям r_s) и для дальнейшего исследования зависимостей (в рамках подгрупп I, II, III, IV) необходимо применить более сложный математико-статистический аппарат. Было выдвинуто предположение, что, несмотря на свою разнородность и изменчивость, стратегии и стили копинг-поведения матерей, отнесенных нами к четырем разным исследовательским подгруппам, могут быть описаны относительно небольшим числом информативных параметров, отражающих сложные внутренние закономерности, путем объединения тесно коррелирующих между собой копинг-стратегий и копинг-стилей в отдельный объясняющий фактор. С этой целью была осуществлена математико-статистическая процедура факторного анализа полученных диагностических данных (Factor Analysis, FA) и построены факторные структурные модели раннего материнского копинга для каждой материнской подгруппы, представленные в виде схемы в Приложении Е на странице 224. В частности, в исследовательских подгруппах I, II, III и IV факторизовалась корреляционная матрица взаимосвязей 45 показателей: основных стратегий и стилей копинг-поведения матерей, перечень которых приведен в Приложении В на странице 221. Как известно, факторный анализ (ФА) используется для выделения латентных переменных (факторов), влияющих на наблюдаемые характеристики мультифакторного явления или сложного объекта, позволяющих верифицировать его факторную структуру [114, 10]. Выделение факторов, детерминирующих материнское копинг-поведение, осуществлялось посредством методов, реализованных в прикладном программном пакете StatSoft STATISTICA 10: 1) Principal factors (centroid) – центроидный метод; 2) Principal axis

factoring – метод главных осей; 3) Maximum likelihood factors – метод максимального правдоподобия; 4) Principal factors (minres) – метод минимальных остатков; 5) Communalities multiple R-square – метод общности множественных коэффициентов детерминации; 6) Principal components – метод главных компонент. Более высокий процентный показатель общей изменчивости копинг-поведения в четырех подгруппах матерей, а соответственно, и наиболее информативный результат по описанию выявленных закономерных связей дала процедура Principal components, обозначаемая в русскоязычном понятийном математико-статистическом аппарате термином «метод главных компонент», что детально представлено в Приложении Ж на странице 228. В рамках метода для определения внутреннего содержания и количества латентных переменных использовался критерий Кайзера (Kaizer criterion), при котором рассматриваются факторы, чьи собственные значения равны единице или превышают ее, посредством чего было выделено по десять значимых факторов в каждой подгруппе матерей [59]. Эти факторы объясняют не менее 65,9 % от общего разброса данных во всех подгруппах испытуемых, что, по мнению О. В. Митиной и И. Б. Михайловской, является достаточно информативным для психологических исследований [114, с. 23]. Кроме того, совокупный процент дисперсии в материнской подгруппе I составил 80 %, а в подгруппе IV – 90 %, что обеспечивает высокий информативный результат по описанию имеющихся закономерностей данных в этих наиболее интересных с точки зрения перспективы психокоррекционных интервенций, подгруппах испытуемых-матерей.

Для дальнейшей содержательной интерпретации обнаруженных данных осуществлялось вращение полученной системы общих факторов разными способами, реализованными в программном пакете StatSoft STATISTICA 10. Наиболее информативные результаты были установлены при вращении факторов методом Normalized quartimax – нормализованный квартимакс. В итоге каждый, выделенный в результате математико-статистической процедуры факторизации компонент (фактор), представляет собой совокупность переменных – копинг-стратегий и стилей копинг-поведения, которые имеют значимые нагрузки, при этом, чем больше факторная нагрузка переменной, тем с большей уверенностью можно считать, что

переменная определяет данный фактор. Границей отсечения величины факторных нагрузок для последующей интерпретации было принято значение 0,5. Для каждой исследовательской материнской подгруппы, собрав воедино переменные с факторными нагрузками, превышающими установленный критерий (0,5), мы семантически определили и понятийно сформулировали базисные характеристики (концепты), их объединяющие. Преимуществом полученных факторных моделей является возможность качественной интерпретации факторов с учетом всех шкал (копинг-стратегий и копинг-стилей совладания), задействованных в исследовании психодиагностических методик, что позволяет объяснить большую часть информации (скрытые закономерности), заключенной в первоначальных наблюдениях.

В результате осуществления такой процедуры было выявлено, что только два объясняющих фактора, получивших обозначения «Социальная активность» и «Эмотивность», имеют общую основу в факторных моделях РМК во всех подгруппах испытуемых. Доминирующую весовую нагрузку в факторе «Социальная активность» имеет шкала «Поиск социальной поддержки». Эта ситуация вполне ожидаема, подтверждает полученные результаты, изложенные в предыдущем параграфе (см. параграф 3.3, стр. 112), а также согласуется с имеющимися исследованиями гендерных особенностей совладающего поведения и, в частности, семейного копинга, в соответствии с которыми девочки, девушки, женщины уже начиная с 7-11 летнего возраста, достаточно часто прибегают в трудных ситуациях к поведению по типу «Поиск социальной поддержки» [19, 38, 54, 64, 89, 92, 143, 150, 177].

Еще один общий фактор («Эмотивность»), основа которого также достаточно устойчива в факторных моделях РМК во всех подгруппах матерей, свидетельствует о склонности матерей к применению эмоционально-ориентированного копинга. Такой результат не противоречит широко известному факту, что в процессе детско-материнского взаимодействия мать наряду с сознательной регуляцией своей деятельности пользуется интуитивными переживаниями состояний ребенка и эмоциями, появляющимися в силу особого психоэмоционального состояния, возникающего у нее с рождением ребенка [29, 118]. Обратной стороной такой чувствительности может явиться склонность к избыточному эмоциональному отношению ко

всему происходящему вообще [93]. Очевидно, полученные результаты говорят о более распространенной общей тенденции, нежели о характерологической особенности выборки. Тем не менее, найденная на предыдущем этапе исследования тенденция к неоднозначному характеру задействования стратегии «Поиск социальной поддержки» матерями разных подгрупп, подтвердилась и обнаружила свою специфику в результате проведения процедуры ФА. Оказалось, что одни и те же копинг-стратегии, входящие в состав общих факторов в разных подгруппах матерей, имеют разные факторные нагрузки. Кроме того, общие факторы объясняют разный процент дисперсии в каждой подгруппе матерей. Все это указывает на неодинаковый характер совладающего поведения по типам поиска социальной поддержки и эмоционально-ориентированный копинг у матерей из разных подгрупп. Остальные, выделенные эмпирическим путем компоненты факторной структуры РМК, явились специфичными для каждой из четырех исследовательских подгрупп матерей, дифференцированных в результате психологической диагностики их детей.

Согласно сформированной факторной модели раннего материнского копинга (РМК), копинг-поведение матерей, воспитывающих детей со средним (нормативным) уровнем психосоциального развития, в основном обуславливается десятью факторами (личностными конструктами), в целом составляющими 65,9 % дисперсии (см. Приложение Е, стр. 224). Наиболее весомым оказался фактор, объясняющий 20,2 % дисперсии, обозначенный как «Саморегуляция». Максимальный вклад в него внесли копинг-стратегии из группы «позитивных» (методика «ПТСЖ»): «Самоконтроль» (0,80), «Позитивная самомотивация» (0,80), «Снижение значения стрессовой ситуации» (0,74) (см. табл. 17, стр. 149). Аналитический обзор перечня, вошедших в объясняющий фактор переменных, позволяет прийти к заключению, что личностная направленность на контролирование собственных реакций и своего поведения, сохранение самообладания отражает стремление матери совместить удовлетворение потребностей ребенка и упорядочить по степени значимости свои собственные потребности: те, удовлетворение которых в данный момент можно отсрочить и те, которым необходимо уделить внимание в первую очередь [82].

Таблица 17 – Факторная структура копинг-поведения матерей детей с нормативным уровнем психосоциального развития (эффективный РМК)

Фактор и процент дисперсии	Переменные (Копинг-стратегия)	Факторная нагрузка	Методика
1. Саморегуляция / Позитивно-саморегулирующий стиль (20,2)	Самоконтроль / Самообладание (SVF-9)	0,80	«ПТСЖ»
	Позитивная самомотивация (SVF-10)	0,80	
	Снижение значения стрессовой ситуации (SVF-1)	0,74	
	Самоодобрение (SVF-2)	0,67	
	Самооправдание (SVF-3)	0,65	
	Самоутверждение (SVF-6)	0,61	
2. Ассертивность (9,6)	Осторожные действия (ОД)	0,66	«СПСС»
	Ассертивные действия (Ас)	0,63	
3. Социальная активность / Социальный стиль (7,5)	Поиск социальной поддержки (ПСП)	0,80	«ИКС»
	Поиск социальной поддержки (SVF-11)	0,74	«ПТСЖ»
	Вступление в социальный контакт (ВСК)	0,64	«СПСС»
	Субшкала «Социальное отвлечение» (ССО)	0,61	«КПСС»
	Поиск социальной поддержки (СП)	0,56	«СПСС»
	Социальная замкнутость (SVF-14)	- 0,56	«ПТСЖ»
4. Ревульсия / Восстановительно-ревульсивный стиль (6,2)	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	0,51	«ОСС»
	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	0,87	«КПСС»
	Субшкала «Отвлечение» (СО)	0,81	«КПСС»
	Замещение (SVF-5)	0,70	«ПТСЖ»
	Отвлечение (SVF-4)	0,68	
	Психомышечная релаксация (SVF-7)	0,59	
5. Эмотивность / Эмотивный стиль (5,7)	Субшкала «Социальное отвлечение» (ССО)	0,54	«КПСС»
	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	0,74	«ПТСЖ»
	Жалость (к себе) (SVF-17)	0,73	
	Беспомощность (SVF-16)	0,72	
	Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК)	0,69	«КПСС»
	Самообвинение (SVF-18)	0,56	«ПТСЖ»
6. Актуальная ответственность (4,4)	Агрессия (SVF-19)	0,54	
	Принятие ответственности (ПО)	0,62	«ОСС»
7. Решительность / Радикальный стиль (3,8)	Контроль над ситуацией (SVF-8)	0,81	«ПТСЖ»
	Проблемно-ориентированный копинг (ПОК)	0,57	«КПСС»
	Самоутверждение (SVF-6)	0,54	«ПТСЖ»
	Разрешение проблем (РП)	0,50	«ИКС»
	Планирование решения проблемы (ПРП)	0,50	«ОСС»
8. Приоритетность (Подавление конкурирующей деятельности) (3,4)	Самоконтроль (С)	0,69	
	Бегство-Избегание (Б)	0,63	
	Планирование решения проблемы (ПРП)	0,62	
	Конфронтация (К)	0,60	
	Положительная переоценка (ПП)	0,58	
9. Эгоистичность (Эгоистич. направленность) (2,8)	Асоциальные действия (АСД)	0,81	«СПСС»
	Манипулятивные действия (МД)	0,67	
	Агрессивные действия (Аг)	0,65	
10. Компенсация (2,4)	Прием лекарств / Использование химических средств (SVF-20)	0,58	«ПТСЖ»

Процент накопленной дисперсии 65,9

Матери в ходе диагностического интервью отмечали, что «не принадлежат себе», пребывая достаточно часто в состоянии вынужденной саморегуляции, пытаясь контролировать собственные реакции и поведение, чтобы своим поведением не навредить ребенку. Появление фактора, возможно, обусловлено еще и фактом беспомощности ребенка: матери все время необходимо быть компетентной [166] и контролировать все его режимные моменты (прием пищи, сон / бодрствование, прогулки, развивающие занятия, лечение и т. д.).

Второй по значимости фактор, охватывающий 9,6 % дисперсии, с учетом входящих в него переменных был назван «Ассертивность». С положительным знаком и высокой нагрузкой в его составе представлены два показателя – «Осторожные действия» (0,66) и «Ассертивные действия» (0,63) (см. табл. 17, стр. 149). Такая комбинация переменных свидетельствует о наличии тенденции к внимательному и тщательному обдумыванию всех возможных вариантов решения проблем, лоббированию интересов ребенка, уважая при этом потребности окружающих. Достаточно весомым является фактор «Социальная активность» (7,5 % дисперсии), объединивший в единую структуру все копинг-стратегии, ориентированные на поиск социальной поддержки, имеющие тождественные или синонимичные названия в опросниках, примененных нами для изучения копинг-поведения матерей. Согласно таблице 17 (см. стр. 149), переменные имеют высокие нагрузки в диапазоне от 0,5 до 0,80 и гармонично взаимосвязаны со стратегией «Социальная замкнутость», обладающей относительно большим весом с противоположным знаком (- 0,56). Обнаруженная взаимосвязь девяти из девяти допустимых копинг-стратегий, сфокусированных на обращении к социальной поддержке при совладании, служит наглядным доказательством того, что анализируемая поведенческая стратегия сформирована у матерей этой подгруппы во всех возможных ее конструктивных проявлениях и включает широкий спектр действий: от поиска сочувствия и понимания у родных и друзей до достижения социально-ролевой компетентности, обретения новых коммуникационных навыков, обучения способам преодоления стресса и разрешения сложных и проблемных ситуаций, связанных с заботой о ребенке [82].

Следующий фактор (6,2 % дисперсии), определенный как «Ревульсия», включил в себя семь показателей: копинг, ориентированный на избегание (0,87), субшкала «Отвлечение» (0,81), субшкала «Социальное отвлечение» (0,54) и стратегии, образующие группу «позитивных» («Положительный 2», согласно стандартной интерпретации авторов методики «ПТСЖ»). В комплексе стратегии указывают на стремление матерей различными способами увеличить пространственную и временную дистанцию с источником стресса в ситуациях, решение которых требует отсроченного действия. В ходе диагностического интервью матери сообщали, что стараются отвлечься от жизненных проблем, не связанных с ребенком, ощущая себя как бы в другом, собственном уединенном с ребенком мире. С этой позиции положительное влияние на активное отвлечение оказывают эмпатия, эмоции, испытываемые матерью в момент взаимодействия с ребенком, ее ориентация на состояние тоддлера. Частоту и разнообразие данного типа поведения определяют понимание матерью эмоциональных состояний и желаний ребенка, ее положительные чувства, поиск общих с ним способов организации совместной деятельности.

Фактор (5,7 % дисперсии), получивший название «Эмотивность», содержит довольно большое количество переменных: «Бегство от стрессовой ситуации» (0,74), «Жалость» (0,73), «Беспомощность» (0,72), Эмоционально-ориентированный копинг (0,69), «Самообвинение» (0,56) и «Агрессия» (0,54). Подобный ансамбль копинг-стратегий обличает обратную сторону особой эмоциональной чувствительности матери, обеспечивающей ей совершенную восприимчивость к сигналам, идущим от ребенка и способность понимать их значение [93]. Такая избыточная для обычной жизни психическая чувствительность может инициировать периодические погружения в свои собственные переживания, а также нервное напряжение, раздражение и агрессию. Определенную роль в этом играют физические и психоэмоциональные перегрузки, и серьезная психофизиологическая перестройка деятельности организма женщины (беременность, роды, грудное вскармливание), особенно психоэндокринной сферы [162]. Обнаруженный результат частично совпадает с исследованием эмоциональных состояний женщин в период раннего материнства [103]. Отрицательные моменты такой материнской эмоциональности в

анализируемой подгруппе не оказывают негативного влияния на развитие ребенка, что можно объяснить наличием в арсенале способов совладания прежде всего позитивно-саморегулирующего, ассертивного и социального копинг-стилей.

Фактор «Актуальная ответственность» (Актуальный стиль), объясняющий 4,4 % дисперсии, представлен практически одной шкалой «Принятие ответственности» (ее факторная нагрузка составила 0,62) из опросника «Ways of Coping Questionnaire» Р. Лазаруса и С. Фолкман. Здесь уместно обратить внимание на представленные ранее (см. параграф 3.3, стр. 112) сведения о том, что, во-первых, в зарубежных источниках стратегия «Принятие ответственности» не относится к адаптивным (конструктивным) и в стандартной интерпретации авторов и разработчиков методики WSQ она выражается в самообвинениях, угрызениях совести и хронической неудовлетворенности собой [223]. Во-вторых, в нахождении этой шкалы на лидирующих местах в рейтинге предпочтений копинг-стратегий у россиян усматриваются национальные особенности преодоления трудностей [65, с. 146]. С этой позиции обнаруженный нами результат не противоречит отечественным эмпирическим нормам [125, 132, 157]. Ответственность, как показал анализ интервьюирования матерей, у них связана с определенной тревогой, беспокойством за судьбу ребенка, его здоровье, развитие и благополучие в целом. В этой связи фактор определяет направленность поведения матери: либо предупредить возможные болезни, несчастья, либо облегчить переживания малыша.

Еще один элемент факторной модели РМК, названный «Решительность» (3,8 %), образовали переменные: «Контроль над ситуацией» (0,81), «Проблемно-ориентированный копинг» (0,57), «Самоутверждение» (0,54), «Разрешение проблем» (0,50), «Планирование решения проблемы» (0,50). Перечисленные копинг-механизмы отражают склонность матери анализировать ситуацию, планировать и радикально решать проблему. Преодолевая повседневные сложности, возникающие в процессе ухода и воспитания маленького ребенка, матери самоутверждаются в своей родительской роли, в том числе и за счет ответственных самостоятельных действий и решительных поступков. Эти результаты полностью согласуются с исследованиями семейного копинга, где показано, что для женщин, имеющих детей,

характерно использование копинга, ориентированного на решение проблемы [9, 132, 69, 130]. Подчеркнем, что у матерей такие копинг-стили, как позитивно-само-регулирующий, ассертивный и социальный объясняют больший процент дисперсии, в то время как радикальный стиль – меньший. По всей вероятности, фактор «Решительность» определяет высокую организованность, устойчивость, напористость и радикальность в решении проблемы, что является в большей степени характерно для мужского проблемно-ориентированного совладания [64].

Другой фактор, охватывающий 3,4 % дисперсии и обозначенный как «Приоритетность», интегрировал стратегии со значимыми факторными нагрузками в диапазоне от 0,58 до 0,69, включая (в порядке убывания): «Самоконтроль», «Бегство-избегание», «Планирование решения проблемы», «Конфронтация», «Положительная переоценка» (см. табл. 17, стр. 149). Подобное сочетание взаимосвязанных копинг-механизмов неоднозначно для интерпретации, однако необходимо учитывать, что возможности достаточно точного и однозначного выделения факторов с помощью математической статистики ограничены [114]. Между тем не учитывать и не уделять внимания этому фактору нельзя, ибо он входит в общий массив объясненной дисперсии, поэтому в дальнейших исследованиях его необходимо уточнять. В настоящем исследовании анализ интервьюирования матерей позволил рассмотреть этот фактор, как тенденцию к снижению активности в отношении имеющих у женщин-матерей других дел и проблем, не связанных с материнством, как подавление конкурирующей с воспитанием ребенка деятельности.

В изучаемой модели РМК матерей детей со средним уровнем психосоциального развития один из последних по значимости факторов, объяснивший 2,8 % дисперсии, получил наименование «Эгоистичность». Он объединил в единую структуру шкалы «Антисоциальные действия» (0,81), «Манипулятивные действия» (0,67) и «Агрессия» (0,65). В совокупности эти копинг-стратегии обуславливают отношение к внешнему в зависимости от того, соответствует оно либо нет внутренним потребностям. Исходя из этого, действие матерью либо отвергается, либо принимается, формируя стремление к активной защите и охране своего ребенка, соб-

ственных жизненных интересов и собственного «Я». В ходе диагностического интервью матери иногда сообщали, что в реальной (или воспринимаемой таковой) ситуации угрозы благополучию ребенка они могут выйти за социально допустимые рамки и ограничения, не считаясь с обстоятельствами, интересами и чувствами других людей, зачастую побуждая и принуждая их к удовлетворению своих потребностей. Очевидно, что отчасти данный объясняющий фактор носит филогенетический оттенок, поскольку, как известно, природа материнства изначально ориентирована на защиту своего потомства [171, с. 11]. Последний по весовой значимости факторов – «Компенсация» – представлен практически одной шкалой «Прием пищи, лекарств и / или использование химических средств» (0,58). Некоторые матери во время диагностического интервью озвучивали периодически возникающую у них тягу к перееданию, а также высказывали стремление отвлечься от проблем и желание расслабиться с помощью успокоительных средств. Наряду с этим, они отмечали, что с рождением ребенка стали в большей мере проявлять интерес к своему здоровью, а также, что прием лекарственных средств носит ограниченный характер, поскольку большинство матерей применяло грудное вскармливание. Очевидно это обстоятельство обусловило наименьший процент объясненной данным фактором дисперсии (2,4 %) (см. Приложение Е, стр. 224).

В структуре копинг-поведения матерей, воспитывающих детей с высоким уровнем психосоциального развития, выявлено также десять компонентов, совокупный процент дисперсии которых оказался достаточно существенным – 79,7 %. Согласно таблице 18 (см. стр. 155) компонент, объясняющий наибольший процент дисперсии (16,8 %), обозначенный как «Самостоятельность», объединил переменные из двух факторов – «Решительность» и «Саморегуляция», выделенных в материнской подгруппе II. Максимальный вклад в новый фактор внесли стратегии, сфокусированные на решении проблемы – SVF-8 (0,71), РП (0,70), ПОК (0,68). Фактор характеризует зрелую личность, самостоятельного человека, который контролирует себя сам и способен решать свои проблемы за свой счет. Независимость и автономия личности позволяет матери полагаться на собственный потенциал и внутренние источники развития, что является необходимой основой для разрешения

трудностей. Достаточно значимым является и второй фактор «Самоодобрение», составляющий 12,3 % дисперсии. Этот специфичный фактор (такой в других подгруппах матерей не выделяется), представлен практически одной шкалой SVF-2 (0,82), связанной с самоподдержкой и глубоким осознанием собственной ценности как личности, с наличием веры в собственные ресурсы в преодолении трудностей.

Таблица 18 – Факторная структура копинг-поведения матерей детей с высоким уровнем психосоциального развития (высокоэффективный РМК)

Фактор и процент дисперсии	Переменные (Копинг-стратегия)	Факторная нагрузка	Методика
1. Самостоятельность (16,8)	Антиципирующее избегание (SVF-12)	0,79	«ПТСЖ»
	Контроль над ситуацией (SVF-8)	0,71	
	Разрешение проблем (РП)	0,70	«ИКС»
	Проблемно-ориентированный копинг (ПОК)	0,68	«КПСС»
	Позитивная самомотивация (SVF-10)	0,66	«ПТСЖ»
	Самоутверждение (SVF-6)	0,55	«ПТСЖ»
	Самоконтроль (С)	0,50	«ОСС»
2. Самоодобрение (12,3)	Самоконтроль / Самообладание (SVF-9)	0,50	«ПТСЖ»
	Самоодобрение (SVF-2)	0,82	«ПТСЖ»
3. Релаксация (10,4)	Психомышечная релаксация (SVF-7)	0,92	«ПТСЖ»
	Отвлечение (SVF 4)	0,83	
	Замещение (SVF 5)	0,82	
	Субшкала отвлечение (СО)	0,54	«КПСС»
4. Контактность (8,1)	Поиск социальной поддержки (SVF-11)	0,81	«ПТСЖ»
	Поиск социальной поддержки (ПСП)	0,80	«ИКС»
	Субшкала социального отвлечения (ССО)	0,68	«КПСС»
	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	0,50	«ОСС»
5. Эмоциональная инкубация (7,2)	Самообвинение (SVF-18)	0,89	«ПТСЖ»
	Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК)	0,82	«КПСС»
	Жалость (к себе) (SVF-17)	0,79	«ПТСЖ»
	Беспомощность (SVF-16)	0,70	
	«Заезженная пластинка» (SVF-15)	0,56	
6. Избирательная ответственность (5,8)	Бегство-Избегание (Б)	0,82	«ОСС»
	Принятие ответственности (ПО)	0,64	«ОСС»
7. Игра (5,5)	Асоциальные действия (АСД)	0,79	«СПСС»
	Манипулятивные действия (МД)	0,73	
8. Сотрудничество (5,1)	Поиск социальной поддержки (СП)	0,83	«СПСС»
	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	-0,69	«КПСС»
	Субшкала отвлечение (СО)	-0,68	«КПСС»
	Вступление в социальный контакт (ВСК)	0,51	«СПСС»
9. Отступление (4,5)	Снижение значения стрессовой ситуации (SVF-1)	0,75	«ПТСЖ»
	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	0,66	
	Самооправдание (SVF-3)	0,63	
10. Компенсация (4,3)	Прием лекарств / Использование химических средств (SVF-20)	0,78	«ПТСЖ»
Процент накопленной дисперсии 79,7			

Третий по весовой значимости фактор «Релаксация» (10,4 % дисперсии) представляет собой основу фактора «Ревульсия», выделенного в подгруппе II, но в новом факторе нет стратегии КОИ, что дает возможность рассматривать его как побуждающего к снятию эмоционального напряжения и «сдерживанию», ожиданию более благоприятных условий для разрешения ситуации вместо импульсивных действий. Максимальный вклад в фактор внесли стратегии из группы «позитивных» (согласно интерпретации авторов методики «ПТСЖ»): SVF-7 (0,92), SVF-4 (0,83) и SVF-5 (0,82), принципиально пригодных для действий, направленных на уменьшение стресса (см. табл. 18, стр. 155).

Довольно весомым оказался фактор «Контактность» (8,1 % дисперсии), включающий переменные из фактора «Социальная активность», найденного в подгруппе II: SVF-11 (0,81), ПСП (0,80), ССО (0,68), ПсоцП (0,50). При этом здесь отсутствуют копинг-стратегии «Вступление в социальный контакт» и ПСП (методика «СПСС»), что позволяет констатировать несколько меньшую выраженность социального интереса у этих матерей, в сравнении с матерями из подгруппы II. Еще один элемент факторной модели РМК (7,2 % дисперсии) – «Эмоциональная инкубация» – имеет основной комплект поведенческих стратегий из фактора «Эмотивность», определенного в подгруппе II, за исключением переменных «Агрессия» и «Социальная замкнутость». Поведение, обеспеченное наличием данного фактора, является негативной стороной, характерной для женщин на раннем этапе материнства, повышенной чувствительности ко всему эмоциональному и в данном случае говорит скорее о стадии инкубации, постепенно переходящей в новую стадию совладания. Кроме того, присутствие в факторной модели более значимых компонентов таких, как: «Самостоятельность», «Самоодобрение», «Релаксация» и «Контактность», по всей вероятности, нивелирует возможное негативное влияние со стороны поведения матери согласно данному фактору на развитие ребенка. Шестой фактор (5,8 % дисперсии) нагружают переменные: Б (0,82) и ПО (0,64). Матери в ходе диагностического интервью отмечали, что с появлением ребенка предпочитают решать задачи и нести ответственность, связанные прежде всего с ребенком, часто отказываясь принимать ответственность относящуюся, например, к работе

или супругу, которую несли ранее. Ответственность за ребенка они способны периодически делегировать и разделять с доверительным лицом. С этой точки зрения, такое совмещение стратегий может быть эффективным с позиции вклада в развитие ребенка. Данный фактор был отмечен как «Избирательная ответственность».

В составе седьмого фактора (5,5 % дисперсии), обозначенного как «Игра», представлены две копинг-стратегии – АСД (0,79) и МД (0,73), входящие в фактор «Эгоистичность» в подгруппе II, за исключением показателя «Агрессия». В целом данный фактор может указывать на тенденцию матерей решать проблемы, невзирая на интересы других, тем не менее, не прибегая к агрессивным действиям. В восьмом факторе «Сотрудничество», объясняющем 5,1 % дисперсии, объединились переменные СП (0,83), ВСК (0,51) с показателями с противоположным знаком – КОИ (-0,69) и СО (-0,68). Такая комплектация фактора обличает закономерность, при которой повышение значений стратегий, направленных на вступление в социальный контакт, приводит к понижению значений копинга, ориентированного на избегание и отвлечение. Девятый фактор, охватывающий 4,5 % дисперсии, обозначенный как «Отступление», образовали показатели: SVF-1 (0,75), SVF-13 (0,66), SVF-3 (0,63) из опросника ПТСЖ (см. табл. 18, стр. 155). Использование мотивационной направленности отступления у матерей этой подгруппы происходит в тех социальных ситуациях и сферах межличностного общения, в которых испытуемые прогнозировали получение отрицательных результатов при применении активных копинг-стратегий «Разрешение проблем» и «Поиск социальной поддержки» либо в ситуациях, не поддающихся контролю. И последний фактор, определенный как «Компенсация» (4,3 %), является общим для материнских подгрупп II и I (представлен практически одной шкалой SVF-20 (0,78)) и имеет те же характеристики (см. Приложение Е, стр. 224).

Структура совладающего поведения матерей, воспитывающих детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего, согласно таблице 19 (см. стр. 158), включает десять факторов, в целом составляющих 74,2 % дисперсии, из которых 17,7 % приходится на первый компонент, обозначенный как «Отстранение».

Таблица 19 – Факторная структура копинг-поведения матерей детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего (низкоэффективный РМК)

Фактор и процент дисперсии	Переменные (Копинг-стратегия)	Факторная нагрузка	Методика
1. Отстранение (17,7)	Замещение (SVF-5)	0,82	«ПТСЖ»
	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	0,77	«КПСС»
	Субшкала «Отвлечение» (СО)	0,75	
	Психомышечная релаксация (SVF-7)	0,71	«ПТСЖ»
	Самооправдание (SVF-3)	0,55	
	Отвлечение (SVF-4)	0,55	
	Дистанцирование (Д)	0,54	«ОСС»
	Агрессия (SVF-19)	- 0,52	«ПТСЖ»
Снижение значения стрессовой ситуации (SVF-1)	0,51	«ПТСЖ»	
2. Агрессивная решительность (12,2)	Агрессивные действия (Аг)	0,84	«СПСС»
	Ассертивные действия (Ас)	0,72	
	Конфронтация (К)	0,67	«ОСС»
	Разрешение проблем (РП)	0,50	«ИКС»
	Агрессия (SVF-19)	0,50	«ПТСЖ»
	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	- 0,50	
3. Эмоциональная беспомощность (9,5)	Беспомощность (SVF-16)	0,83	«ПТСЖ»
	Самообвинение (SVF-18)	0,81	«КПСС»
	Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК)	0,73	
	«Заезженная пластинка» (SVF-15)	0,73	«ПТСЖ»
	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	0,64	«ПТСЖ»
	Жалость (к себе) (SVF-17)	0,50	
	Принятие ответственности (ПО)	0,50	
4. Самостоятельное решение (8,1)	Самоконтроль / Самообладание (SVF-9)	0,86	«ПТСЖ»
	Самоутверждение (SVF-6)	0,77	
	Позитивная самомотивация (SVF-10)	0,76	
	Контроль над ситуацией (SVF-8)	0,69	
	Проблемно-ориентированный копинг (ПОК)	0,63	«КПСС»
5. Комплекс избегания (6,4)	Осторожные действия (ОД)	0,77	«СПСС»
	Избегание (И)	0,69	«ОСС»
	Избегание проблем (ИП)	0,50	«ИКС»
	Бегство-Избегание (Б)	0,50	«ОСС»
6. Балансирование (5,2)	Асоциальные действия (АСД)	- 0,84	«СПСС»
	Положительная переоценка (ПП)	0,51	«ОСС»
7. Импульсивность (4,8)	Импульсивные действия (ИД)	0,83	«СПСС»
8. Социальность (3,9)	Поиск социальной поддержки (ПСП)	0,86	«ИКС»
	Поиск социальной поддержки (SVF-11)	0,85	«ПТСЖ»
	Субшкала «Социальное отвлечение» (ССО)	0,75	«КПСС»
	Поиск социальной поддержки (СП)	0,68	«СПСС»
	Социальная замкнутость (SVF-14)	- 0,61	«ПТСЖ»
	Вступление в социальный контакт (ВСК)	0,53	«СПСС»
9. Планирование решения (3,3)	Планирование решения проблемы (ПРП)	0,77	«ОСС»
	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	0,54	
10. Ипохондрия (3,2)	Жалость (к себе) (SVF-17)	0,53	«ПТСЖ»
	Прием лекарств / Использование химических средств (SVF -20)	0,52	
	Принятие ответственности (ПО)	- 0,51	«ОСС»
Процент накопленной дисперсии 74,2			

Фактор «Отстранение» представляет основу фактора «Ревульсия», выделенного у матерей подгруппы II, с обогащением стратегиями SVF-1 (0,51), и SVF-19 с противоположным знаком (- 0,52). Данный поведенческий блок удостоверяет в том, что, обращаясь к способам, связанными с отвлечением от стресса должно происходить понижение выраженности показателя «Агрессия». Второй фактор, также объясняющий достаточно высокий процент дисперсии (12,2 %) с учетом входящих в него переменных, назван «Агрессивная решительность»: «Агрессивные действия» (0,84), «Ассертивные действия» (0,72), «Конфронтация» (0,67), «Разрешение проблем» (0,50), «Агрессия» (0,50) и «Бегство от стрессовой ситуации» с противоположным знаком (- 0,50) (см. табл. 19, стр. 158). Очевидно, при повышении значений переменных, ориентированных на агрессивное решение проблемы, должно снижаться значение стратегии, направленной на избегание. Внешняя агрессия в таком случае является предиктором организации по совладанию, а вот ее направленность на себя дает ощущение беспомощности, что отражается в следующем довольно весомым факторе «Эмоциональная беспомощность» (9,5 % дисперсии), представляющем собой основу фактора «Эмотивность», найденного у матерей подгруппы II. В новом факторе – «Эмоциональная беспомощность» – отсутствуют показатели: SVF-19 и SVF-14, имеющиеся в общем факторе, а на их месте неожиданно обнаруживается стратегия «Принятие ответственности». Это явление свидетельствует об отождествленности ответственности с самообвинением, что находит отражение в склонности матерей к повышенному беспокойству, неоправданной самокритики, к систематическому переживанию чувства вины. Полученные данные внесли ясность в специфику копинг-поведения по типу «Принятие ответственности» матерей, отнесенных к подгруппе III. Отметим, что присутствие фактора может детерминировать субдепрессивные состояния у матерей [111].

Четвертый по весовой значимости фактор, составляющий 8,1 %, был назван «Самостоятельное решение». Он частично объединил в себе показатели факторов «Решительность» и «Саморегуляция», обнаруженных в подгруппе II, благодаря чему неожиданно стал близок по содержанию к фактору «Самостоятельность», выделенному у матерей подгруппы I. Однако максимальный вклад в новый фактор

внесли показатели, направленные на саморегуляцию (SVF-9, (0,86); SVF-6, (0,77); SVF-10, (0,76)), а не на решение проблем. Один из абсолютно специфичных для этой категории матерей факторов получил наименование «Комплекс избегания» (6,4 % дисперсии). Он объединил в единую структуру копинг-стратегии: «Осторожные действия» (0,77), «Избегание» (0,69), «Избегание проблем» (0,50), «Бегство-Избегание» (0,50), которые усиливают действие друг друга и наделяют фактор неадаптивными характеристиками. Следующий фактор, определенный как «Балансирование» (5,2 % дисперсии), также специфичен для матерей подгруппы III. Значимые веса в нем имеют показатели: «Асоциальные действия» с противоположным знаком (- 0,84) и «Положительная переоценка» (0,51), гармоничность сочетания которых состоит в том, что при повышении значений копинг-стратегии ПП должны понижаться значения стратегии АСД, что представляет интерес в перспективе психокоррекционных вмешательств. Седьмой фактор, описывающий 4,8 % от всех дисперсий, представлен практически одной шкалой – «Импульсивные действия» (ИД) (0,83) и имеет соответствующие содержанию данной копинг-стратегии характеристики, поэтому и получил одноименное название.

Следующий по значимости фактор – «Социальность», является устойчивым, представляет собой основу фактора «Социальная активность», выделенного в подгруппе II, но объясняет значительно меньший процент дисперсии (3,9 %). Такой актив фиксирует обращение к окружающей среде прежде всего с целью снижения эмоционального стресса, как правило без стремления сформировать иное видение проблемы и оценки своей позиции в ее преодолении. Другой элемент факторной модели РМК («Планирование решения») достаточно позитивен и перспективен по входящим в него стратегиям: ПРП (0,77) и ПсоцП (0,54). Его недостаток в том, что он объясняет незначительный процент дисперсии – 3,3 %, и соответственно не очень свойственен матерям этой подгруппы. Последний фактор, получивший название «Ипохондрия» (3,2 %), сочетает с почти одинаковой весовой нагрузкой переменные SVF-20 (0,52), SVF-17 (0,53) и ПО с противоположным знаком (- 0,51). Такое сочетание копинг-стратегий заверяет, что при повышении значений показателя «Принятие ответственности» вероятность поведения по типам «Жалость» (к

себе) и получение эмоциональной разрядки при помощи приема успокоительных средств, алкогольсодержащих напитков или переедания, снижается.

В выделенной десятифакторной структурной модели копинг-поведения матерей, воспитывающих детей с низким уровнем психосоциального развития (90,1 % дисперсии), наиболее весомым оказался фактор «Попытка самостоятельности» (23,3 % дисперсии) (см. Приложение Е, стр. 224). Он представляет собой совокупность переменных из состава фактора «Саморегуляция», наденного в подгруппе II, и показателя ПОК с достаточно значимой нагрузкой (0,79). Фактор мог бы быть близок по своему значению к компоненту «Самостоятельность», полученному в подгруппе I, если бы не утратил показатели, отражающие стремление решать проблемы, а взамен не приобрел бы переменные «Отвлечение» (0,67), «Конфронтация» (0,51), «Избегание проблем» (0,50), «Замещение» (0,50) и «Вступление в социальный контакт» с противоположным знаком (- 0,64). Выраженность данного фактора свидетельствует о сознательном стремлении матерей к активной деятельности по изменению ситуации и «застревании» (остановке) на этапе анализа проблемы, дальнейшей бездейственности, что препятствует к переходу к реальным действиям по изменению ситуации. Второй по значимости фактор (16,1 %) – «Активное избегание», согласно таблице 20 (см. стр. 162), объединяет в единую структуру копинг-стратегии из фактора «Социальная активность», полученного в подгруппе II, и переменные КОИ (0,52) и РП с противоположным знаком (- 0,61). Анализируя содержательную наполненность данного компонента, можно утверждать, что при задействовании социальных связей наблюдается тенденция к снижению использования стратегии «Решение проблемы». Иными словами, в данном случае социальное взаимодействие матери с ее окружением не предполагает разрешение возникшей проблемы. В еще одном, привлекающем к себе внимание факторе «Защеливание на проблеме» (13,9 %), показатель «Принятие ответственности» (0,82) тождественен по весу показателю «Самообвинение» (0,82), что находит отражение в переживании матерью чувства вины по отношению к ребенку, неоправданной самокритике и хронической неудовлетворенности собой, серьезно препятствуя разрешению проблемной ситуации (см. табл. 20, стр. 162).

Таблица 20 – Факторная структура копинг-поведения матерей детей с низким уровнем психосоциального развития (неэффективный РМК)

Фактор и процент дисперсии	Переменные (Копинг-стратегия)	Факторная нагрузка	Методика	
1. Попытки самостоятельности (23,3)	Позитивная самомотивация (SVF-10)	0,85	«ПТСЖ»	
	Психомышечная релаксация (SVF-7)	0,84		
	Снижение значения стрессовой ситуации (SVF-1)	0,83		
	2. Активное избегание (16,1)	Проблемно-ориентированный копинг (ПОК)	0,79	«КПСС»
		Самооправдание (SVF-3)	0,79	«ПТСЖ»
		Самоконтроль / Самообладание (SVF-9)	0,75	
		Самоутверждение (SVF-6)	0,74	
		Самоодобрение (SVF-2)	0,73	
		Отвлечение (SVF-4)	0,67	
		Вступление в социальный контакт (ВСК)	- 0,64	«СПСС»
		Конфронтация (К)	0,51	«ОСС»
		Избегание проблем (ИП)	0,50	«ИКС»
		Замещение (SVF-5)	0,50	«ПТСЖ»
3. Зацикливание на проблеме (13,9)	Поиск социальной поддержки (SVF-11)	0,94	«ПТСЖ»	
	Поиск социальной поддержки (ПСП)	0,87	«ИКС»	
	Субшкала «Социальное отвлечение» (ССО)	0,83	«КПСС»	
	Поиск социальной поддержки (СП)	0,82	«СПСС»	
	Решение проблемы (РП)	- 0,61	«ИКС»	
	Социальная замкнутость (SVF-14)	- 0,55	«ПТСЖ»	
	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	0,52	«ОСС»	
	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	0,52	«КПСС»	
4. Эмоциональное пролонгирование (9,2)	Принятие ответственности (ПО)	0,82	«ОСС»	
	Самообвинение (SVF-18)	0,82	«ПТСЖ»	
	Контроль над ситуацией (SVF-8)	0,75		
	«Заезженная пластинка» (SVF-15)	0,71		
	Поиск социальной поддержки (ПсоцП)	0,68	«ОСС»	
	Антиципирующее избегание (SVF-12)	0,64	«ПТСЖ»	
5. Рефрейминг (5,8)	Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК)	0,62	«КПСС»	
	Жалость (к себе) (SVF-17)	- 0,90	«ПТСЖ»	
	Беспомощность (SVF-16)	- 0,80		
	Ассертивные действия (Ас)	0,77	«СПСС»	
	Бегство от стрессовой ситуации (SVF-13)	- 0,67	«ПТСЖ»	
6. Эскапизм (Избегание реальности) (5,7)	Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК)	- 0,54	«КПСС»	
	Самоконтроль (С)	0,78	«ОСС»	
	Положительная переоценка (ПП)	0,76	«ОСС»	
	Импульсивные действия (ИД)	- 0,52	«СПСС»	
7. Агрессивность (5,1)	Прием лекарств (SVF-20)	0,80	«ПТСЖ»	
	Субшкала «Отвлечение» (СО)	0,74	«КПСС»	
	Копинг, ориентированный на избегание (КОИ)	0,62	«КПСС»	
	Замещение (SVF-5)	0,50	«ПТСЖ»	
8. Избегание (4,4)	Агрессия (SVF-19)	0,83	«ПТСЖ»	
	Осторожные действия (ОД)	- 0,79	«СПСС»	
	Асоциальные действия (АСД)	0,74		
	Агрессивные действия (Аг)	0,71		
9. Манипул-ть (3,5)	Избегание проблем (ИП)	0,74	«ИКС»	
10. Бегство (3,1)	Манипулятивные действия (МД)	0,81	«СПСС»	
	Бегство-Избегание (Б)	0,81	«ОСС»	
Процент накопленной дисперсии 90,1				

Четвертый фактор (9,2 % дисперсии) по входящим показателям получил название «Эмоциональное пролонгирование». В нем представлены имеющие относительно большие веса с противоположными знаками шкала «Ассертивные действия» с достаточно высокой нагрузкой (0,77) и стратегии, входящие в фактор «Эмотивность», выделенного в подгруппе II (матери детей со средним уровнем психосоциального развития). Подобная комбинация копинг-стратегий иллюстрирует закономерность, при которой понижение значений копинга, ориентированного на эмоции (стратегий «Бегство от стрессовой ситуации», «Беспомощность», и «Жалость к себе») приводит к росту показателей поведения по типу ассертивных действий, что довольно значимо с позиции психокоррекционных интервенций. Зачастую действия по разрешению проблемы у матерей этой подгруппы сопровождаются интенсивным эмоциональным напряжением, ощущением тревоги, угрозы, что в итоге не приводит к кардинальному разрешению, а всего лишь может способствовать частичному совладанию с проблемной ситуацией. Однако содержание следующего по значимости фактора (5,8 % дисперсии), определенного как «Рефрейминг», может свидетельствовать в пользу того, что эти матери все же способны к переоценке возникшей ситуации. Несмотря на то, что возможно этот факт в большинстве случаев не приводит к разрешению проблемы, их гармоничный баланс заверяет в том, что при возрастании самоконтроля и переоценке возникшей проблемной ситуации у матерей снижается импульсивность действий. Обнаруженная закономерность весьма информативна для коррекции поведения матерей. Еще один элемент факторной модели РМК – «Эскапизм» (5,7 % дисперсии) – объединяет копинг-стратегии: SVF-20 (0,80), СО (0,74), КОИ (0,62), SVF-5 (0,50), что обнаруживает стремление к избеганию решения проблемы за счет отвлечения от реальности посредством просмотра ТВ, «запойного» чтения книг, приема успокоительных средств, алкогольсодержащих напитков, переядания и др.

Седьмой по значимости фактор (5,1 % дисперсии) – «Агрессивность» – представляет собой основу фактора «Эгоистическая направленность», полученного в подгруппе II, однако в данном случае теряется показатель «Манипулятивные действия», а стратегия «Агрессия», напротив, усиливает свои позиции: «Агрессия» с

доминирующей нагрузкой (0,83), «Асоциальные действия» (0,74), «Агрессивные действия» (0,71) и «Осторожные действия» с противоположным знаком (- 0,79). Такой союз копинг-стратегий дает основания полагать, что понижение значений показателя ОД приводит к повышению значений стратегий «Антисоциальные действия» и «Агрессия». Три последних фактора являются специфичными для матерей подгруппы IV, аналогичных компонентов в других подгруппах не обнаружено. Каждый из них представлен практически одной шкалой, имеет созвучное с ней название и обладает соответствующими данной копинг-стратегии характеристиками. Так, восьмой фактор, объясняющий 4,4 % дисперсии – «Избегание», представлен шкалой «Избегание проблем» (0,74) из опросника «ИКС». Максимальный вклад в девятый фактор «Манипулятивность» (3,5 %) внесла копинг-стратегия «Манипулятивные действия» (0,81) из опросника «СПСС», которая согласно ее традиционному толкованию характеризуется преднамеренными и скрытыми стимуляциями другого человека к переживанию отдельных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей. Десятый фактор (3,1 %) получил наименование «Бегство», созвучное с названием представляющей и определяющей его смысловую нагрузку копинг-стратегии, – «Бегство-Избегание» (0,81) (см. табл. 20, стр. 162).

Обращает на себя внимание тот факт, что компоненты в последней факторной модели РМК объединяет одна общая особенность: многие из них включают в себя копинг-стратегии, имеющие тождественные и синонимичные названия из пяти примененных нами психодиагностических методик, основной характеристикой которых является направленность на избегание решения проблемы (см. Приложение Е, стр. 224). Другими словами, шкалы со схожими характеристиками (КОИ, И, ИП, Б, SVF-13) из разных опросников не взаимосвязаны друг с другом, образуют довольно большое количество самостоятельных факторов: «Активное избегание», «Эмоциональное пролонгирование», «Эскапизм» (Избегание реальности), «Избегание», «Бегство», что свидетельствует в сторону весьма бедного совладающего репертуара испытуемых. Отражением неэффективного РМК является амбивалентное поведение матери при взаимодействии с ребенком: нередко матери,

превозмогая себя, воспринимают или вовсе игнорируют сигналы, идущие от ребенка, могут пренебрегать его потребностями и даже избегать эмоциональных контактов с ним, что может способствовать отставанию в психосоциальном развитии последнего. Необходимо сказать, что у матерей подгруппы III, напротив, анализируемые копинг-стратегии (И, ИП, Б) сильно коррелируют, усиливая действие друг друга, и объединяются только в одном специфичном для этой подгруппы факторе, обозначенном как «Комплекс избегания». Наряду с этим, в факторных моделях РМК подгрупп I и II проявляются только две из пяти возможных копинг-стратегий, ориентированных на избегание. При этом они не коррелируют между собой и взаимосвязаны с другими стратегиями в рамках разных объясняющих факторов таким образом, что теряют свою однозначную отрицательную характеристику, отражая тот факт, что в целом для матерей обозначенных подгрупп не свойственно совладание со стрессом по типу избегания.

Выявленное распределение факторных нагрузок обращает на себя внимание еще и тем, что в образованных четырех факторных моделях РМК, шкалы из разных диагностических методик, основной характеристикой которых является фокусировка на решении проблем (РП, ПОК, Ас, ПРП и SVF-8), также по-разному коррелируют между собой. В частности, в подгруппе II прежде всего востребованной оказывается стратегия «Ассертивные действия» и несколько менее задействованы стратегии РП, ПОК, ПРП и SVF-8, которые между собой сильно коррелируют, усиливая действие друг друга, и объединяются в одном специфичном для этой подгруппы матерей факторе («Решительность»), сосредоточенном на радикальном разрешении проблемной ситуации. В то время как в подгруппе I обозначенные стратегии используются в первую очередь наряду с копинг-стратегиями «Самоконтроль» и «Самообладание». В подгруппе III фактор «Самостоятельное решение» более слабо представлен стратегиями, относящимися к самоконтролю и решению проблемы. Интересно ведут себя проблемно-ориентированные стратегии в подгруппе IV: первый фактор объединил в себе основы факторов «Ревульсия» и «Саморегуляция», выделенных в подгруппе II, которые коррелируют одновременно с

ПОК и ИП с менее значимой нагрузкой, что обличает попытки решения проблемы, но это стремление редко переходит в реальные действия по совладанию.

В факторе «Эмоциональное пролонгирование» копинг-стратегии из компонента «Эмотивность» (выделен в подгруппе II) наряду с переменной «Ассертивные действия» с противоположным знаком образуют новый фактор, который обличает закономерность: понижение значений показателей, связанных с отвлечением от проблемы, ведет к росту показателя поведения по типу разрешение проблем. Проблемно-ориентированная стратегия (SVF-8) присутствует в факторной модели РМК подгруппы IV еще в одном факторе «Зацикливание на проблеме», где она коррелирует с переменными: «Заезженная пластинка», ПсоцП, ЭОК и еще двумя показателями с высокой одинаковой нагрузкой – «Принятие ответственности» и «Самообвинение». Иными словами, ответственность и самообвинение тесно взаимосвязаны между собой и с ЭОК, что приводит к наделению копинг-стратегии ПО негативными характеристиками. В то время как в подгруппе II стратегия «Принятие ответственности» не коррелирует ни с какими другими поведенческими стратегиями совладания и представляет самостоятельный одноименный фактор. Эта же стратегия в подгруппе I носит более лояльный оттенок – избирательный.

Интересным дополнением к изложенному является следующее наблюдение: присутствие в значимых факторах копинг-стратегий, направленных на саморегуляцию, практически элиминирует асоциальные действия по типу «Агрессия». Такая стратегия либо отсутствует в факторной модели РМК вообще (в подгруппе I), либо находится в составе менее значимых факторов (в подгруппе II). Результаты соотносятся с данными, полученными в исследовании саморегуляции В. И. Моросановой, аргументированно показавшей, что чем выше уровень сознательной саморегуляции, тем ниже риск формирования асоциального, в частности, агрессивного поведения [116]. Обращает на себя внимание и то, что для матерей подгрупп I и II не свойственно использование копинг-стратегии «Импульсивные действия», в то время как в подгруппе III выделился полноценный фактор – «Импульсивность». В подгруппе IV переменная «Импульсивные действия» отрицательно коррелирует со стратегиями «Положительная переоценка» и «Самоконтроль».

Подытоживая, можно заметить, что, полученный результат объединения копинг-стратегий в факторы в каждой подгруппе испытуемых-матерей подтвердил ряд найденных на предыдущем этапе исследования результатов и дополнил их. В частности, раскрыта специфика стресс-преодолевающего поведения по типу поиск социальной поддержки и по типу поведения принятие ответственности у матерей из разных исследовательских подгрупп. Определение ранее материнского совладания у испытуемых подгрупп I и II как «активного» и «просоциального», нашло свое подтверждение в наличии в их факторных моделях раннего материнского копинга таких значимых компонентов как: в подгруппе I – «Самостоятельность», «Самоодобрение» и «Контактность», в подгруппе II – «Саморегуляция», «Ассертивность» и «Социальная активность». Установленное на предыдущем этапе исследования у матерей подгруппы III «активное – асоциальное» совладание обосновано присутствием в их факторной модели РМК компонента «Агрессивная решительность», а обнаруженное ранее у матерей подгруппы IV «пассивное – асоциальное» совладание получило доказательство в формировании большого количества факторов, включающих в себя копинг-стратегии, направленные на избегание решения проблемы, а также присутствием в их факторной модели РМК компонента «Агрессивность» (см. Приложение Е, стр. 224). Кроме того, факторный анализ позволил предотвратить дублирование информации, доставляемой сильно взаимосвязанными копинг-стратегиями и копинг-стилями, и избежать произвольных решений об эффективности тех или иных стратегий и стилей копинг-поведения матери с позиции их совладающей активности и вклада таковой в психосоциальное развитие ребенка, и с учетом этого установить критерии эффективного раннего материнского копинга. Процесс факторизации обнаружил особенности распределения копинг-стратегий у испытуемых, отнесенных к разным исследовательским материнским подгруппам и позволил сделать заключение, что о сформированности эффективного модуса раннего материнского копинга будет свидетельствовать наличие в его факторной модели прежде всего таких стилей совладания как: позитивно-саморегулирующий, ассертивный, социальный, восстановительно-ревульсивный, эмоциональный, актуальный (актуальная ответственность) и радикальный копинг-стиль.

3.5 Результаты эксперимента, формирующего эффективный модус раннего материнского копинга

Результаты исследования копинг-поведения матерей по отдельным подгруппам испытуемых обнаружили низкоэффективный и неэффективный ранний материнский копинг у 26,54 % матерей, отнесенных к подгруппам III и IV соответственно. В ряду наиболее используемых ими копинг-стратегий располагаются: «Избегание», «Дистанцирование», «Конфронтация», «Агрессия», «Социальная замкнутость», что в современной психологической науке исследователями совладания в семье (Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, Е. В. Куфтяк, О. Б. Подобина и др.) расценивается как копинг, приводящий к неблагоприятным последствиям для продуктивности, здоровья и благополучия функционирования материнско-детской системы отношений [88, 132]. Данное обстоятельство убеждает в необходимости организации целенаправленной профессиональной психологической помощи по формированию эффективного раннего материнского копинга. Согласно субъектному подходу к пониманию психологии совладающего поведения, поведение субъекта детерминируется рядом факторов: диспозиционными, ситуационными, социокультурными и регулятивными [159]. В данном параграфе рассматривается регулятивный фактор копинг-поведения матерей. Т. Л. Крюкова подчеркивает, что регулятивный фактор указывает на то, что копинг можно направленно формировать, ему можно научиться [89]. На возможность обучения эффективным стратегиям совладания указывает и ряд других отечественных исследователей Н. А. Сирота (1994, 2012), Г. С. Кобытова (2007), Е. С. Старченкова (2009), Н. Е. Водопьянова (2009, 2014), В. М. Ялтонский (2010). Так, Е. С. Старченкова, утверждает, что копинг-поведение не сводится только лишь к минимизации дистресса, акцентируя внимание на планировании копинг-поведения во временной перспективе [155].

Формирующий эксперимент содержит в своей организационной структуре систему диагностических процедур и программу формирующих воздействий, состоящую из двух модульных блоков: модульный блок I. Материнско-детские

группы «Мама и тоддлер» и модульный блок II. Материнские группы «Мамин круг», краткое содержание которой представлено в Приложении И на странице 229.

Целью эксперимента явилось направленное формирование у матерей комплекса копинг-стратегий для эффективного управления повседневными проблемными и эмоционально-насыщенными ситуациями, актуализирующимися в период раннего возраста ребенка. Цель конкретизировалась задачами:

1. Отработать умение искать и просить о помощи и поддержке (социальной, эмоциональной и др.), когда в этом есть необходимость; а также сформировать или расширить репертуар копинг-стратегий, направленных на поиск социальной поддержки, которые по своему содержанию приближены к проблемно-ориентированному копингу; т. е. сформировать базисную копинг-стратегию «Поиск социальной поддержки» во всех возможных ее конструктивных проявлениях.

2. Проработать проблемно-ориентированную стратегию «Разрешение проблем» в ситуациях, которые имеют решение, и организовать посредством использования приемов психологического рефрейминга развитие эмоционально-ориентированной стратегии «Положительная переоценка» в том случае, если адекватное решение актуальной проблемы представляется невозможным по объективным параметрам.

3. Сформировать навыки саморегулирования посредством обучения матерей элементарным релаксационным приемам, направленным на снижение психологического напряжения, возникающего в результате воздействия различных эмоционально насыщенных факторов на ранних этапах материнства.

При определении задач эксперимента мы взяли за основу представления об эффективном раннем материнском копинге с позиции совладающей активности матерей и вклада таковой в психосоциальное развитие ребенка, полученные в ходе констатирующего эксперимента (см. параграф 3.4, стр. 145). Очевидно, что выделить в чистом виде необходимые критерии эффективности («Позитивно-саморегулирующий», «Ассертивный», «Социальный», «Восстановительно-ревульсивный», «Эмотивный», «Актуальный» и «Радикальный» копинг-стили) и работать над их развитием в отдельности невозможно. На практике развитие одного критерия часто

влечет за собой созревание еще нескольких [79]. Таким образом, опираясь на данные, принятые на этапе констатирующего этапа эксперимента, акцент в программе тренинга мы решили сделать на развитии, прежде всего «Ассертивного», «Социального», «Позитивно-саморегулирующего» копинг-стилей.

Теоретической основой экспериментальной части стали труды отечественных и зарубежных психологов, специализирующихся по психологии копинг-поведения (Р. Лазарус, С. Фолькман, С. Хобфолл, Г. С. Корытова, Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, О. Б. Подобина и др.), практике социально-психологического тренинга (Е. А. Горбатова, О. В. Евтихов, Л. М. Кроль, Г. И. Марасанов и др.), психологии развития ребенка раннего возраста (Л. С. Выготский, М. И. Лисина, А. Г. Ружская, Е. О. Смирнова, В. С. Мухина, Е. А. Стребелева и др.). Современные исследования в области индивидуального консультирования и социально-психологического тренинга – специфической формы психокоррекционной работы, основанной на взаимовлиянии группы, показали, что такая форма работы обладает возможностью получения обратной связи и поддержки от матерей, имеющих общие проблемы и / или переживания с конкретным участником группы [185]. По групповой терминологии, под обратной связью понимают реакцию участников группы на поведение других с целью помочь им откорректировать его в направлении достижения цели. В процессе группового взаимодействия женщина-мама получает представление о ценностях, потребностях и трудностях других матерей. В группе женщина чувствует себя принятой и принимающей, получающей доверие и доверяющая, окруженная заботой и заботящаяся, получающая помощь и помогающая. Реакции участниц друг на друга, прокомментированные психологом, могут способствовать разрешению межличностных конфликтов, актуализирующихся в период раннего материнства. В поддерживающей и контролируемой психологом обстановке матери обучаются новым умениям, экспериментируют с различными стилями совладающего поведения. Преимущество программы в том, что матери участвуют в тренинге вместе со своими маленькими детьми. Данная программа была практически реализована в течение 9 месяцев, в период с сентября 2015 года по май 2016 года на базе консультативно-диагностической поликлиники («Центр

здоровья для детей») областного государственного учреждения здравоохранения «Областная детская больница» города Томска. До начала формирующего эксперимента из общего числа матерей, принявших участие в эмпирическом исследовании ($N = 260$) на добровольной основе, было отобрано 48 испытуемых с релевантными исследованию исходными психодиагностическими показателями, образовавших экспериментальную и контрольную группы (по 24 человека в каждой).

Группы комплектовались на основе принципов:

- 1) принцип добровольности (матери принимают самостоятельное решение об участии в тренинге);
- 2) принцип осведомленного участия (участницы должны знать, что с ними может произойти во время групповой работы).

Критериями отбора в группы послужили следующие параметры:

- 1) доминирование «пассивных» копинг-стратегий над «активными» в структуре совладающего поведения матери (числовое значение индекса соотношения пассивных и активных копинг-стратегий превышает – 0,50);
- 2) наличие в структуре копинг-поведения матери высоких показателей «пассивных» и «асоциальных» копинг-стратегий по сравнению с «активными» и «про-социальными» стратегиями (общий индекс конструктивности менее 1,1);
- 3) предпочтительное обращение (не менее, чем в два раза чаще) к комплексу «негативных» стратегий преодоления стрессовых ситуаций, способствующих усилению стресса, в сравнении с выбором комплекса «позитивных» копинг-стратегий, снижающих стресс;
- 4) наличие в факторной модели раннего материнского копинга таких компонентов как: «Эмоциональная беспомощность» (или «Эмоциональное затягивание»), «Эскапизм» («Избегание реальности»), «Комплекс избегания», «Активное избегание», «Агрессивность», «Отстранение», «Избегание», «Бегство».

Противопоказанием к включению в работу экспериментальной группы явилась неготовность матери или ребенка к групповой работе (например, психологическая неготовность, по причине болезни, отсутствия возможности регулярно посещать занятия и др.).

В сравнительном исследовании контрольная группа (КГ) имела эквивалентные возрастные и другие социально-демографические и формальные характеристики, сходные с аналогичными у испытуемых из экспериментальной группы (ЭГ). Результаты, полученные до проведения экспериментальной работы, не выявили значимых различий в уровне сформированности раннего материнского копинга в экспериментальной и контрольной группах. Матери экспериментальной группы приняли участие в программе «Ранний материнский копинг», состоящей из двух модульных блоков и направленной на формирование комплекса копинг-стратегий для эффективного управления повседневными проблемными ситуациями, неизбежно возникающими у матери в период раннего возраста ребенка, краткое содержание которой представлено в Приложении И на странице 229.

Показателями результативности эксперимента выступила сформированность целенаправленного эффективного раннего материнского копинга [53]. В качестве критериев эффективности РМК были приняты следующие параметры:

- 1) доминирование «активных» копинг-стратегий над «пассивными» в структуре совладающего поведения матерей (ИПА – менее 0,50);
- 2) высокие показатели «активных» и «просоциальных» копинг-стратегий по сравнению с «пассивными» и «асоциальными» (ИК – не менее 1,1);
- 3) предпочтительное обращение (не менее, чем в два раза чаще) к комплексу «позитивных» эмоционально-ориентированных копинг-стратегий, направленных на уменьшение (снижение) стресса по сравнению с выбором «негативных» (т. е. комплекса неоптимальных путей преодоления стресса), которые могут усилить стресс, но не преодолеть его;
- 4) наличие в факторной модели РМК таких компонентов как: «Позитивно-саморегулирующий» стиль, «Ассертивность», «Социальная активность» (или «Контактность» или «Сотрудничество»), «Восстановительно-ревульсивные действия» (или «Релаксация»), «Эмотивность», «Актуальная ответственность» и «Решительность». Организация системы по формированию заявленных компонентов строилась со спецификой работы консультативно-диагностического учреждения и с соблюдением ряда условий. В процессе проведения эксперимента учитывались

такие характерные особенности, как: нормативы психосоциального развития ребенка в возрасте от одного года до трех лет, психологические особенности материнско-детских отношений в раннем возрасте ребенка, феноменология копинг-поведения. В программе «Ранний материнский копинг» выделено два направления:

1) координация совместных действий матери и ребенка в условиях работы материнско-детских групп – «Мама и тоддлер» (Модульный блок I);

2) выработка комплекса копинг-стратегий для эффективного управления повседневными проблемными ситуациями, возникающими у матери в процессе ухода и воспитания ребенка раннего возраста, в условиях социально-психологического тренинга – «Мамин круг» (Модульный блок II).

Матери контрольной группы после первичной диагностики и до проведения повторной не принимали участие в работе программы, некоторые из них только эпизодически посещали материнско-детские группы «Мама и тоддлер».

Процедура экспериментального исследования включала четыре основных этапа:

1. Комплексная первичная психодиагностика копинг-стратегий у испытуемых-матерей экспериментальной и контрольной групп (отбор и повторный срез).

2. Проведение в экспериментальной группе (ЭГ) курса специальных встреч по психологической программе, направленной на формирование эффективного раннего материнского копинга, состоящей из двух модульных блоков.

3. Повторное проведение комплексной психодиагностики в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах матерей.

4. Оценка динамики психодиагностических показателей, а также эффективности экспериментального воздействия программы формирующего эксперимента «Ранний материнский копинг».

Первый диагностический срез был сделан в ходе проведения констатирующего этапа эксперимента и подробно описан в параграфах 3.3 (см. стр. 112) и 3.4 (см. стр. 145), на основании полученных результатов был осуществлен отбор испытуемых-матерей в экспериментальную и контрольную группы. Результаты повторного среза констатирующего этапа в ЭГ и КГ, выполненного с помощью методик

«ИКС» Дж. Амирхана, «КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера, «СПСС» С. Хобфолла, «ОСС» Р. Лазаруса, «ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна, позволили заключить отсутствие статистически значимых различий в изложенных выше показателях сформированности РМК. Оценка статистической значимости различий выраженности копинг-стратегий между экспериментальной и контрольной группами до формирующих воздействий представлена в Приложении К на странице 234.

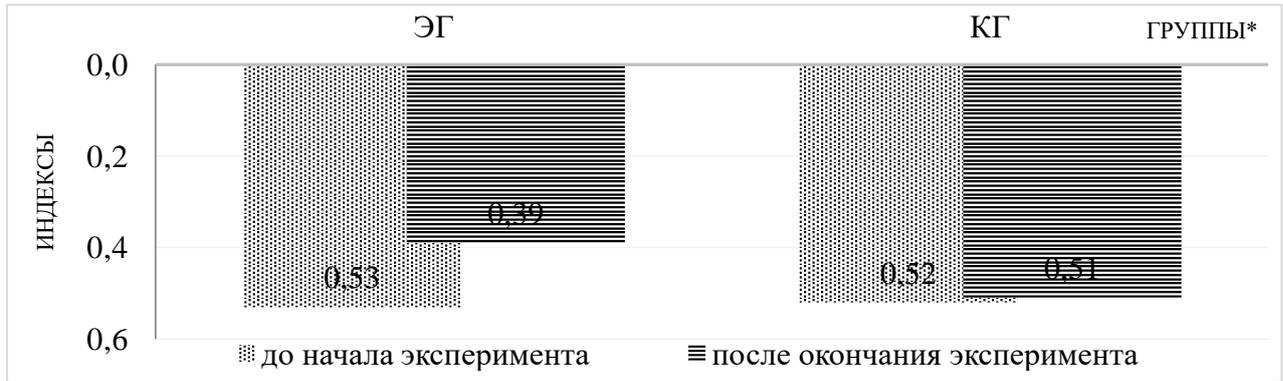
Обратимся к результатам, полученным через три месяца после окончания формирующих воздействий и их анализу. Прежде всего, обсуждение результатов исследования целесообразно начать с рассмотрения данных, характеризующих активность совладания у матерей с трудными и эмоционально-стрессовыми ситуациями, поскольку сама специфика ситуации взаимодействия с ребенком раннего возраста предполагает прежде всего активность [8, 88, 132, 167]. В таблице 21 можно наглядно увидеть, что у испытуемых экспериментальной группы через три месяца после окончания формирующего эксперимента отмечается положительная динамика бальных и весовых показателей выраженности внутри и между базисными копинг-стратегиями, отражающих активность совладания.

Таблица 21 – Показатели базисных копинг-стратегий до начала и после окончания эксперимента в экспериментальной и контрольной группах

№ п/п	Копинг-стратегии	Показатели **	Показатели копинг-стратегий			
			до эксперимента		после эксперимента	
			ЭГ*	КГ	ЭГ	КГ
1	Разрешение проблем	M±σ	20,67±2,20	19,88±2,24	24,08±1,26	18,93±3,41
		%	33,60	33,60	36,30	32,01
2	Поиск социальной поддержки	M±σ	19,54±2,89	19,29±2,46	23,83±2,90	20,08±3,84
		%	31,44	32,04	35,59	34,08
3	Избегание проблем	M±σ	21,50±1,97	20,33±2,22	18,71±1,95	19,92±2,24
		%	34,96	34,36	28,11	33,91
Индекс соотношения пассивных и активных стратегий			0,53	0,52	0,39	0,51
<p><i>Примечание:</i> *В таблице обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная. **В таблице представлены средние баллы копинг-стратегий (M – среднее арифметическое), с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 11 баллов, максимальная – 33 балла; представлено стандартное квадратичное отклонение (σ): M±σ; % – удельный вес копинг-стратегии в общей структуре базисных стратегий копинг-поведения.</p>						

В частности, как видно из таблицы 21 (см. стр. 174), внутри показателей совладающего поведения по типу «Разрешение проблем» в ЭГ установлено увеличение балльных и весовых показателей после формирующих воздействий ($p=0,000019$). Выраженность пассивной копинг-стратегии «Избегание проблем», напротив, снизилась – ($p=0,00067$). Кроме того, внутри показателей совладающего поведения по типу «Поиск социальной поддержки» установлено увеличение балльных и весовых показателей после формирующих воздействий ($p=0,00193$). Детальный расчет статистической значимости различий в показателях выраженности копинг-стратегий «до» и «после» формирующих воздействий в экспериментальной и контрольной группах представлен в Приложениях К на странице 234.

В экспериментальной группе положительно преобразовалась формула раннего материнского копинга: если до начала эксперимента лидирующую позицию в рейтинге выраженности копинг-стратегий занимала пассивная стратегия «Избегание проблем» (34,96 % от общей структуры базисных стратегий копинг-поведения), промежуточное место – «Решение проблем» (33,60 %) и менее предпочитаемой была стратегия «Поиск социальной поддержки» (31,44 %), то после окончания эксперимента обнаружена следующая формула стресспреодолевающего поведения: «Разрешение проблем» – «Поиск социальной поддержки» – «Избегание проблем». В частности, на рисунке 16 (см. стр. 176) можно увидеть, что до эксперимента в структуре совладающего поведения матерей экспериментальной группы преобладали «пассивные» стратегии над «активными», индекс их соотношения составлял 0,53, после проведения формирующего эксперимента зафиксировано обратное соотношение: преобладание «активных» стратегий над «пассивными», а числовое значение ИПА заметно снизилось до 0,39. В то время как в контрольной группе зафиксировано незначительное (статистически незначимое) снижение аналогичного показателя: активность совладающего поведения у матерей остается по-прежнему низкой – при первичной и повторной диагностике установлено преобладание «пассивных» стратегий над «активными» (см. рис. 16, стр. 176).

Примечание: *На рисунке обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.
 **Пассивные копинг-стратегии $< 0,5 \leq$ Активные копинг-стратегии.

Рисунок 16 – Соотношение пассивных и активных копинг-стратегий** в экспериментальной и контрольной группах «до» и «после» эксперимента

В таблице 22 (см. стр. 177) можно увидеть данные, полученные при помощи методики «СПСС», подтверждающие положительную динамику в экспериментальной группе, отражающуюся в увеличении показателей «активных» и «просоциальных» стратегий, ориентированных на активные действия по разрешению трудной ситуации и в снижении показателей «пассивных» и «асоциальных» стратегий совладания, проявляющихся в деструктивных формах разрядки, а также отсутствие положительной динамики в контрольной группе после проведения эксперимента. В частности, «Активная» стратегия по типу «Ассертивные действия» после эксперимента в экспериментальной группе достигает более высоких показателей ($p=0,000002$). Положительная динамика отмечается и у «просоциальной» стратегии: зафиксировано увеличение показателей по таким моделям поведения как «Вступление в социальный контакт» ($p=0,000001$) и «Поиск социальной поддержки» ($p=0,0055$). В таблице 22 (см. стр. 177) можно увидеть снижение показателей «пассивных» стратегий по типу «Осторожные действия» ($p=0,0089$) и «Избегание» ($p=0,000038$) в экспериментальной группе после формирующих воздействий. Необходимо отметить, что в экспериментальной группе до начала формирующих воздействий показатели «асоциальных» стратегий были значительно выше, чем после проведения эксперимента: «Манипулятивные действия» (до $18,54 \pm 2,05$

балла, после – $15,0 \pm 2,24$) ($p=0,000048$), «Антисоциальные действия» (до $17,46 \pm 2,51$ балла, после – $14,08 \pm 2,55$) ($p=0,0031$) и «Агрессия» ($20,54 \pm 1,99$ балла, после – $14,92 \pm 1,90$) ($p=0,0000$).

Таблица 22 – Показатели стратегий преодоления до начала и после окончания эксперимента в экспериментальной и контрольной группах

№	Шкалы методики «СПСС» С. Хобфолла		Показатели **	Показатели копинг-стратегий			
				до эксперимента		после эксперимента	
	Стратегии преодоления	Модель поведения		ЭГ*	КГ	ЭГ	КГ
1	Активная	Ассертивные действия	М±σ	16,88±2,27	17,17±2,57	22,25±2,52	16,96±2,78
			%	9,69	9,83	13,59	9,66
2	Просоциальная	Вступление в соц. контакт	М±σ	19,58±1,80	19,67±2,69	24,67±2,41	19,08±3,21
			%	11,24	11,16	15,10	10,83
3	Просоциальная	Поиск социальной поддержки	М±σ	21,0±2,61	21,79±2,38	24,46±2,92	22,17±3,33
			%	11,99	12,41	14,94	12,63
4	Пассивная	Осторожные действия	М±σ	20,92±2,43	19,58±2,66	18,42±2,74	20,21±2,33
			%	12,04	11,33	11,21	11,53
5	Прямая	Импульсивные действия	М±σ	18,46±2,32	17,21±1,81	14,75±1,87	18,42±2,36
			%	10,62	9,95	9,03	10,52
6	Пассивная	Избегание	М±σ	20,83±2,14	20,88±2,20	15,17±3,54	21,17±2,92
			%	11,93	12,14	9,23	12,07
7	Непрямая	Манипулятивные действия	М±σ	18,54±2,05	19,25±1,90	15,00±2,24	19,54±2,66
			%	10,65	11,12	9,16	11,14
8	Асоциальная	Асоциальные действия	М±σ	17,46±2,51	17,67±2,94	14,08±2,55	18,29±2,48
			%	10,01	10,24	8,61	10,43
9	Асоциальная	Агрессивные действия	М±σ	20,54±1,99	20,79±2,39	14,92±1,90	19,88±2,37
			%	11,82	11,83	9,12	11,18
Индекс конструктивности				0,98	0,99	1,63	0,99

Примечание: *В таблице обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.
 **В таблице представлены средние баллы (М) копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 6 баллов, максимальная – 30 баллов и среднее квадратичное отклонение: М±σ; % – удельный вес копинг-стратегии.

В соответствии с рисунком 17 (см. стр. 178), «активная» копинг-стратегия после формирующих воздействий достигает самых высоких показателей в экспериментальной группе, а самые низкие показатели активности выявлены у матерей

контрольной группы. Реципрокная «активная», «пассивная» копинг-стратегия максимально выражена у матерей контрольной группы. Составляющая другой диады комплементарных стратегий – «просоциальная» – имеет самые высокие показатели в ЭГ, одновременно «асоциальная» копинг-стратегия наиболее выражена в КГ. Еще одна пара стратегий преодоления – «прямая» и «непрямая» – характеризуется максимальными балльными и весовыми показателями в контрольной группе.

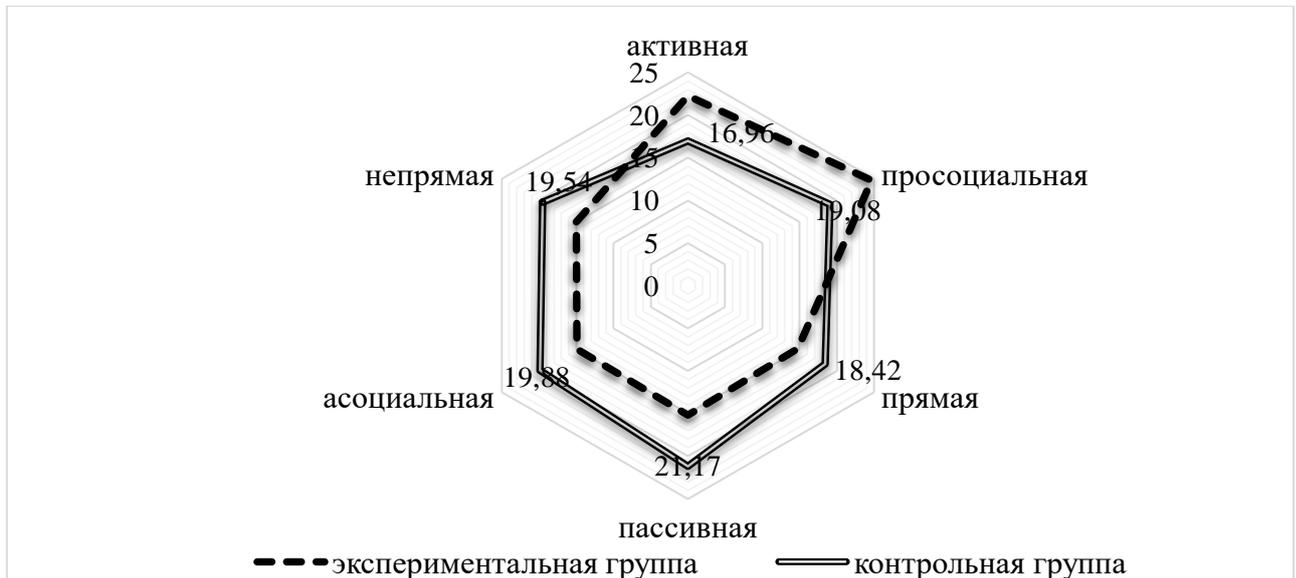
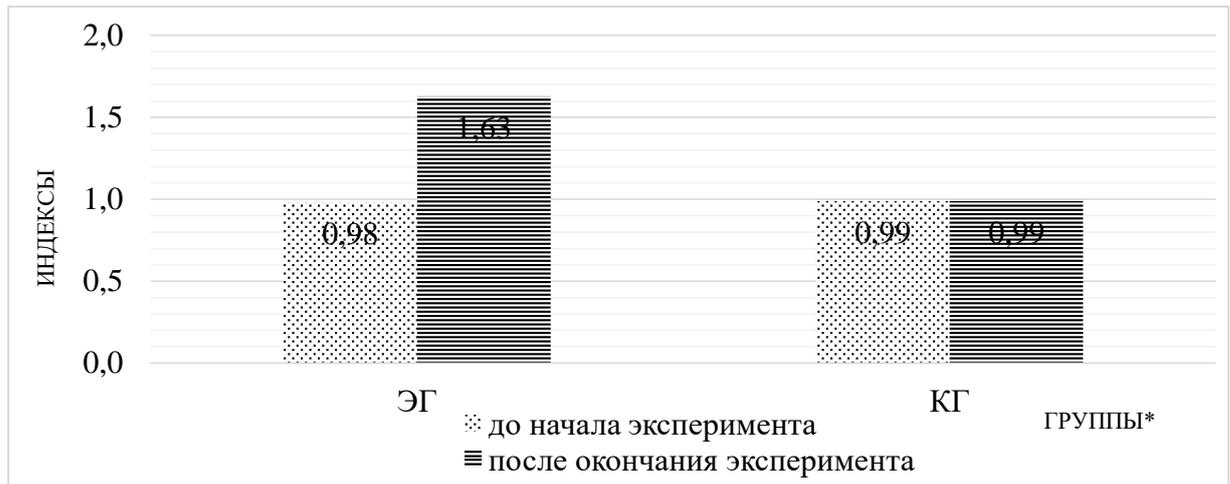

Рисунок 17 – Показатели выраженности стратегий преодоления в экспериментальной и контрольной группах после окончания эксперимента

На основании данных, отражающих удельные веса частных моделей поведения в структуре материнского копинга (см. табл. 22, стр. 177), была определена степень конструктивности моделей поведения в экспериментальной и контрольной группах «до» и «после» проведения эксперимента. На рисунке 18 (см. стр. 179) можно наглядно увидеть, что после формирующих воздействий значение индекса конструктивности в экспериментальной группе увеличилось с 0,98 до 1,63. Это свидетельствует о том, что в поведении матерей этой группы зафиксирована положительная динамика, которая отражается в значительном уменьшении задействования при совладании неконструктивных копинг-стратегий и в существенном увеличении применения конструктивных стратегий совладания.

Примечание: *На рисунке обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.
 ** Средняя степень конструктивности < 1,1 < Высокая степень конструктивности

Рисунок 18 – Индекс конструктивности** в экспериментальной и контрольной группах до начала и после окончания эксперимента

В экспериментальной группе после проведения эксперимента заметно изменилось и эмоциональное совладание (см. табл. 23, стр. 180). Результаты, полученные с помощью методики «ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна, позволили установить снижение балльных показателей таких эмоционально-ориентированных копинг-стратегий, как: «Бегство от стрессовой ситуации» (до экспериментальных вмешательств $16,75 \pm 2,80$ балла, после – $12,92 \pm 1,65$; $p=0,0000$), «Беспомощность» (до – $14,96 \pm 1,27$ балла, после – $11,88 \pm 1,39$; $p=0,0000$), «Жалость к себе» (до – $15,08 \pm 1,05$ балла, после – $12,04 \pm 2,39$; $p=0,0005$), «Самообвинение» ($16,75 \pm 2,14$ балла, после – $14,54 \pm 2,99$; $p=0,012$), «Социальная замкнутость» (до – $15,79 \pm 1,03$, после – $11,0 \pm 1,81$; $p=0,0000$) и «Агрессия» (до – $16,79 \pm 3,12$, после – $11,83 \pm 2,52$; $p=0,0001$).

Эмоционально-ориентированное совладание уступило лидирующие места сфокусированному на проблеме копингу, а именно: обнаружено статистически значимое увеличение показателей: «Контроль над ситуацией» (до экспериментальных вмешательств – $18,96 \pm 1,47$ балла, после – $23,58 \pm 2,13$; $p=0,0000$) и «Самоконтроль / самообладание» (до – $17,21 \pm 1,25$ балла, после – $23,08 \pm 1,89$; $p=0,0000$). Стратегия «Социальная замкнутость» уступила место поведению по типу «Поиск социальной

поддержки», а копинг-стратегия «Самообвинение» – стратегии «Самоодобрение» (см. табл. 23).

Таблица 23 – Показатели копинг-стратегий до начала и после окончания эксперимента в экспериментальной и контрольной группах

№ п/п	Копинг-стратегии	Показатели копинг-стратегий, баллы**			
		до эксперимента		после эксперимента	
		ЭГ*	КГ	ЭГ	КГ
1	Снижение значения ситуации	16,17±2,34	15,08±0,89	19,08±2,87	14,46±2,43
2	Самоодобрение	13,38±1,08	13,71±1,36	16,96±2,28	12,46±1,89
3	Самооправдание	14,71±1,34	14,63±0,39	17,88±2,57	15,0±2,75
4	Отвлечение	15,54±1,49	15,54±2,32	17,04±2,67	16,04±2,79
5	Замещение	15,25±1,50	15,08±2,35	17,0±3,29	16,04±3,75
6	Самоутверждение	15,88±1,42	15,38±1,57	17,92±3,89	15,42±3,59
7	Психомышечная релаксация	15,29±1,65	14,04±2,14	18,58±2,94	13,50±3,49
8	Контроль над ситуацией	18,96±1,47	15,57±2,10	23,58±2,13	15,17±2,79
9	Самоконтроль/самообладание	17,21±1,25	17,04±1,99	23,08±1,89	17,54±2,66
10	Позитивная самомотивация	15,75±2,20	17,08±2,14	21,75±2,86	18,04±3,60
11	Поиск социальной поддержки	16,08±2,04	16,13±3,92	20,88±3,43	16,83±3,36
12	Антиципирующее избегание	19,08±2,24	16,0±2,36	20,13±4,08	16,63±3,87
13	Бегство от стрес. ситуации	16,75±2,80	15,29±2,07	12,92±1,65	15,96±3,54
14	Социальная замкнутость	15,79±1,03	13,29±1,81	11,0±1,81	14,63±2,56
15	«Заезженная пластинка»	20,13±2,18	19,38±1,56	13,54±1,63	19,75±3,71
16	Беспомощность	14,96±1,27	13,83±1,13	11,88±1,39	12,75±1,83
17	Жалость (к себе)	15,08±1,05	13,85±1,16	12,04±2,39	13,13±2,45
18	Самообвинение	16,75±2,14	15,42±1,44	14,54±2,99	16,54±3,10
19	Агрессия	16,79±3,12	16,17±3,05	11,83±2,52	15,67±3,09
20	Прием лекарств	9,58±0,23	10,08±0,68	7,79±1,29	10,04±2,51
Общ. сумма позитивных стратегий		158,13	155,13	192,88	153,67
Общ. сумма негативных стратегий		99,46	91,04	75,92	92,75
Положительный 1		44,25	43,42	53,92	41,92
Положительный 2		61,96	60,04	70,54	61,0
Положительный 3		51,92	51,67	68,42	50,75
<i>Примечание: *В таблице обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.</i>					
<i>**В таблице представлены средние баллы (M – среднее арифметическое) копинг-стратегий, с учетом того, что минимальная оценка по каждой шкале – 6 баллов, максимальная – 30 балла и среднее квадратичное отклонение: M±σ.</i>					

На рисунке 19 (см. стр. 181) можно наглядно увидеть повышение совладающей активности матерей после формирующих воздействий в экспериментальной группе.

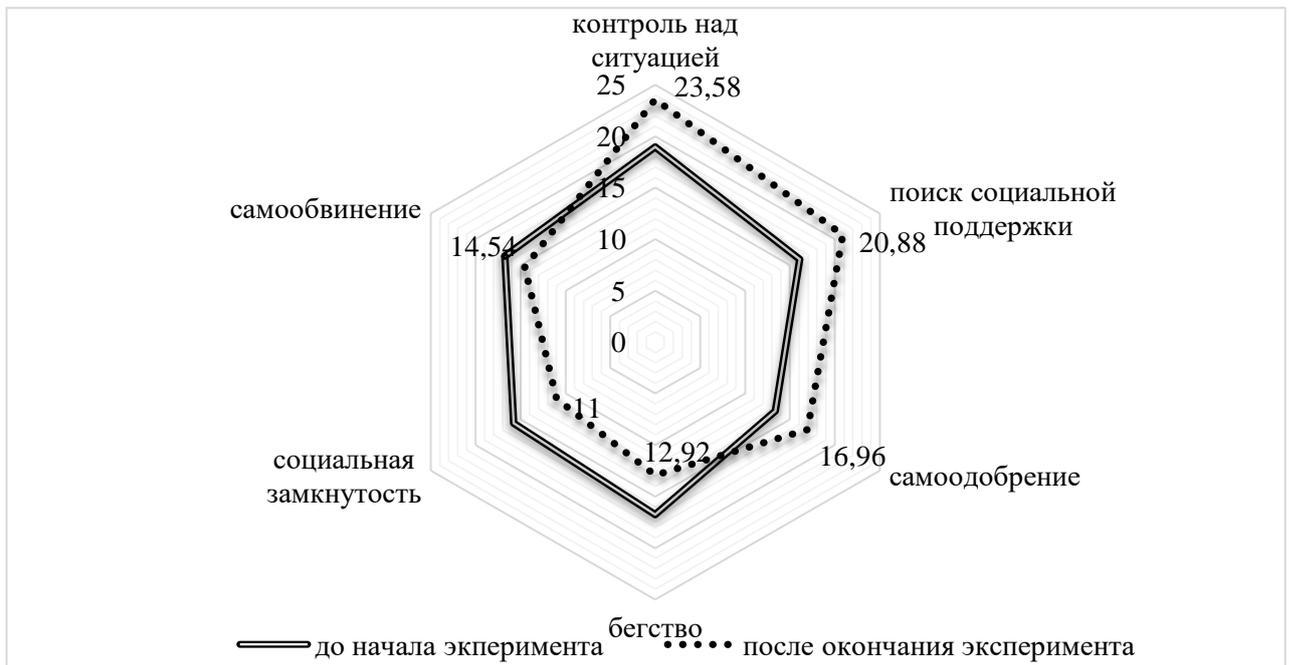
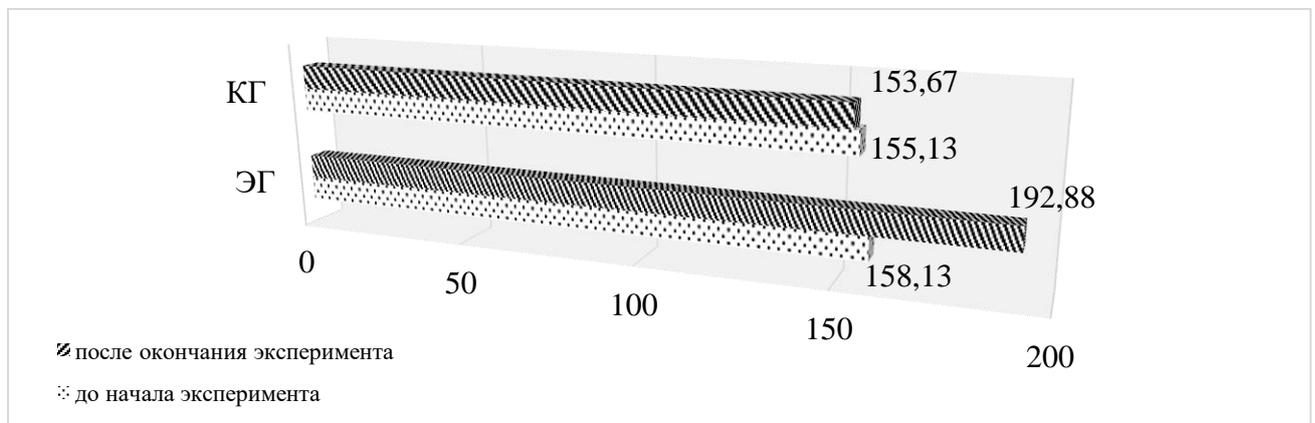

Рисунок 19 – Показатели выраженности копинг-стратегий в экспериментальной группе до начала и после окончания эксперимента

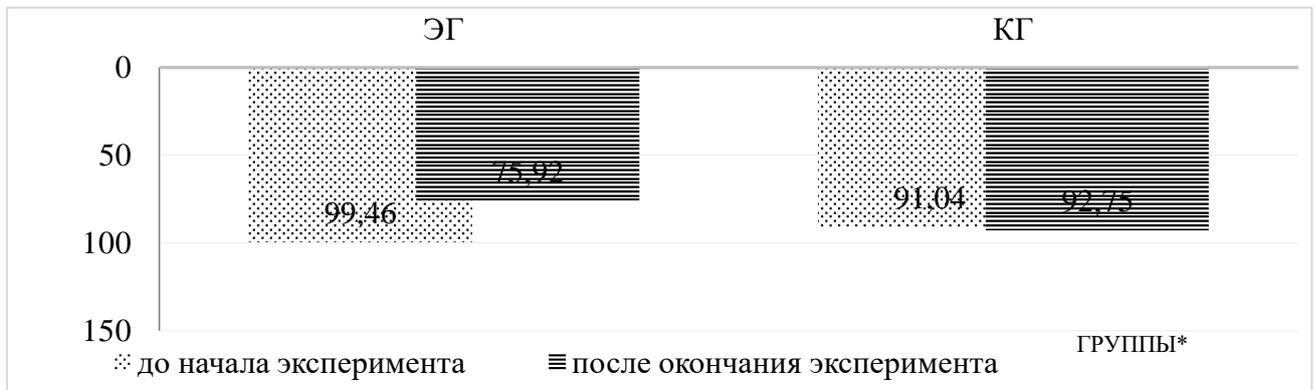
Анализ представленных на рисунках 20 и 21 (см. стр. 182) результатов позволяет сделать вывод, что между экспериментальной и контрольной группами после проведения эксперимента общая сумма «позитивных» стратегий и общая сумма «негативных» копинг-стратегий имеют статистически достоверные различия на высоком уровне значимости ($p < 0,001$).

Примечание: *На рисунке обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.

Рисунок 20 – Общая сумма «позитивных» стратегий в экспериментальной и контрольной группах до начала и после окончания эксперимента

У матерей экспериментальной группы после проведения программы эксперимента значительно увеличилась общая сумма «позитивных» стратегий и снизилась общая сумма «негативных» стратегий совладания. Одноименные показатели в контрольной группе, как наглядно можно увидеть на рисунках 20 (см. стр. 181) и 21, остались без динамики.

Примечание: *На рисунке обозначены группы: ЭГ – экспериментальная; КГ – контрольная.

Рисунок 21 – Общая сумма «негативных» копинг-стратегий в экспериментальной и контрольной группах до начала и после окончания эксперимента

Анализируя результаты исследования раннего материнского копинга в КГ и ЭГ до начала и после окончания формирующих воздействий, мы можем заключить, что формирующие воздействия оказались эффективными. В ЭГ после проведения эксперимента оптимальность и конструктивность изменений в поведении матерей проявляется в значительном уменьшении выбора копинга, направленного на применение пассивных и асоциальных стратегий, и в функциональном и адекватном использовании активных и просоциальных копинг-стратегий, сфокусированных на решении проблемы, на что указывают прежде всего следующие показатели:

1) преобладание «активных» копинг-стратегий над «пассивными»: индекс соотношения пассивных и активных копинг-стратегий снизился с 0,53 до 0,39;

2) высокие показатели «активных» и «просоциальных» копинг-стратегий по сравнению с «пассивными» и «асоциальными» – общий индекс конструктивности с 0,98 вырос до 1,63;

3) общая сумма «позитивных» стратегий, способствующих снижению стресса, возросла с 158,13 баллов до 192,88; в то время как общая сумма «негативных» стратегий, усиливающих стресс, снизилась с 99,46 до 75,92 баллов, таким образом, зафиксировано обращение к «позитивным» стратегиям более, чем в два раза по сравнению с выбором «негативных» стратегий.

На следующем этапе исследования материнского копинга в экспериментальной и контрольной группах до и после формирующих воздействий применялся факторный анализ. В обеих группах факторизовалась корреляционная матрица взаимосвязей 45 показателей: основных копинг-стилей и стратегий совладания испытуемых-матерей, перечень которых представлен в Приложении В на странице 221. Более высокий процент общей изменчивости исследуемых копинг-стратегий и стилей в обеих группах, а соответственно и наиболее информативный результат по описанию имеющихся закономерностей данных, дал метод главных компонент. Для дальнейшей содержательной интерпретации осуществлялось вращение полученной системы общих факторов методом нормализованный квартимакс. Установлено, что до начала формирующих воздействий факторные модели РМК экспериментальной и контрольной групп не имели принципиальных отличий, а напротив, наиболее значимые факторы имели общую основу. В частности, факторами, объясняющими наибольший процент дисперсии в обеих группах, явились:

1) «Эмоциональная беспомощность» (ЭОК (0,77); «Беспомощность» (0,75); «Самообвинение» (0,70));

2) «Эскапизм» (КОИ (0,87); Субшкала «Отвлечение» (0,78); «Отвлечение» (0,65); «Дистанцирование» (0,56); «Прием лекарств» (0,56));

3) «Комплекс избегания» («Избегание проблем» (0,78); «Избегание» (0,56); «Антиципирующее избегание» (0,59));

4) «Активное избегание» («Поиск социальной поддержки» (0,72); «Избегание» (0,65));

5) «Агрессивность» («Агрессия» (0,90)). Присутствие основ представленных факторов в обеих группах подтверждает обнаруженные результаты, изложенные выше, а также правомерность отбора групп с целью формирующих воздействий.

Факторная модель раннего материнского копинга в экспериментальной группе после формирующих воздействий претерпела значительные преобразования в отличие от таковой в контрольной группе, где компоненты остались практически неизменными. Зафиксированы следующие положительные изменения (ЭГ):

1. Выделился фактор «Самостоятельность», объединивший проблемно-ориентированный копинг (0,87); «Ассертивные действия» (0,68); «Контроль над ситуацией» (0,54); «Самоутверждение» (0,87); «Самоконтроль» (0,83); «Позитивная самомотивация» (0,63); «Антиципирующее избегание» (0,53).

2. Фактор «Активное избегание» трансформировался в фактор «Социальная активность», названный по входящим в него стратегиям: «Поиск социальной поддержки» (0,91) (методика «СПСС»); «Поиск социальной поддержки» (0,86) (методика «ПТСЖ»); «Поиск социальной поддержки» (0,80) (методика «ИКС»); «Вступление в социальный контакт» (0,71) (методика «СПСС») и «Поиск социальной поддержки» (0,57) (методика «ОСС»).

3. Фактор «Эмоциональная беспомощность» преобразовался в фактор «Стиль восстановительно-ревульсивных действий», связавши переменные: копинг, ориентированный на избегание (0,62); Субшкала «Отвлечение» (0,57); «Замещение» (0,60); «Отвлечение» (0,70); «Психомышечная релаксация» (0,65);

4. Обнаружен еще один фактор – «Решение проблем», представлен практически одной шкалой «Решение проблем» (0,84) и имеет соответствующие данной стратегии характеристики.

Таким образом, ФА позволил избежать произвольности решений об успешности проведенного эксперимента, формирующего эффективный модус раннего материнского копинга и подтвердил целесообразность организации работы программ психологической помощи, адресованных матерям, воспитывающим детей раннего возраста. Групповая форма работы предоставила матерям уникальный шанс снять ощущение исключительности, редкости собственных трудностей, позволила получить обратную связь и взглянуть на свой опыт материнства с другой позиции. Кроме этого, программа формирующего эксперимента обеспечила воз-

можность научиться общению матери с ребенком другими, ранее не использовавшимися способами, а также расширить репертуар копинг-стратегий, направленных на поиск социальной поддержки и отработать важные копинг-навыки необходимые для разрешения типичных проблемных ситуаций, связанных с уходом и воспитанием ребенка.

Выводы по главе 3

Подведение итогов изучения особенностей раннего материнского копинга и структурной организации системы копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития, позволяет сделать ряд эмпирически верифицированных выводов:

1. Установленные статистически значимые различия в предпочтении определенных копинг-стратегий матерями, воспитывающими детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития, позволяют констатировать наличие взаимосвязи раннего материнского копинга и психосоциального развития ребенка, делая в свою очередь возможным заключение, что чем выше совладающая активность матери, тем выше уровень развития ребенка.

2. В структурно-содержательной организации раннего материнского копинга с позиции вклада в психосоциальное развитие ребенка выделяются адаптивные (имеющие эффективный модус раннего материнского копинга) и неадаптивные (имеющие неэффективный модус раннего материнского копинга) копинг-стратегии преодоления проблемных и эмоционально-насыщенных ситуаций матерями, воспитывающими детей раннего возраста.

3. Эффективный ранний материнский копинг характеризуется максимальной эксплицированностью совладания, проявляющейся в ориентированности на приближение к проблеме, в содержательности и глубине представлений о возможных путях ее разрешения, в реализации активных целенаправленных действий с широким задействованием социальных контактов для решения трудной ситуации.

4. Неэффективный ранний материнский копинг (минимальная эксплицированность материнского совладания), отражается в преимущественном отстранении от ситуации с тенденцией к эскапизму как способу избегания разрешения матерью проблемных ситуаций посредством ухода в мир иллюзий, в принятии ответственности за здоровье и благополучие ребенка с отчетливым компонентом неоправданной самокритики, отказе от саморегуляции, склонности к уклонению от социальных контактов, либо их использование для выражения эмоциональной экспрессии, в том числе включая агрессивные и манипулятивные попытки совладания.

5. Эффективный модус раннего материнского копинга способствует нормативному либо опережающему сверстников психосоциальному развитию ребенка в раннем возрасте. Предпочтение в выборе неэффективных, с «негативным» модусом эмоционально-ориентированных копинг-стратегий по сравнению с эффективными, сопряженными с «позитивным» модусом копинг-стратегиями, препятствует успешности психосоциального развития ребенка, приводя как к легкому, так и к выраженному отставанию в психосоциальном развитии детей раннего возраста.

6. Выявлена объективная необходимость проведения целенаправленной работы по формированию эффективного (адаптивного) копинг-поведения матери в отдельно взятом возрастном периоде развития ребенка (1 – 3 года). Установлено, что каждый четвертый ребенок (26,54 %) раннего возраста, не имеющий соматических или психических заболеваний, способных заметно повлиять на его развитие, отстает в актуальном психосоциальном развитии от сверстников на три и более месяцев, а для их матерей присущ низкоэффективный и неэффективный ранний материнский копинг.

7. Программы психологической помощи матерям, преодолевающим проблемные и эмоционально-стрессовые ситуации, инициирующиеся в период раннего возраста ребенка, осуществляемые посредством специально организованной психологической поддержки в формах индивидуальной и групповой работы, направленные на освоение активных копинг-стратегий сфокусированного на проблеме совладания, могут рассматриваться как средство формирования эффективного модуса раннего материнского копинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический анализ работ, отражающих позиции исследователей относительно проблемы копинг-поведения матери и особенностей функционирования системы материнско-детских отношений в период раннего возраста ребенка, позволил убедиться в существовании как потенциальных возможностей, так и вероятных рисков для развития личности как матери, так и ребенка в обозначенный период. Период ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком раннего возраста (тоддлером) для матери по уровню стрессогенности напрямую соотносится с пролонгированным по временным параметрам ролевым напряжением и стрессом от общего воздействия закономерно возникающих и неизбежно накапливающихся ежедневных трудных и эмоционально-насыщенных ситуаций. То, как мать справляется с этими ситуациями, важно для аффективного контекста, в котором развиваются отношения между ней и маленьким ребенком. В современной психологии общепризнано, что опыт, полученный ребенком в ранних отношениях с матерью выступает источником развития его личности. Такое положение обнаруживает высокую теоретическую и практическую значимость вопросов, связанных с проблематикой совладающего поведения матери, воспитывающей ребенка до достижения им трехлетнего возраста, в сочетании с явно недостаточным уровнем их прикладной разработанности. Подобные обстоятельства актуализировали интерес к изучению копинг-поведения матери, занятой воспитанием ребенка раннего возраста и взаимосвязи такого поведения с психосоциальным развитием тоддлера.

Для обозначения специфического процесса разрешения матерью повседневных проблемных и эмоциогенных ситуаций, неизбежно возникающих при непосредственном взаимодействии, воспитании и организации ухода за ребенком раннего возраста, в научный тезаурус психологии было введено новое понятие «ранний материнский копинг» (РМК). Такая разновидность материнского поведения определена как осознанные усилия матери, сосредоточенные на преодолении и переживании реальных и / или воспринимаемых таковыми проблемных ситуаций, по-

средством задействования совокупности поведенческих стратегий (копинг-стратегий, -стилей), направленных на совладание с материнским стрессом. Используя данный личностный конструкт, мы обращаемся к динамическому, контекстуальному и регулятивному аспектам совладания, подчеркивая актуальность изучения и формирования эффективного (адаптивного) копинг-поведения матери в отдельно взятом возрастном периоде развития ребенка (1 – 3 года). Целевой направленностью РМК выступают сохранение и развитие конгруэнтности личности матери, успешность реализации материнских функций и превенция синдрома материнского выгорания; построение гармоничных материнско-детских отношений, успешность психосоциального развития ребенка и превенция неявно выраженных отклонений в его развитии, сопряженных с неэффективностью дезадаптивного поведения матери в трудных ситуациях материнства на ранних его этапах.

Принимая во внимание результаты проведенного эмпирического исследования, можно с достаточной определенностью утверждать, что существует взаимосвязь между копинг-поведением матери, детерминированным требованиями ситуации воспитания маленького ребенка и опосредствующим условия для его роста и формирования, и психосоциальным развитием ребенка. Которая проявляется в следующей закономерности: чем выше уровень совладающей активности матери, тем выше уровень психосоциального развития ее ребенка. К главным характеристикам эффективного раннего материнского копинга, обеспечивающего здоровое функционирование системы «мать – ребенок» в раннем детстве в контексте повседневных трудных и стрессогенных ситуаций относятся: саморегуляция, ассертивность, целенаправленная социальная активность, ревульсия, эмотивность, актуальная ответственность, решительность, приоритетность, эгоистическая направленность и компенсация. Аналитический обзор внутреннего содержания обозначенных личностных конструктов позволил сформировать эмпирически обоснованное представление о типичном и эффективном, с позиции вклада в психосоциальное развитие ребенка, копинг-поведении матери до достижения ребенком трехлетнего возраста. В подавляющем большинстве оно социально активно, адаптивно и ориентировано на

предвосхищение и предотвращение возможного негативного влияния повседневных проблем и стрессогенных ситуаций на самочувствие маленького ребенка. Проблемные ситуации воспринимаются матерями преимущественно как потенциально разрешимые, однако требующие уточнения условий и дополнительного информационного ресурса. В этой связи мать активно обращается за помощью и поддержкой к окружающей ее среде, устанавливает новые социальные контакты, формирует иное видение проблемы и оценки своей позиции в ее преодолении. Характерна тенденция к одновременному использованию нескольких стилей копинг-поведения при доминировании направленного на решение проблемы, который отражается, прежде всего, в востребованности копинг-стратегий, сопряженных с ассертивностью, матерям в данном случае не свойственна импульсивность. Также задействуются поведенческие стратегии, проявляющиеся решительностью материнского поведения, контролем над проблемной ситуацией, ее планированием и разрешением. Заслуживает быть отмеченной способность матери контролировать собственные реакции и поведение с целью не навредить ребенку, что проявляется в достаточно частом использовании копинг-стратегий, ориентированных на самоконтроль, самообладание, самоодобрение, позитивную самомотивацию. Это позволяет нивелировать возможное негативное воздействие на развитие ребенка свойственной матери в обсуждаемый период излишней эмоциональной чувствительности ко всему происходящему, положительная сторона которой, обеспечивает возможность эмоционально переживать стимуляцию от ребенка и выражать свои эмоции во взаимодействии с ним, участвовать в его эмоциональной жизни. Показателен и тот факт, что принятие ответственности по своему содержанию релевантно требованиям ситуации, она адекватно делегируется и разделяется с доверительным лицом, что в данном случае является средством регуляции у матери эмоционального напряжения.

В то же время содержательный анализ копинг-стратегий, являющихся составной частью неэффективного раннего материнского копинга с позиции его взаимосвязи с психосоциальным развитием ребенка показал, что такой копинг по большей части пассивен и асоциален, иллюстрацией к чему является тенденция к

преодолению проблемных ситуаций с высокими показателями «пассивных» и «асоциальных» копинг-стратегий по сравнению с «активными» и «просоциальными». Обращает на себя внимание довольно бедный репертуар механизмов анализируемого копинг-поведения. Матери с таким копингом вовлечены в разрешение проблемной ситуации преимущественно на аффективном уровне, что обнаруживается в склонности к избыточному эмоциональному реагированию на стрессовую ситуацию, концентрации на эмоциях и их активном выражении. Так, ответственность за здоровье и благополучие ребенка вызывает у матери широкий спектр эмоционально-фокусированных мыслей с отчетливым компонентом неоправданной самокритики, самообвинения и самобичевания, погружающих ее в свои собственные переживания, и мешающих быть сопричастной к эмоциональным волнениям и психологическим потребностям ребенка. Данное явление обнаруживается в обращении к эмоционально-ориентированным стратегиям, проявляющимися жалостью к себе, ощущением беспомощности, наряду с самообвинением, агрессивностью, социальной замкнутостью и стремлением к эскапизму как способу избегания решения проблем посредством ухода в мир иллюзий, в отказе от саморегуляции. Поведенческая стратегия, выражающаяся поиском социальной поддержки, реализуется в обращении к близким прежде всего для проявления эмоциональной экспрессии, а не для решения проблемы. Для проблемно-ориентированного совладания характерно использование копинг-стратегий, обнаруживающих себя конфронтацией, импульсивными и манипулятивными действиями, обличающимися в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием агрессивных эмоций, выражающихся в тенденции к обвинению окружающих в чем-либо, испытыванию чувства гнева, внутренней напряженности, неудовлетворенности, разочарования, зачастую наряду с преднамеренными и скрытыми стимуляциями другого человека к переживанию отдельных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором-матерью своих личных целей.

Строго говоря, повседневная жизнь приводит к формированию у матери индивидуального набора копинг-стратегий, но следует констатировать, что освоение новых способов совладания может обеспечить способность контролировать свое

состояние и управлять широким кругом жизненных ситуаций, тем самым открывая возможности для успешного развития личности как матери, так и ребенка раннего возраста. В частности, результаты проведенной экспериментальной работы по целенаправленному формированию эффективного раннего материнского копинга продемонстрировали целесообразность организации работы программ психологической помощи, адресованных матерям детей раннего возраста. Оптимальность и конструктивность изменений в копинг-поведении матерей связана с расширением репертуара и повышением гибкости в использовании качественно более совершенных копинг-стратегий принципиально пригодных для разрешения проблемных ситуаций, возникающих при непосредственном взаимодействии, воспитании и уходе за ребенком раннего возраста, в частности, в существенном снижении выбора копинга, ориентированного на применение пассивных и асоциальных стратегий, и в функциональном и адекватном задействовании активных и просоциальных, сосредоточенных на разрешении проблемы.

Таким образом, в процессе изучения особенностей раннего материнского копинга и структурной организации системы копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с разным уровнем психосоциального развития, исходная гипотеза о существовании взаимосвязи раннего материнского копинга и психосоциального развития ребенка, выдвинутая на начальном этапе исследования, была подтверждена, полностью решены поставленные задачи и достигнута цель исследования. Вместе с тем, проведенное исследование не может претендовать на полное решение проблемы раннего материнского копинга, так как в нем в рамках обозначенных целей и задач был сделан акцент на изучении обозначенного предмета, а потому открывает перспективы для дальнейшего продолжения работы в данном направлении. Важным представляется изучение влияния раннего материнского копинга на психосоциальное развитие детей, а также исследование его проявлений в контексте материнского выгорания и в социокультурном контексте. Продолжение исследования в обозначенном направлении, на наш взгляд, является весьма перспективным и актуальным для психологической науки и практики.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

АВ – расчетный актуальный возраст психосоциального развития ребенка

Абс – абсолютный показатель напряжения копинг-стратегии

Аг – копинг-стратегия «Агрессивные действия»

Ас – копинг-стратегия «Ассертивные действия»

АСД – копинг-стратегия «Асоциальные действия»

Б – копинг-стратегия «Бегство-Избегание»

ВСК – копинг-стратегия «Вступление в социальный контакт»

Д – копинг-стратегия «Дистанцирование»

И – копинг-стратегия «Избегание»

ИД – копинг-стратегия «Импульсивные действия»

ИК – индекс конструктивности стратегий совладания

ИКС – психодиагностическая методика «Индикатор копинг-стратегий»

ИП – копинг-стратегия «Избегание проблем»

ИПА – индекс соотношения пассивных и активных копинг-стратегий

К – копинг-стратегия «Конфронтация»

КГ – контрольная группа

КОИ – копинг, ориентированный на избегание

КПСС – психодиагностическая методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»

ЛО – группа детей с легким отставанием в психосоциальном развитии

М – среднее арифметическое

МД – копинг-стратегия «Манипулятивные действия»

Ме – медианный балл

Н – *H*-критерий Крускала-Уоллиса

НР – группа детей с нормативным психосоциальным развитием

ОД – копинг-стратегия «Осторожные действия»

ОР – группа детей с опережающим психосоциальным развитием

ОСС – психодиагностическая методика «Опросник способов совладания»

ОТС – группа детей с отставанием в психосоциальном развитии

ПО – копинг-стратегия «Принятие ответственности»

ПОК – проблемно-ориентированный копинг

ПП – копинг-стратегия «Положительная переоценка»

ПРП – копинг-стратегия «Планирование решения проблемы»

ПсоцП – копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки»

ПСП – копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки»

ПТСЖ – психодиагностическая методика «Преодоление трудных жизненных ситуаций»

РМК – ранний материнский копинг

РП – копинг-стратегия «Разрешение проблем»

С – копинг-стратегия «Самоконтроль»

СК – социальный коэффициент

СО – субшкала «Отвлечение»

СП – копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки»

СПСС – психодиагностическая методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»

ССО – субшкала «Социальное отвлечение»

ФА – факторный анализ

ХВ – хронологический возраст

ШИСКДМ – психодиагностическая методика «Шкала измерения социальной компетентности Долла (модифицированная)»

ЭГ – экспериментальная группа

ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг

RCDI-2000 – психодиагностическая методика «Шкалы оценки развития ребенка» («Child Development Inventory»)

SVF-1 – копинг-стратегия «Снижение значения стрессовой ситуации»

SVF-2 – копинг-стратегия «Самоодобрение»

SVF-3 – копинг-стратегия «Самооправдание»

SVF-4 – копинг-стратегия «Отвлечение»

SVF-5 – копинг-стратегия «Замещение»

SVF-6 – копинг-стратегия «Самоутверждение»

SVF-7 – копинг-стратегия «Психомышечная релаксация»

SVF-8 – копинг-стратегия «Контроль над ситуацией»

SVF-9 – копинг-стратегия «Самоконтроль / самообладание»

SVF-10 – копинг-стратегия «Позитивная самомотивация»

SVF-11 – копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки»

SVF-12 – копинг-стратегия «Антиципирующее избегание»

SVF-13 – копинг-стратегия «Бегство от стрессовой ситуации»

SVF-14 – копинг-стратегия «Социальная замкнутость»

SVF-15 – копинг-стратегия «Заезженная пластинка»

SVF-16 – копинг-стратегия «Беспомощность»

SVF-17 – копинг-стратегия «Жалость» (к себе)

SVF-18 – копинг-стратегия «Самообвинение»

SVF-19 – копинг-стратегия «Агрессия»

SVF-20 – копинг-стратегия «Прием пищи, лекарств и / или использование химических средств»

«I» – исследовательская подгруппа матерей, воспитывающих детей с высоким уровнем психосоциального развития (качественная оценка психосоциального развития детей: опережающее развитие)

«II» – исследовательская подгруппа матерей, воспитывающих детей, имеющих средний уровень психосоциального развития (нормативный, соответствующий календарному возрасту)

«III» – исследовательская подгруппа матерей, воспитывающих детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего (качественная оценка развития детей: легкое отставание)

«IV» – исследовательская подгруппа матерей, воспитывающих детей с низким уровнем психосоциального развития (качественная оценка психосоциального развития детей: отставание)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, О. В. Современные подходы к нейроповеденческой диагностике детей раннего возраста / О. В. Абрамова, Б. М. Коган // Системная психология и социология. – 2014. – № 2 (10). – С. 36–47.
2. Абульханова, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология. Высшая школа экономики. – 2005. – Т. 2, № 4. – С. 3–22.
3. Анциферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анциферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3–18.
4. Бабич, Е. Г. Совладающее поведение в семье. Особенности совладающего поведения родителей, воспитывающих детей-инвалидов / Е. Г. Бабич, В. Г. Тактаров. – Москва-Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 179 с.
5. Базалева, Л. А. Личностные факторы эмоционального выгорания матерей / Л. А. Базалева, А. А. Смирнова // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – Т. 1, № 2 (41). – С. 378–384.
6. Базалева, Л. А. Содержательная характеристика материнских нагрузок в отношениях с детьми / Л. А. Базалева // Человек. Искусство. Вселенная. – 2017. – № 1. – С. 228–234.
7. Бандура, А. Теория социального научения : Пер. с англ. / А. Бандура. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с.
8. Белан, Е. А. Концепция психологии активности в жизненных ситуациях / Е. А. Белан // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 3. – С. 228–232.
9. Белорукова, Н. О. Семейные трудности и совладающее поведение на разных этапах жизненного цикла семьи : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. О. Белорукова. – Кострома, 2005. – 28 с.
10. Берестнева, О. Г. Математические методы в психологии и педагогике / О. Г. Берестнева, Е. А. Муратова, И. Л. Шелехов, О. С. Жаркова, А. М. Уразаев. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2012. – 276 с.

11. Берестнева, О. Г. Системный анализ и информационные технологии в задачах исследования гендерных и личностных особенностей современных женщин / О. Г. Берестнева, О. С. Жаркова, И. Л. Шелехов. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 294 с.
12. Берн, Э. Л. Трансакционный анализ в психотерапии : Пер. с англ. / Э. Л. Берн. – Москва : Эксмо, 2009. – 416 с.
13. Бион, У. Р. Научение через опыт переживания : Пер. с англ. / У. Р. Бион. – Москва : Когито-Центр, 2008. – 128 с.
14. Битюцкая, Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева / Е. В. Битюцкая // Вестник МГУ. Серия: Психология. – 2013. – № 2. – С. 40–56.
15. Богомаз, С. А. Предпочтения в выборе копинг-стратегий у лиц с высоким уровнем гибкости / С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 27. – С. 31–36.
16. Бодров, В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс / В. А. Бодров // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 4. – С. 64–74.
17. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: Пер. с англ. / Дж. Боулби. – Москва : Канон, 2015. – 271 с.
18. Бохан, Т. Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : Автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Т. Г. Бохан. – Томск, 2008. – 49 с.
19. Бохан, Т. Г. Этнопсихологические, гендерные и возрастные особенности совладающего поведения подростков и юношей разных национальностей сибирского региона / Т. Г. Бохан, Э. В. Галажинский, Э. И. Мещерякова // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 22. – С. 71–78.
20. Бродская, А. В. Саморегуляция поведения и копинг-стратегии матерей детей раннего возраста с нарушениями в развитии и группы риска / А. В. Бродская, Н. Н. Шерешик // Дефектология. – 2016. – № 2. – С. 85–92.
21. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 272 с.

22. Бургардт, А. Ю. Возрастная социальная психология: младенчество – раннее детство – дошкольный возраст / А. Ю. Бургардт, И. Г. Маланчук. – Красноярск : Красноярский гос. пед. университет, 2013. – 242 с.
23. Буторин, Г. Г. Проблемы периодизации нормального и аномального психического развития в детском возрасте / Г. Г. Буторин, Л. А. Бенько, В. И. Долгова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. – № 3. – С. 263–286.
24. Василенко, Т. Д. Семья и психосоматическое здоровье ребенка / Т. Д. Василенко, И. Н. Земзюлина, А. В. Селин, И. А. Симоненко // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 112–121.
25. Василюк, Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – Москва : МГУ, 1984. – 240 с.
26. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России / Н. Н. Васягина. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. университет, 2013. – 364 с.
27. Ветрова, И. И. Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / И. И. Ветрова. – Москва, 2011. – 288 с.
28. Виленская, Г. А. Взаимодействие родителей с детьми раннего возраста как фактор развития контроля поведения / Г. А. Виленская // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 122–130.
29. Винникотт, Д. В. Маленькие дети и их матери: Пер. с англ. / Д. В. Винникотт. – Москва : Независимая фирма «Класс», 1998. – 80 с.
30. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 336 с.
31. Водопьянова, Н. Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда : Дис. ... д-ра. психол. наук : 19.00.03 / Н. Е. Водопьянова. – Санкт-Петербург, 2014. – 460 с.
32. Выготский, Л. С. Проблемы дефектологии / Л. С. Выготский. – Москва : Просвещение, 1995. – 527 с.

33. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.
34. Галиузова, Л. Н. Актуальные проблемы в сфере образования детей раннего возраста / Л. Н. Галиузова, С. Ю. Мещерякова // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 3. – С. 89–96.
35. Галиузова, Л. Н. Ступени общения: от года до семи лет / Л. Н. Галиузова, Е. О. Смирнова. – Москва : Просвещение, 1992. – 143 с.
36. Гемешлиев, Ф. К. Психологические модели и технология интегративной оценки копинг-поведения специалистов экстремального профиля : Дис. ... канд. психол. наук : 05.26.03 / Ф. К. Гемешлиев. – Санкт-Петербург, 2014. – 190 с.
37. Глозман, Ж. М. Социальный мозг: новая трактовка понятия / Ж. М. Глозман, П. Круков // Вестник МГУ. – 2013. – № 2. – С. 121–133.
38. Голубева, М. С. Совладающее поведение родителей, воспитывающих детей с тяжелыми сенсорными нарушениями : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / М. С. Голубева. – Кострома, 2006. – 22 с.
39. Гордеев, В. И. Методы исследования развития ребенка / В. И. Гордеев, Ю. С. Александрович. – Санкт-Петербург : Речь, 2001. – 200 с.
40. Григорова, Т. П. Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Т. П. Григорова. – Кострома, 2015. – 27 с.
41. Гришин, А. М. Возможности диагностики способов совладающего поведения / А. М. Гришин // Развитие человека в современном мире : Материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2011. – С. 6–25.
42. Гуткевич, Е. В. Современная семья в аспекте психологии здоровья личности: проблемы развития и возможности превенции / Е. В. Гуткевич // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 51. – С. 120–131.
43. Гущина, Т. В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Т. В. Гущина. – Кострома, 2005. – 296 с.

44. Дементий, Л. И. К вопросу об определении эффективности копинг-поведения / Л. И. Дементий // Ресурсы и антиресурсы личности в современных копинг-исследованиях: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2012. – С. 18–23.

45. Дементий, Л. И. Условия и факторы приобретения стратегий совладающего поведения / Л. И. Дементий, Ю. А. Дружинина // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2013. – №1. – С. 13–19.

46. Дорьева, Е. А. Опыт взаимоотношений с матерью в младенчестве как фактор формирования адаптивности личности / Е. А. Дорьева, С. А. Хазова // Психология стресса и совладающего поведения : Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – Т 2. – С. 30–32.

47. Дружинина, Ю. А. Трудности в детско-родительских отношениях и совладающее поведение родителей и их детей подросткового возраста / Ю. А. Дружинина // Наука о человеке: гуманитар. исследования – 2012. – № 2. – С. 128–134.

48. Дюк, В. А. Информационные технологии в медико-биологических исследованиях / В. А. Дюк, В. Л. Эмануэль. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 528 с.

49. Екжанова, Е. А. Коррекционно-педагогическая помощь детям раннего и дошкольного возраста: научно-методическое пособие / Е. А. Екжанова, Е. А. Стребелева. – Санкт-Петербург : КАРО, 2008. – 336 с.

50. Екимчик, О. А. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающего поведения партнеров / О. А. Екимчик, Т. П. Григорова, Н. С. Смирнова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 6. – С. 278–283.

51. Екимчик, О. А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / О. А. Екимчик. – Москва, 2009. – 27 с.

52. Еремина, Ю. А. Ранний материнский копинг и его взаимосвязь с психосоциальным развитием ребенка в возрасте от одного года до трех лет / Ю. А. Еремина // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 2. – 37–47.

53. Еремина, Ю. А. Ранний материнский копинг и его нормативные показатели / Ю. А. Еремина // Материалы съезда Российского психологического общества. Казань, 5–7 октября 2017 г. – Казань, 2017. – Т. 2. – С. 42–44.

54. Замышляева, М. С. Оптимизм и пессимизм в совладающем поведении в юношеском возрасте : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / М. С. Замышляева. – Москва, – 2006. – 237 с.

55. Запорожец, А. В. Значение ранних периодов детства для формирования детской личности / А. В. Запорожец // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. Л. М. Семенюк. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж : МОДЭК, 2003. – С. 134–138.

56. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 448 с.

57. Захарова, Е. И. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста / Е. И. Захарова, Н. Ю. Калачева // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1226–1234.

58. Зубова, Е. П. Абилизация детей раннего возраста в амбулаторно-поликлинических условиях : Дис. ... канд. мед. наук : 14.01.08 / Е. П. Зубова. – Казань, 2014. – 160 с.

59. Иберла, К. Факторный анализ / К. Иберла. – Москва : Статистика, 1980. – 308 с.

60. Ивакина, В. В. Формирование у студенток психологической готовности к материнству : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / В. В. Ивакина. – Ставрополь, 2006. – 193 с.

61. Иванова, Е. А. Психологические факторы преодоления жизненных трудностей инвалидами по зрению : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.10 / Е. А. Иванова. – Москва, 2010. – 22 с.

62. Иванова, Н. В. Особенности социального развития детей раннего возраста в условиях ДООУ и семьи / Н. В. Иванова, М. А. Виноградова // Вестник Череповецкого гос. университета. – 2013. – Т. 2, № 3. – С. 124–128.

63. Инденбаум, Е. Л. Психосоциальное развитие подростков с легкой интеллектуальной недостаточностью / Е. Л. Инденбаум // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 2. – С. 72–81.

64. Исаева, Е. Р. Возрастные и гендерные особенности стресспреодолевающего поведения (копинга) на примере российской популяции / Е. Р. Исаева // Вестник Томского гос. пед. университета. – 2009. – № 6. – С. 86–90.

65. Исаева, Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни: монография / Е. Р. Исаева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГМУ, 2009. – 136 с.

66. Исаев, Д. Н. Предупреждение реакций дезадаптации (кризисных состояний). Психология детей с нарушениями и отклонениями в развитии / Д. Н. Исаев. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 384 с.

67. Исенина, Е. И. Качества родителя и психическое развитие ребенка раннего возраста / Е. И. Исенина // Психология сегодня : Ежегодник РПО. – Москва, 1996. – Т. 2, № 3. – С. 132–133.

68. Ишмуратова, Е. М. Дети раннего возраста с неярко выраженными отклонениями в развитии: психолого-педагогическая характеристика и прогноз / Е. М. Ишмуратова // Вестник МГПУ. – 2011. – № 1 (15). – С. 88–95.

69. Калугина, Е. Л. Совладающее поведение супругов после рождения в семье второго ребенка : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. Л. Калугина. – Кострома, 2012. – 30 с.

70. Каплина, Е. В. Возможность оказания психологической помощи детям раннего возраста в психосоциальном контексте / Е. В. Каплина // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – 2009. – № 4. – С. 111–120.

71. Карабанова, О. А. Векторы развития современного детства / О. А. Карабанова // Материалы съезда Российского психологического общества. Казань, 5–7 октября 2017 г. – Казань, 2017. – Т. 2. – С. 53–54.

72. Карвасарский, Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Б. Д. Карвасарский. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 1024 с.

73. Кириленко, И. Н. Детско-родительские отношения: гендерный и этнический модусы / И. Н. Кириленко. – Москва : КРЕДО, 2015. – 212 с.

74. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – Москва : Академический проект, 2009. – 943 с.
75. Кляйн, М. Теория личности и механизмы психологической защиты / М. Кляйн. – Санкт-Петербург : Нева, 1995. – 266 с.
76. Ковальская, О. С. Ценностные ориентации личности как фактор совладающего поведения (в период ранней юности) : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. С. Ковальская. – Ярославль, 2013. – 24 с.
77. Козлова, Н. В. Психологические аспекты реабилитологии в фокусе семьи / Н. В. Козлова, Е. В. Гуткевич, Э. И. Мещерякова, Д. Е. Власова // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире : монография / Под ред. Э. В. Галажинского, В. И. Кабрина. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – С. 147–192.
78. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – Москва : МПСИ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
79. Корятова, Г. С. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия / Г. С. Корятова, Ю. А. Еремина // Вестник Томского гос. пед. университета. – 2015. – № 3. – С. 42–48.
80. Корятова, Г. С. Защитно-совладающее поведение субъекта в профессиональной педагогической деятельности : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07 / Г. С. Корятова. – Иркутск, 2007. – 533 с.
81. Корятова, Г. С. Профессиональный стресс: психологическая защита и копинг в педагогической деятельности: монография / Г. С. Корятова. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. университета, 2015. – 452 с.
82. Корятова, Г. С. Факторная структура копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с нормативным уровнем психосоциального развития / Г. С. Корятова, Ю. А. Еремина // Сибирский психологический журнал. – 2017. – № 65. – С. 22–39.
83. Корятова Г. С. Эмоциональное выгорание в профессиональной педагогической деятельности: защитно-совладающий аспект / Г. С. Корятова // Вестник Томского гос. пед. университета. – 2013. – № 5 (133). – С. 175–181.

84. Краснорядцева, О. М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности / О. М. Краснорядцева // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 33. – С. 13–19.

85. Кружкова, О. В. Проблема диагностики копинг-стратегий в современном психологическом измерении / О. В. Кружкова, Д. М. Никифорова // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 31. – С. 4–12.

86. Крюкова, Т. Л. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения / Т. Л. Крюкова, Т. В. Гущина. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова; КГТУ, 2015. – 236 с.

87. Крюкова, Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы / Т. Л. Крюкова. – Кострома : КГУ. – Авантитул, 2010. – 64 с.

88. Крюкова, Т. Л. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними / Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, Е. В. Куфтяк. – Санкт-Петербург : Речь, 2005. – 240 с.

89. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : Автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Т. Л. Крюкова. – Кострома, 2005. – 50 с.

90. Крюкова, Т. Л. Совладание с трудностями и жизненный стиль современника / Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2017. – № 1. – С. 91–97.

91. Крюкова, Т. Л. Стрессы семейных отношений: тенденции, эффекты совладания / Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 174–195.

92. Куфтяк, Е. В. Психология семейного совладания : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Е. В. Куфтяк. – Москва, 2011. – 477 с.

93. Куфтяк, Е. В. Психология семьи: регуляция и защита / Е. В. Куфтяк. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 384 с.

94. Куфтяк, Е. В. Привязанность и взаимодействие матери с ребенком дошкольного возраста / Е. В. Куфтяк, Ю. А. Задорова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58–2. – С. 335–340.

95. Куфтяк, Е. В. Совладающее поведение в семье, регулярно применяющей физические наказания детей : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. В. Куфтяк. – Кострома, 2003. – 231 с.
96. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчек. – Прага : Авиценум, 1984. – 334 с.
97. Ланцбург, М. Е. Исследование потребности в социально-психологической поддержке у матерей с детьми младенческого и раннего возраста / М. Е. Ланцбург, Т. О. Арчакова // Ребенок в современном обществе. Сб. науч. статей / Науч. ред.: Л. Ф. Обухова, Е. Г. Юдина. Ред. коллегия: Н. Н. Авдеева, И. А. Корепанова, Е. В. Филиппова. – Москва : МГППУ, 2007. – С. 133–141.
98. Либина, А. В. Психология современной женщины: И умная, и красивая, и счастливая... / А. В. Либина. – Москва : ПЕР СЭ, 2001. – 528 с.
99. Либина, А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации / А. В. Либина, А. В. Либин. – Москва : Эксмо, 2008. – 400 с.
100. Лисина, М. И. Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста / М. И. Лисина // Лишенные родительского попечительства / Ред.-сост. В. С. Мухина. – Москва, 1991. – С. 37–48.
101. Лисина, М. И. Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. – Санкт-Петербург : Изд-во Питер, 2009. – 410 с.
102. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – Москва : Наука, 1999. – 350 с.
103. Маленова, А. Ю. Влияние эмоциональных состояний на удовлетворенность браком и копинг-поведение супругов в период раннего родительства / А. Ю. Маленова, А. В. Боровикова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2008. – № 2. – С. 32–43.
104. Маленова, А. Ю. Особенности отношений и совладающего поведения молодых женщин, имеющих и не имеющих детей, в семьях патрилокального типа / А. Ю. Маленова, Н. Ю. Стадниченко // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2011. – № 1. – С. 18–26.

105. Малер, М. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности / М. Малер, Дж. Б. Мак-Девитт // Психоаналитическая хрестоматия / Под ред. М. В. Ромашкевича. – Москва, 2005. – С. 158–173.

106. Малкина-Пых, И. Г. Стратегии поведения при стрессе [Электронный ресурс] / И. Г. Малкина-Пых // Московский психологический журнал. – 2005. – № 12. – URL : <http://magazine.mospsu.ru> (дата обращения: 10.06.2014).

107. Марищук, Л. В. Стратегии привязанности в онтогенезе личности / Л. В. Марищук // Ученые записки. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 37–44.

108. Марцинковская, Т. Д. Психическое развитие современного дошкольника – константы и трансформации / Т. Д. Марцинковская // Мир психологии. – 2015. – № 1. – С. 42–53.

109. Матафонова, С. И. Восприятие детско-родительского взаимодействия как условие интернализации совладающего поведения матери : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / С. И. Матафонова. – Ярославль, 2016. – 204 с.

110. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Москва : АСТ, 2009. – 811 с.

111. Мещерякова, Э. И. Субдепрессивные состояния в структуре личностной беспомощности / Э. И. Мещерякова, Е. А. Евстафеева // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 47. – С. 41–51.

112. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения : Пер. с англ. Сост. и послесловие И. С. Кона / М. Мид. – Москва : Наука, 2008. – 429 с.

113. Микиртумов, Б. Е. Клиническая психиатрия раннего детского возраста / Б. Е. Микиртумов, А. Г. Кошавцев, С. В. Гречаный. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 256 с.

114. Митина, О. В. Факторный анализ для психологов / О. В. Митина, И. Б. Михайловская. – Москва : Учебно-методический коллектор «Психология», 2001. – 169 с.

115. Морозова, И. С. Особенности родительских установок супругов в семьях с различным стажем семейной жизни / И. С. Морозова // Вектор науки Тольяттинского гос. университета. – 2017. – № 2 (29). – С. 102–108.

116. Моросанова, В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В. И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия: Психология. – 2010. – № 1. – С. 36–45.

117. Муздыбаев, К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 100–111.

118. Мухамедрахимов, Р. Ж. Психологическое взаимодействие матери и младенца : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Р. Ж. Мухамедрахимов. – Санкт-Петербург, 1999. – 431 с.

119. Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития / В. С. Мухина. – Москва : Академия, 2015. – 656 с.

120. Мухина, В. С. Проблема материнства и ментальности в местах лишения свободы / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2003. – № 1. – С. 141–153.

121. Нартова-Бочавер, С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 5. – С. 20–30.

122. Никандров, В. В. Экспериментальная психология / В. В. Никандров. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 480 с.

123. Никифорова, Д. М. К вопросу о безопасности защитного и совладающего поведения студентов в образовательной среде / Д. М. Никифорова // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 113–126.

124. Никольская, И. М. Психологическая защита у детей / И. М. Никольская, Р. М. Грановская. – Санкт-Петербург : Речь, 2010. – 352 с.

125. Овчарова, Р. В. Психология родительства / Р. В. Овчарова. – Москва : Академия, 2005. – 368 с.

126. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов / Под ред. Л. И. Скворцова. – Москва : Мир и Образование, 2017. – 1376 с.

127. Петрова, Е. А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Е. А. Петрова. – Кострома, 2008. – 249 с.

128. Пешкова-Зеленцова, Н. В. Тоддлер-группы как форма развития самостоятельности и трудолюбия у детей раннего возраста / Н. В. Пешкова-Зеленцова // Дошкольная педагогика. – 2015. – № 4 (109). – С. 40–43.

129. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – Москва : Просвещение, 1969. – 660 с.

130. Пирогов, Д. Г. Психологические защиты и копинги родителей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом (часть 2) / Д. Г. Пирогов, Т. В. Маликова // Вестник ЮУрГУ. – Т. 7, № 1. – 2014. – С. 68–76.

131. Подобина, О. Б. Жизненный стиль женщины среднего возраста на этапе отделения взрослого ребенка от семьи / О. Б. Подобина, М. Е. Воронина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 2. – С. 63–67.

132. Подобина, О. Б. Совладающее поведение женщины на этапе принятия роли матери : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / О. Б. Подобина. – Санкт-Петербург, 2005. – 211 с.

133. Попцова, Е. В. Качества матери, необходимые для психического развития ребенка раннего возраста : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. В. Попцова. – Москва, 1995. – 169 с.

134. Прихожан, А. М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 400 с.

135. Прохоров, А. О. Технологии психической саморегуляции / А. О. Прохоров. – Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2017. – 360 с.

136. Пьянкова, Л. А. Ретроспективный анализ проблемы материнства как условия психолого-педагогической и социальной поддержки детства / Л. А. Пьянкова // Вестник Томского гос. пед. университета. – 2015. – № 6. – С. 43–49.

137. Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований [Электронный ресурс] / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 3 (17). – URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.08.2014).

138. Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики

СОРЕ / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 82–118.

139. Реан, А. А. Психология человека от рождения до смерти / Под общ. ред. А. А. Реана. – Серия: Психологическая энциклопедия. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2012. – 656 с.

140. Романова, В. Н. Кросс-культурные исследования младенчества в психологии / В. Н. Романова // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 118–129.

141. Рузская, А. Г. Развитие общения дошкольников со сверстниками / А. Г. Рузская // Развитие сотрудничества дошкольников в образовательном процессе: Хрестоматия / Сост. И. В. Маврина. – Москва : МГППУ, 2004. – С. 6–30.

142. Сапоровская, М. В. Детско-родительские отношения и совладающее (копинг) поведение родителей как факторы школьной адаптации первоклассников : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / М. В. Сапоровская. – Кострома, 2002. – 177 с.

143. Сапоровская, М. В. Психология межпоколенных отношений в семье / М. В. Сапоровская. – Москва : Национальный книжный центр, 2014. – 432 с.

144. Сергиенко, Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта / Е. А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 2. – С. 5–18.

145. Сергиенко, Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е. А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 1. – С. 120–132.

146. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 350 с.

147. Сизова, М. А. Взаимосвязь межпоколенных отношений и функциональности семьи : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / М. А. Сизова. – Кострома, 2012. – 24 с.

148. Сирота, Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте : Дис. ... д-ра мед. наук : 19.00.04 / Н. А. Сирота. – Бишкек, 1994. – 283 с.

149. Скобло, Г. В. Система «мать – дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики / Г. В. Скобло, О. Ю. Дубовик // Социальная и клиническая психиатрия. – 1992. – № 2. – С. 75–78.

150. Смирнова, А. В. Половозрастные и семейные факторы становления совладающего поведения у детей младшего школьного возраста : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург, 2010. – 281 с.

151. Смирнова, Е. О. Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет / Е. О. Смирнова, Л. Н. Галиузова, Т. В. Ермолова, С. Ю. Мещерякова. – Москва : АНО «ПЭБ», 2007. – 128 с.

152. Смирнова, Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент / Е. О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 139–150.

153. Смирнова, Е. О. Условия становления пространственного образа «Я» в раннем возрасте как первой формы самосознания / Е. О. Смирнова, Е. А. Абдулаева // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 16–24.

154. Старостина, Ю. А. Материнские представления о развитии ребенка как основа стремления к его форсированию / Ю. А. Старостина // Вестник МГУ. Серия: Психологические науки. – 2012. – № 4. – С. 40–43.

155. Старченкова, Е. С. Концепция проактивного совладающего поведения / Е. С. Старченкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 198–205.

156. Стойков, И. Д. Анализ защитных проявлений личности : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / И. Д. Стойков. – Москва, 1986. – 160 с.

157. Стоянова, И. Я. Особенности взаимодействия матери с медицинскими работниками в аспекте прогноза здоровья ребенка / И. Я. Стоянова, С. В. Тюлюпо, В. Я. Семке, И. Е. Куприянова // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2011. – № 3. – С. 35–38.

158. Стребелева, Е. А. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста / Е. А. Стребелева, Г. А. Мишина, Ю. А. Разенкова. – Москва : Просвещение, 2005. – 164 с.

159. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте : коллективная монография / В. А. Бодров [и др.]; под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – 512 с.

160. Сырвачева, Л. А. Особенности родительского отношения и его влияние на психическое развитие детей 3 лет с перинатальным поражением ЦНС / Л. А. Сырвачева, Л. П. Уфимцева. – Красноярск, 2015. – 352 с.

161. Ташлыков, В. А. Психология лечебного процесса / В. А. Ташлыков. – Ленинград : Медицина, 1984. – 191 с.

162. Тихомирова, Е. В. Женщина в ранний период материнства как объект психологического исследования / Е. В. Тихомирова, И. А. Уманская // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 147–151.

163. Токарева, Е. Н. Детско-родительские отношения как фактор развития общения детей раннего возраста / Е. Н. Токарева, Л. С. Рычкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2011. – № 18. – С. 89–93.

164. Толмачева, Ю. В. Диадный копинг родителей и детей дошкольного возраста / Ю. В. Толмачева, Т. Г. Бохан // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 42. – С. 102–111.

165. Трушкина, С. В. Помощь детям раннего возраста с нарушениями психического здоровья: междисциплинарный подход [Электронный ресурс] / С. В. Трушкина // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. – 2015. – № 2 (31). – С. 5. – URL : <http://mprj.ru> (дата обращения 02.07.2015).

166. Тюлюпо, С. В. Структурно-функциональная модель материнской компетентности в прогнозе здоровья ребенка : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / С. В. Тюлюпо. – Томск, 2011. – 280 с.

167. Тюлюпо, С. В. Субъективная активность матери как детерминанта здоровья ребенка / С. В. Тюлюпо // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Омск, 2008. – С. 207–212.

168. Уфимцева, Л. П. Диагностическая программа оценки уровня психического развития детей дошкольного возраста / Л. П. Уфимцева, Л. А. Сырвачева. – Красноярск : РИО, 2006. – 31 с.

169. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избр. тр. / Д. И. Фельдштейн. – Москва : Флинта, 2004. – 672 с.

170. Фельдштейн, Д. И. Современное детство: проблемы и пути их разрешения / Д. И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2009. – № 2 (19). – С. 28–32.

171. Филиппова, Г. Г. Психология материнства и ранний онтогенез / Г. Г. Филиппова. – Москва : Изд-во института психотерапии, 2002. – 238 с.

172. Филоненко, А. В. Последствия влияния послеродовой депрессии роженицы на психосоматические показатели здоровья младенца / А. В. Филоненко // Рос. Вестник перинатологии и педиатрии. – 2012. – № 4. – С. 37–43.

173. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд. – Москва : Педагогика – Пресс, 1993. – 144 с.

174. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения; Тотем и табу; «Я» и «Оно». – Белгород, Харьков : Клуб семейного досуга, 2012. – 477 с.

175. Фромм, Э. Искусство любить: Пер. с англ. / Э. Фромм. – Москва : Изд-во АСТ и др., 2011 – 223 с.

176. Хазова, С. А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования / С. А. Хазова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 19. – С. 188–191.

177. Хазова, С. А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / С. А. Хазова. – Кострома, 2002. – 246 с.

178. Хачатурова, М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований / М. Р. Хачатурова // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 160–169.

179. Хекхаузен, Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения / Х. Хекхаузен // Психология социальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – С. 58–91.

180. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 607 с.

181. Цветкова Н. А. Консультирование семьи в трудных жизненных ситуациях / Н. А. Цветкова // Развитие личности. – 2016. – № 2. – С. 157–178.

182. Шапиро, Я. Н. Руководство по оценке уровня развития детей от 1 года 2 месяцев до 3 лет 6 месяцев по русифицированной шкале RCDI – 2000 / Я. Н. Шапиро, И. А. Чистович. – Санкт-Петербург : Изд-во ИРАВ, 2000. – 62 с.

183. Шелехов, И. Л. Личность современной женщины через призму системной структурно-уровневой концепции психики / И. Л. Шелехов, Г. В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 36. – С. 36–41.

184. Шипова, Н. С. Совладание с переживанием измены в близких отношениях : Автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. С. Шипова. – Кострома, 2014. – 26 с.

185. Щукина, М. А. Роль социальной поддержки в саморазвитии личности / М. А. Щукина // Материалы съезда Российского психологического общества. Казань, 5–7 октября 2017 г. – Казань, 2017. – Т. 2. – С. 451–453.

186. Эйнсворт, М. Привязанности за порогом младенчества : Пер. с англ. / М. Эйнсворт. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994. – 266 с.

187. Эльконин, Д. Б. Детская психология. Развитие ребенка от рождения до 7 лет / Д. Б. Эльконин. – Москва : Знание, 2006. – 207 с.

188. Эриксон, Э. Г. Детство и общество : Пер. с англ. / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 415 с.

189. Юрьев, В. В. Новые подходы к оценке психомоторного развития детей / В. В. Юрьев, Е. И. Алешина, Н. Н. Воронович, М. М. Хомич // Педиатрия. – 1998. – № 5. – С. 57–60.

190. Якобсон, С. Г. Психологические проблемы этического развития детей / С. Г. Якобсон. – Москва : Педагогика, 1984. – 144 с.

191. Яковлева, С. А. Особенности совладающего поведения старшеклассников с учетом локуса контроля / С. А. Яковлева // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 259–263.

192. Ялтонский, В. М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией : Дис. ... д-ра мед. наук : 19.00.04 / В. М. Ялтонский. – Санкт-Петербург, 1995. – 396 с.

193. Ainsworth, M. D. Research Strategy in the Study of Mother-Child Separation / M. D. Ainsworth, J. Bowlby // *Courr. Cent. int. Enf.* – 1954. – Vol. 4. – P. 105.

194. Amirkhan, J. H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indication / J. H. Amirkhan // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1990. – Vol. 59, №. 5. – P. 1066–1074.

195. Aspinwall, L. G. A stitch in time: Self-regulation and proactive coping / L. G. Aspinwall, S. E. Taylor // *Psychological Bulletin.* – 1997. – Vol. 121. – P. 417–436.

196. Basavanna, M. Dictionary of Psychology / M. Basavanna. – New Delhi : Allied Publishers Ltd., 2000. – 480 p.

197. Billings, A. G. Coping, stress, and social resources among adults with unipolar depression / A. G. Billings, R. H. Moos // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1984. – Vol. 46, № 4. – P. 877–891.

198. Bodenmann, G. Dyadic coping and its significance for marital functioning // *Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping* / Eds. T. A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann. – Washington : DC: American Psychological Association, 2005. – P. 33–49.

199. Bodenmann, G. Common Factors in the Enhancement of Dyadic Coping / G. Bodenmann, A. K. Randall // *Behavior Therapy.* – 2012. – Vol. 43. – P. 88–98.

200. Bowman, G. Adjustment to occupational stress: the relationship of perceived control to effectiveness of coping strategies / G. Bowman, M. Stern // *Journal of Counseling Psychology.* – 1995. – №. 43.3. – P. 294–303.

201. Brazelton, T. B. The earliest relationship: Parent, infants and the drama of early attachment / T. B. Brazelton, B. G. Cramer. – Reading MA : Addison-Wesley, 1990. – 251 p.

202. Charron, A. Maternal burnout syndrome: contextual and psychological associated factors / A. Charron, G. Dorard, E. Boujur, J. Wendland // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – Art. 885. – 12 p.

203. Collins Dictionaries. Collins English Dictionary: Complete and Unabridged, 12th edition. – UK: Collins, 2014. – 2340 p.

204. Compas, B. E. An agenda for coping research and theory: basic and applied developmental issues / B. E. Compas // *International Journal of Behavioral Development*. – 1998. – Vol. 22, № 2. – P. 231–237.

205. Compas, B. Coping and emotion regulation from childhood to early adulthood: points of convergence and divergence / B. Compas, S. Jaser, J. Dunbar, E. Williams // *Australian Journal of Psychology*. – 2014. – Vol. 66 (2). – P. 71–81.

206. Compas, B. E. Coping with stress during childhood and adolescence: Problems, progress, and potential in theory and research / B. E. Compas, J. K. Connor-Smith, H. Saltzman, A. H. Thomsen, M. E. Wadsworth // *Psychological Bulletin*. – 2001. – № 127. – P. 87–127.

207. Conway, V. J. Appraised controllability as an moderator of the effectiveness of different coping strategies: A test of goodness of fit hypothesis / V. J. Conway, D. J. Terry // *Australian Journal of Psychology*. – 1994. – № 44. – P. 1–7.

208. Corsini, R. J. *The Dictionary of Psychology* / R. J. Corsini. – New York : Brunner-Routledge, 2002. – 1156 p.

209. Coyne, J. C. Couples coping with a myocardial infarction: a contextual perspective on wives' distress / J. C. Coyne, D. A. Smith // *Journal Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 61 (3). – P. 404–412.

210. Currie, J. Strategies used to manage motherhood / J. Currie // *Managing Motherhood. A new wellness perspective*. – Singapore : Springer, 2018. – P. 43–45.

211. Endler, N. S. *Coping Inventory for Stressful Situations (CISS): Manual* / N. S. Endler, J. D. Parker. – Toronto, Canada : Multi-Health Systems, Inc., 1990.

212. Eschenbeck, H. Gender differences in coping strategies in children and adolescents / H. Eschenbeck, C.-W. Kohlmann, A. Lohaus // *Journal of Individual Differences*. – 2007. – Vol. 28, № 1. – P. 18–26.

213. Feurer, C. Chronic and episodic stress in children of depressed mothers / C. Feurer, C. Hammen, B. Gibb // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2014. – Vol. 45 (3). – P. 1–9.

214. Folkman, S. Stress, positive emotion, and coping / S. Folkman, J. T. Moskowitz // *Current Directions in Psychological Science*. – 2000. – № 9.4. – P. 115-119.

215. Frydenberg, E. Coping competencies / E. Frydenberg // *Theory into Practice*. – 2004. – Vol. 43, № 1. – P. 14–22.

216. Gudmundson, J. A. Links between mothers' coping strategies, toddler reactivity, and sensitivity to toddler's negative emotions / J. A. Gudmundson, E. M. Leerkes // *Infant Behavior and Development*. – 2012. – № 35 (1). – P. 158–166.

217. Haan, N. Coping and defending: processes of self-environment organization / N. Haan. – New York : Academic Press, 1977. – 457 p.

218. Harlow, H. F. Affectional responses in the infant monkey / H. F. Harlow, R. R. Zimmermann // In *Readings in child development and personality* ed. by P. H. Mussen, J. J. Conger, J. Kagan. – New York – London, 1965. – 480 p.

219. Harlow, H. Induced depression in monkeys / H. Harlow, S. Suomi // *Behavioral Biology*. – 1974. – Vol. 12. – P. 273–296.

220. Hobfoll, S. E. Personal relationships, personal attitudes, and stress resistance: mother's reactions to the child's illness / S. E. Hobfoll, M. Lerman // *American Journal of Community Psychology*. – 1989. – Vol. 16, № 4. – P. 565–589.

221. Hobfoll, S. E. *Stress, Culture and Community* / S. E. Hobfoll. – New York : Plenum, 1998. – 244 p.

222. Ireton, H. R. *The Child Development Inventory* / H. R. Ireton. – Minneapolis, MN : Behavioral Science Systems, Inc., 1992. – 44 p.

223. Lazarus, R. S. *Manual for Ways of Coping Questionnaire* / R. S. Lazarus, S. Folkman // Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1998. – 33 p.

224. Lazarus, R. S. *Psychological Stress and the Coping Process* / R. S. Lazarus. – New York : McGraw Hill, 1966. – 173 p.

225. Lazarus, R. S. *Stress, Appraisal and Coping* / R. S. Lazarus, S. Folkman. – New York : Springer Publishing Company, 1984 – 456 p.

226. Maccoby, E. E. The role of parents in socialization of children: An historical overview / E. E. Maccoby // *Developmental Psychology*. – 1992. – Vol. 28. – P. 1006–1017.

227. Mikolajczak, M. Consequences of parental burnout: Its specific effect on child neglect and violence / M. Mikolajczak, M. Brianda, H. Avalosse, I. Roskam // *Child abuse and neglect*. – 2018. – Vol. 80. – P. 134–145.

228. Mikolajczak, M. Exhausted parents: Sociodemographic, child-related, parent-related, parenting and family functioning correlates of parental burnout / M. Mikolajczak, M. Raes, H. Avalosse, I. Roskam // *Journal of Child and Family Studies*. – 2018. – Vol. 27 (2). – P. 602–614.

229. Morris, Ch. G. *Academic Press Dictionary of Science and Technology* / Ch. G. Morris. – San Diego, CA : Academic Press, 1992. – 2432 p.

230. Mouton, B. Confident mothers, easier Children: a quasi-experimental manipulation of mothers' self-efficacy / B. Mouton, I. Roskam // *Journal of Child and Family Studies*. – 2015. – Vol. 24. – P. 2485–2495.

231. Murphy, L. *The widening world of childhood* / L. Murphy. – New York : Basic Books, 1962. – 400 p.

232. Nayak, S. A study on challenges faced by mothers and the coping strategies adopted by them during the postpartum period / S. Nayak, P. Shetty // *Journal of SAFOG*. – 2017. – Vol. 9 (4). – P. 348–355.

233. Petrosky, M. J. The relationship among locus of control, coping styles, and psychological symptom reporting / M. J. Petrosky, J. C. Birkimer // *Clin. Psychol.* – 1991. – Vol. 47, № 3. – P. 336–345.

234. Roskam, I. Exhausted parents: development and preliminary validation of the parental burnout inventory / I. Roskam, M. Raes, M. Mikolajczak // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – Art. 163.

235. Schore, A. N. *Affect regulation and the origin of Self. The neurobiology of emotional development* / A. N. Schore. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – 700 p.

236. Schwarzer, R. Positive coping: mastering demands and searching for meaning / R. Schwarzer, N. Knoll // In *Comprehensive Handbook of Psychology*. – 2003. – Vol. 9. – P. 393–409.

237. Skinner, E. A. The development of coping / E. A. Skinner, M. J. Zimmer-Gembeck // *Annual Review of Psychology*. – 2007. – Vol. 58. – P. 119–144.

238. Spitz, R. A. Anaclitic depression / R. A. Spitz // *Psychoanalytic Study of the Child*. – 1946. – Vol. 2. – P. 313–342.

239. Tamres, L. K. Sex differences in coping behavior: A metaanalytic review and an examination of relative coping / L. K. Tamres, D. Janicki, V. S. Helgeson // *Personality and Social Psychology Review*. – 2002. – Vol. 6, № 1. – P. 2–30.

240. Vanasse, M. Medical and psychosocial considerations in rehabilitation care of childhood neuromuscular diseases / M. Vanasse, H. Pare, R. Zeller // *HandbClin Neurol*. – 2013. – Vol. 113. – P. 1491–1495.

241. Waite, M. *Compact Oxford Dictionary and Thesaurus* / M. Waite, S. Hawker. – New York : Oxford University Press, 2009. – 1076 p.

242. Weber, H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations / H. Weber // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. – 2003. – Vol. 16, № 2. – P. 133–153.

243. Whiteside-Mansell, L. Parenting stress of low-income parents of toddlers and preschoolers: Psychometric properties of a short form of the Parenting Stress Index / L. Whiteside-Mansell, C. Ayoub, L. McKelvey, R. Faldowski, A. Hert, J. Shears // *Parenting : Science and Practice*. – 2007. – Vol. 7, № 1. – P. 27–56.

244. Winnicott, D. W. *The family and individual development* / D. W. Winnicott. – London : Penguin, 2008. – 389 p.

245. Zeidner, M. *Handbook of Coping: Theory, Research, Applications* / M. Zeidner, N. Endler. – Toronto : John Wiley & Sons, Inc., 1996. – 728 p.

246. Zimmer-Gembeck, M. The development of coping: implications for psychopathology and resilience / M. Zimmer-Gembeck, E. Skinner // *Developmental Psychopathology*. – 2016. – P. 1–61.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Примерный перечень вопросов диагностического интервью

Цель интервьюирования – установление контакта, подготовка и настройка испытуемых-матерей на вдумчивое и серьезное отношение к основному блоку вопросов, включенных в личностные опросники, а также сбор первичных данных.

Материнство на ранних его этапах сопряжено со многими трудностями, мы готовы ответить на Ваши вопросы, дать квалифицированные рекомендации, предложить специальную литературу, проконсультировать Вас лично или в группе. Для этого нам необходимо знать какие темы наиболее беспокоят мам, воспитывающих детей раннего возраста. Поэтому просим Вас искренне ответить на предложенные вопросы. Здесь нет ответов правильных и неправильных, поскольку каждый человек прав по отношению к собственным взглядам.

1. Расскажите, пожалуйста, из каких источников Вы получаете информацию о воспитании ребенка? (Возможно Вы руководствуетесь собственной интуицией, личным опытом и тем, как Вас воспитывали в детстве; советами других: родителей, друзей, мамочек на игровых площадках. Возможно, в этом вопросе Вам помогает психолого-педагогическая литература по воспитанию и обучению детей, интернет-сайты и форумы, врач-педиатр, психолог или посещение лекций для родителей, участие в работе родительских университетов, тренингах и прочих группах).

2. Помогают ли эти знания в воспитании ребенка? Если «нет», то почему? (Может быть они даются в сложной форме, или эти знания слишком общие, не касаются конкретно Вашего ребенка, не освещают организацию семейного быта, внутрисемейных отношений).

3. Назовите, пожалуйста, пять наиболее значимых трудностей с которыми Вы сталкиваетесь в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с Вашим ребенком. Назовите самые тяжелые ситуации с психологической точки зрения. Назовите самые выматывающие ситуации. Назовите самые расстраивающие Вас ситуации.

4. Расскажите, пожалуйста, немного о том, как Вы преодолеваете потенциально трудные ситуации материнства и оцените их по десятибалльной шкале от одного до десяти баллов, при условии:

1 балл – менее всего это для Вас трудно, 10 баллов – самое сложное, тяжелое:

а) вынужденный отказ от привычного образа жизни, отсутствие свободного времени (на себя);

б) большой объем однообразной ежедневной работы по дому и по уходу за ребенком, необходимость решения определенных задач в короткие сроки;

в) физические нагрузки: необходимость носить ребенка на руках, коляску, др.

г) эмоциональные нагрузки: колоссальное чувство ответственности за здоровье и безопасность ребенка;

д) трудности, связанные с собственным самочувствием (с сонливостью, возможной хронической усталостью);

е) трудности, связанные с относительной «замкнутостью» психологического пространства отношений «мама-ребенок», ограничение (недостаток) общения с привычным кругом людей (коллегами по работе, подругами, родными, близкими);

ж) трудности, связанные с зависимостью от других людей: необходимость подстраиваться к потребностям и режиму дня ребенка; материальная зависимость от мужа; зависимость от врачей, необходимость часто посещать поликлинику; зависимость от потенциальных помощников по уходу за ребенком;

з) трудности, связанные с отношениями с мужем, другими родственниками;

и) трудности, возникающие в процессе воспитания ребенка и непосредственного с ним взаимодействия.

5. Обращались ли вы за помощью к специалистам с этими трудностями? Если «нет», то почему не обращались (не придаете особого значения этим трудностям; считаете это неудобным, испытываете затруднения в общении; полагаете, что справитесь сами).

6. Имеется ли в данный момент какая-либо эмоционально-напряженная или проблемная для вас ситуация? Необходима ли Вам помощь специалистов (психолога, врача, педагога)? Поясните, пожалуйста, в чем конкретна нужна помощь.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Индивидуальная карта матери ребенка раннего возраста

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КАРТА МАТЕРИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА *

Код испытуемого _____

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____

Дата рождения _____ Возраст _____

Образование _____

Профессия, место работы, занимаемая должность

(до периода отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста)

Место жительства _____

Семейное положение _____

Состав семьи _____

Материальное обеспечение семьи _____

Жилищно-бытовые условия _____

Фамилия и имя ребенка _____

Дата рождения ребенка _____ Пол ребенка _____

Данные о здоровье ребенка (со слов матери) _____

Сведения о наличии / отсутствии соматических или психических заболеваний, способных заметно повлиять на развитие ребенка (по данным амбулаторных медицинских карт, Форма 112) _____

Контактные данные _____

Дата заполнения индивидуальной карты « ____ » _____ 201__ г.

** Данные являются конфиденциальной информацией и могут быть просмотрены только уполномоченными лицами.*

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Сводная таблица условных обозначений и сокращений названия психодиагностических методик и их шкал

Таблица В.1 – Перечень диагностических шкал и изучаемых с их помощью показателей копинг-поведения матерей

№	Показатели (шкалы опросников: копинг-стратегии, копинг-стили)	Условные сокращения		Психодиагностические методики
1	Разрешение проблем	РП		«ИКС» Дж. Амирхана
2	Поиск социальной поддержки	ПСП		
3	Избегание проблем	ИП		
4	Проблемно-ориентированный копинг	ПОК		«КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера
5	Эмоционально-ориентированный копинг	ЭОК		
6	Копинг, ориентированный на избегание	КОИ		
7	Субшкала «Отвлечение»	СО		
8	Субшкала «Социальное отвлечение»	ССО		
9	Ассертивные действия	Ас		«СПСС» С. Хобфолла
10	Вступление в социальный контакт	ВСК		
11	Поиск социальной поддержки	СП		
12	Осторожные действия	ОД		
13	Импульсивные действия	ИД		
14	Избегание	И		
15	Манипулятивные действия	МД		
16	Асоциальные действия	АСД		
17	Агрессивные действия	Аг		
18	Конфронтация	К		
19	Дистанцирование	Д		
20	Самоконтроль	С		
21	Поиск социальной поддержки	ПсоцП		
22	Принятие ответственности	ПО		
23	Бегство-Избегание	Б		
24	Планирование решения проблемы	ПРП		
25	Положительная переоценка	ПП		
26	Снижение значения стрессовой ситуации	Позитивные стратегии	SVF-1	«ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна
27	Самоодобрение		SVF-2	
28	Самооправдание		SVF-3	
29	Отвлечение		SVF-4	
30	Замещение		SVF-5	
31	Самоутверждение		SVF-6	
32	Психомышечная релаксация		SVF-7	
33	Контроль над ситуацией		SVF-8	
34	Самоконтроль/самообладание		SVF-9	
35	Позитивная самомотивация		SVF-10	
36	Поиск социальной поддержки		SVF-11	
37	Антиципирующее избегание		SVF-12	
38	Бегство от стрессовой ситуации	Негативные	SVF-13	
39	Социальная замкнутость		SVF-14	
40	«Заезженная пластинка»		SVF-15	
41	Беспомощность		SVF-16	
42	Жалость (к себе)		SVF-17	
43	Самообвинение		SVF-18	
44	Агрессия		SVF-19	
45	Прием пищи, лекарств / химических веществ			

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Таблицы оценки значимости статистических различий между группами детей

Таблица Г.1 – Оценка значимости различий между группами испытуемых-детей по хронологическому возрасту (по критерию Хи-Квадрат)

Median Test, Overall Median = 24,0000; Хронологический возраст, мес. (Spreadsheet15.sta) Independent (grouping) variable: Chi-Square = 1,322448 df = 3 p = ,7238					
	I	II	III	IV	Total
<= Median: observed	15,00000	83,0000	23,00000	11,00000	132,0000
expected	12,69231	84,2769	24,87692	10,15385	
obs.-exp.	2,30769	-1,2769	-1,87692	0,84615	
> Median: observed	10,00000	83,0000	26,00000	9,00000	128,0000
expected	12,30769	81,7231	24,12308	9,84615	
obs.-exp.	-2,30769	1,2769	1,87692	-0,84615	
Total: observed	25,00000	166,0000	49,00000	20,00000	260,0000

Таблица Г.2 – Оценка значимости различий между группами испытуемых-детей по актуальному возрасту психосоциального развития (по критерию Хи-Квадрат; методика ШИСКДМ)

Median Test, Overall Median = 22,5000; Актуальный возраст, мес (Spreadsheet15) Independent (grouping) variable: KP_ ШИСКДМ Chi-Square = 43,76577 df = 3 p = ,0000					
	I	II	III	IV	Total
<= Median: observed	0,0000	81,0000	30,00000	19,00000	130,0000
expected	12,5000	83,0000	24,50000	10,00000	
obs.-exp.	-12,5000	-2,0000	5,50000	9,00000	
> Median: observed	25,0000	85,0000	19,00000	1,00000	130,0000
expected	12,5000	83,0000	24,50000	10,00000	
obs.-exp.	12,5000	2,0000	-5,50000	-9,00000	
Total: observed	25,0000	166,0000	49,00000	20,00000	260,0000

Таблица Г.3 – Оценка значимости различий между группами испытуемых-детей по актуальному возрасту психосоциального развития (по критерию Хи-Квадрат; методика RCDI-2000)

Median Test, Overall Median = 22,0000; Актуальный возраст, мес (Spreadsheet15) Independent (grouping) variable: KP_RCDI-2000 Chi-Square = 25,25784 df = 2 p = ,0000				
	I	III	IV	Total
<= Median: observed	85,0000	31,00000	20,00000	136,0000
expected	99,9077	25,63077	10,46154	
obs.-exp.	-14,9077	5,36923	9,53846	
> Median: observed	106,0000	18,00000	0,00000	124,0000
expected	91,0923	23,36923	9,53846	
obs.-exp.	14,9077	-5,36923	-9,53846	
Total: observed	191,0000	49,00000	20,00000	260,0000

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Таблица статистической изменчивости диагностических признаков
в материнских подгруппах

Таблица Д.1 – Результаты сравнительного анализа изменчивости признаков в материнских подгруппах (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA)

№	Копинг-стратегии	ANOVA			Kruskal-Wallis ANOVA test		
		R2	F	p	H	p	Попарные статистические сравнения (p<0.05)
1	РП	0,32	40,60	0,00*	71,08	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
2	ПСП	0,01	0,75	0,52	2,01	0,57	-
3	ИП	0,21	22,69	0,00*	35,99	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
4	ПОК	0,18	18,16	0,00*	40,76	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
5	ЭОК	0,21	23,20	0,00*	53,66	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
6	КОИ	0,01	0,64	0,59	2,09	0,55	-
7	СО	0,05	4,64	0,00*	11,55	0,01*	I-III, I-IV
8	ССО	0,04	3,20	0,02*	9,34	0,03*	-
9	Ас	0,11	10,11	0,00*	26,79	0,00*	I-III, I-IV, II-IV
10	ВСК	0,09	8,16	0,00*	25,06	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
11	СП	0,01	0,55	0,65	1,55	0,67	-
12	ОД	0,03	2,85	0,04*	9,39	0,02*	II-III
13	ИД	0,04	3,44	0,02*	10,69	0,01*	II-III
14	И	0,18	18,16	0,00*	34,12	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
15	МД	0,01	0,79	0,50	2,60	0,46	-
16	АСД	0,11	10,43	0,00*	27,39	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
17	Аг	0,17	17,52	0,00*	46,32	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
18	К	0,03	3,07	0,03*	8,17	0,04*	-
19	Д	0,01	1,28	0,28	3,06	0,38	-
20	С	0,01	1,02	0,39	2,66	0,45	-
21	ПсоцП	0,01	0,44	0,73	1,51	0,68	-
22	ПО	0,02	1,94	0,12	6,69	0,08	-
23	Б	0,13	12,47	0,00*	34,58	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
24	ПРП	0,10	9,10	0,00*	26,82	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
25	ПП	0,03	2,79	0,04*	8,94	0,030*	-
26	SVF-1	0,01	1,29	0,28	2,56	0,46	-
27	SVF-2	0,07	6,18	0,00*	17,81	0,00*	I-IV, II-IV
28	SVF-3	0,01	0,97	0,41	3,80	0,28	-
29	SVF-4	0,01	1,07	0,36	3,14	0,37	-
30	SVF-5	0,01	1,10	0,35	2,32	0,51	-
31	SVF-6	0,09	7,99	0,00*	24,08	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
32	SVF-7	0,00	0,26	0,86	0,65	0,88	-
33	SVF-8	0,07	6,76	0,00*	20,52	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
34	SVF-9	0,07	6,56	0,00*	17,53	0,00*	I-III, I-IV
35	SVF-10	0,10	9,47	0,00*	32, 35	0,00*	I-II, I-III, I-IV, II-III, II-IV
36	SVF-11	0,01	0,51	0,67	2,00	0,57	-
37	SVF-12	0,06	4,98	0,00*	14,22	0,00*	II-IV
38	SVF-13	0,17	17,67	0,00*	39,59	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
39	SVF-14	0,13	12,69	0,00*	36,27	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
40	SVF-15	0,04	3,46	0,02*	9,44	0,02*	I-IV
41	SVF-16	0,21	22,12	0,00*	44,00	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
42	SVF-17	0,10	9,11	0,00*	27,14	0,00*	I-III, I-IV, II-III, II-IV
43	SVF-18	0,05	4,59	0,00*	12,64	0,01*	I-III
44	SVF-19	0,22	24,68	0,00*	46,81	0,00*	I-II, I-III, I-IV, II-III, II-IV
45	SVF-20	0,01	1,20	0,31	1,94	0,59	-

Примечание: *p < 0,05.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Схемы факторных моделей раннего материнского копинга в зависимости от уровня психосоциального развития детей

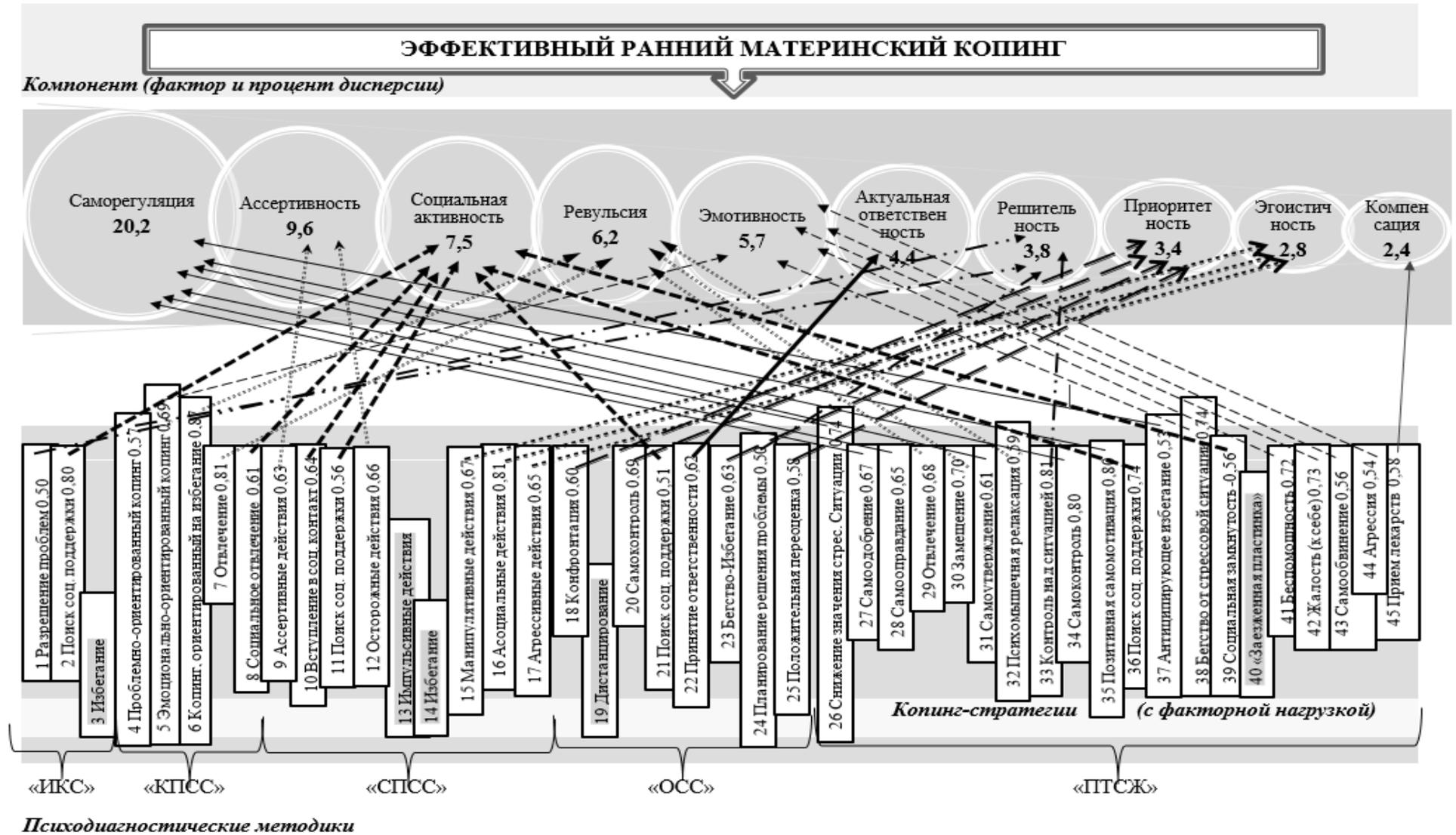

Рисунок Е.1 – Схема факторной модели РМК матерей детей с нормативным уровнем психосоциального развития

ВЫСОКОЭФФЕКТИВНЫЙ РАННИЙ МАТЕРИНСКИЙ КОПИНГ

Компонент (фактор и процент дисперсии)

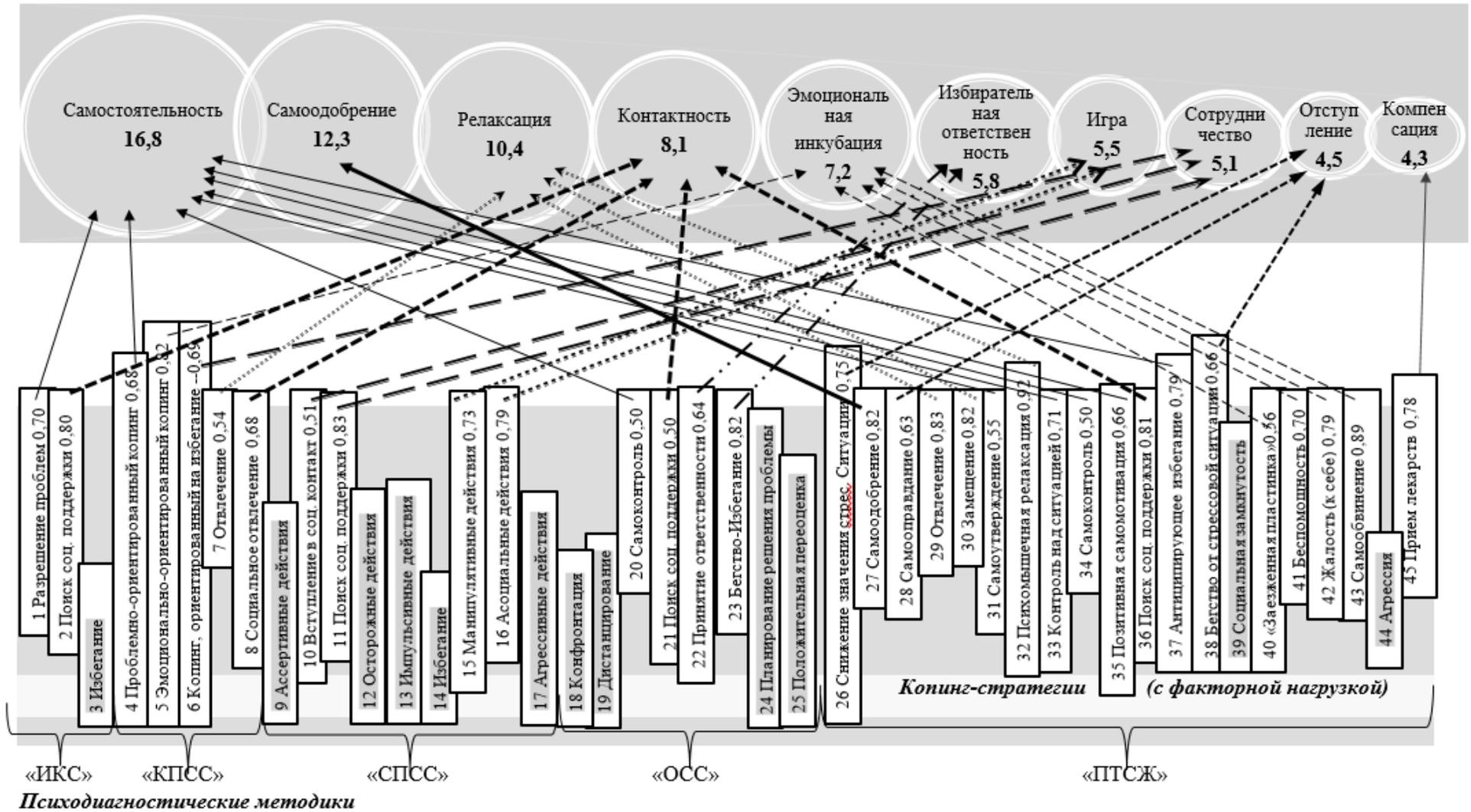
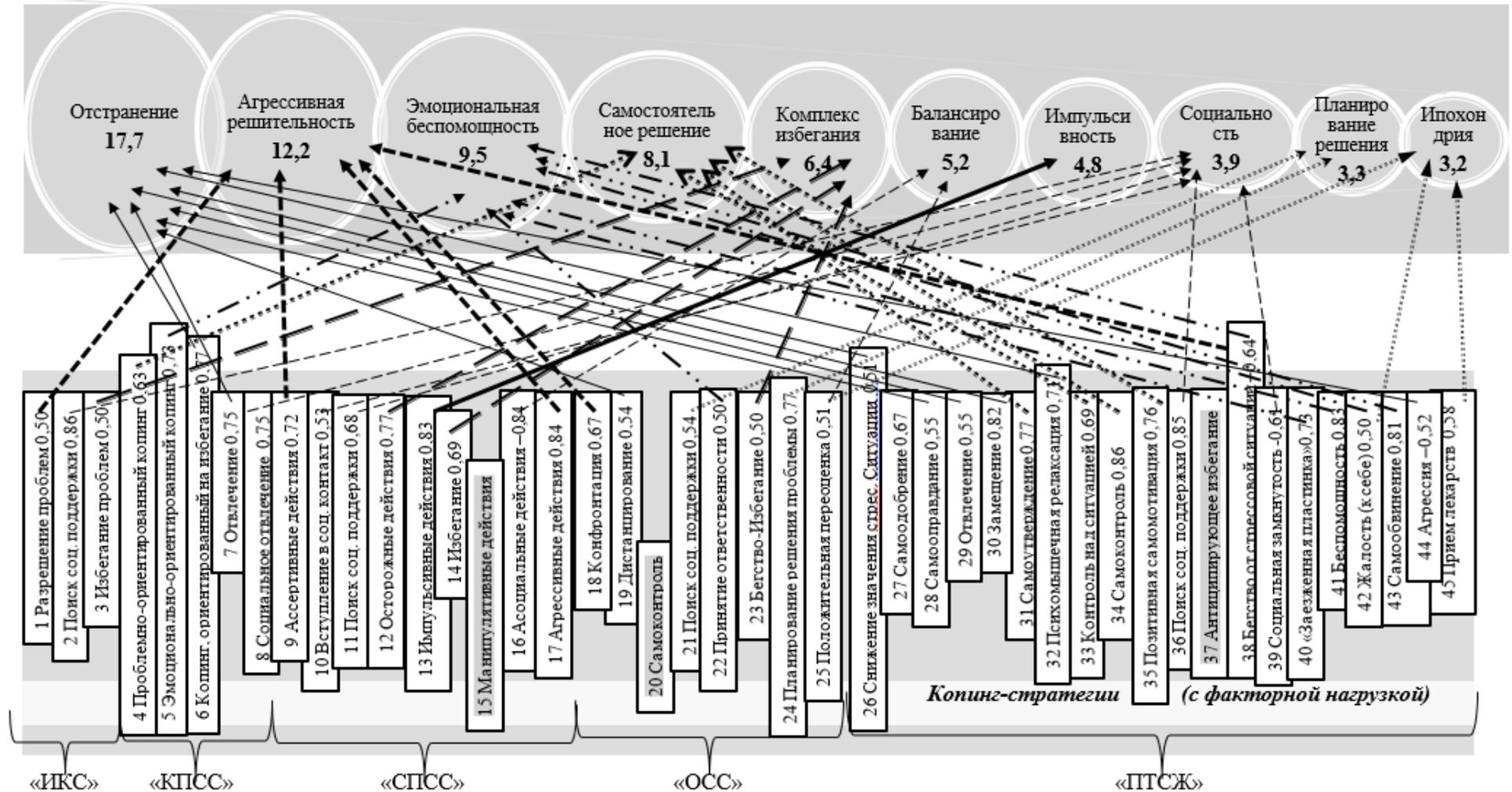

Рисунок Е.2 – Схема факторной модели РМК матерей детей с высоким уровнем психосоциального развития

НИЗКОЭФФЕКТИВНЫЙ РАННИЙ МАТЕРИНСКИЙ КОПИНГ

Компонент (фактор и процент дисперсии)

Психодиагностические методики

Рисунок Е.3 – Схема факторной модели матерей детей с уровнем психосоциального развития ниже среднего

НЕЭФФЕКТИВНЫЙ РАННИЙ МАТЕРИНСКИЙ КОПИНГ

Компонент (фактор и процент дисперсии)

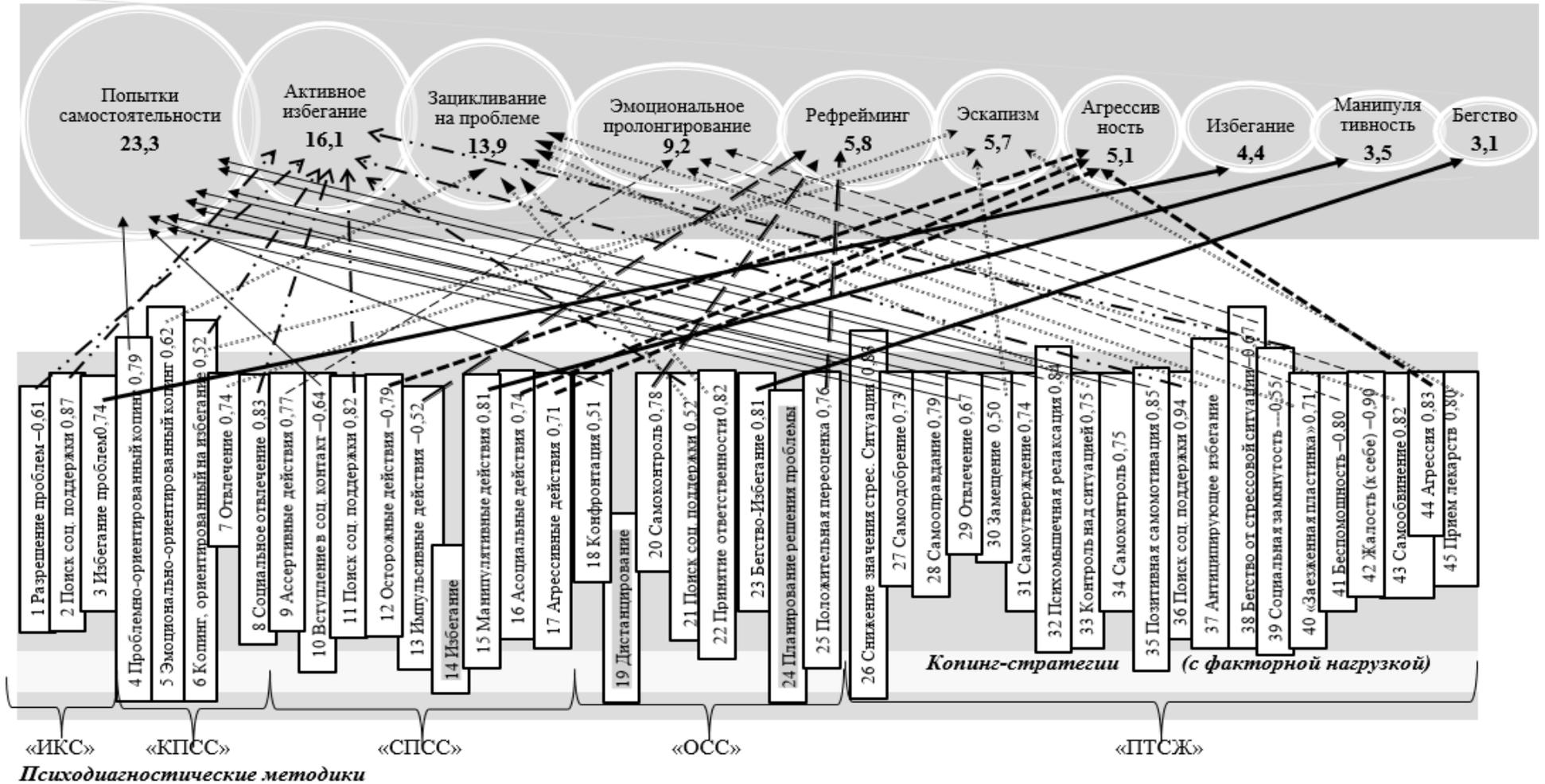

Рисунок Е.4 – Схема факторной модели РМК матерей детей с низким уровнем психосоциального развития

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Таблица результатов факторного анализа

Таблица Ж.1 – Сравнительный анализ результатов факторного анализа по шести методам, реализованным в исследовании

Метод выделения факторов	I*		II		III		IV		Общая	
	% **	Ф	%	Ф	%	Ф	%	Ф	%	Ф
Центроидный метод	70	10	53	8	67	10	83	10	50	7
Метод главных осей	71	10	53	8	67	10	83	10	50	7
Метод максимального правдоподобия	70	10	52	8	66	10	83	10	50	7
Метод минимальных остатков	71	10	53	8	67	10	83	10	50	7
Метод общности множественных коэффициентов детерминации	75	10	55	8	74	10	85	10	52	7
Метод главных компонент***	80	10	66	10	74	10	90	10	65	10

Примечание: *В таблице обозначены подгруппы испытуемых-матерей: I – матери детей с высоким уровнем психосоциального развития; II – матери детей со средним (нормативным) уровнем развития; III – матери детей с уровнем развития ниже среднего; IV – матери детей низким уровнем психосоциального развития; общая – эмпирическая группа в целом.

**В таблице обозначены следующие показатели: % – процент общей объясненной дисперсии факторного анализа; Ф – количество выделенных факторов.

***Жирным шрифтом выделен использованный в исследовании метод выделения факторов.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Краткое содержание программы «Ранний материнский копинг»

Модульный блок I. Материнско-детские группы «*Мама и тоддлер*».

Целью работы материнско-детских групп «Мама и тоддлер» является формирование у испытуемых экспериментальной группы эффективного модуса раннего материнского копинга, посредством освоения матерью определенных психолого-педагогических позиций и умений в отношении взаимодействия внутри системы «мать – ребенок раннего возраста». Данная цель конкретизировалась задачами:

1. Создание условий для матери, способствующих приобретению практического опыта взаимодействия с ребенком раннего возраста (тоддлером), через стимулирование и обогащение развития ребенка в разных видах деятельности (формирование и развитие предметных действий, игровой деятельности, развития общения и речи, познавательной активности ребенка), сопровождение матери в творческом поиске реализации своих возможностей при взаимодействии с ребенком.

2. Гармонизация материнско-детских отношений через развитие способности матери воспринимать состояния ребенка и подстраиваться к нему.

Формы работы: демонстрация матери приемов работы с ребенком; конспектирование матерью занятий, проводимых педагогом-психологом; выполнение домашних заданий со своим ребенком; реализация матерью творческих замыслов в работе с ребенком раннего возраста, обсуждение различных тем, касающихся ухода и воспитания малыша.

Условия проведения: в группу входят восемь детско-материнских диад (разница в возрасте детей не более трех месяцев). Рекомендуемое количество занятий – два раза в неделю. Курс рассчитан на девять месяцев. По желанию матери курс может быть продолжен до достижения малышом трехлетнего возраста.

Программа представляет собой систематизированное, структурированное изложение методического материала по работе с детьми в возрасте от одного года до трех лет их матерям в форме совместных групповых занятий с практической отработкой полученных знаний. В основу систематизации материала положены идеи

развития здоровых отношений в системе «мать – ребенок раннего возраста» и нормы психосоциального развития ребенка в обозначенный период. Программа состоит из трех основных частей, представленных в таблице И.1.

Таблица И.1 – Структура встречи в материнско-детской группе «Мама и тоддлер»

Основные части встречи	Продолжительность	Наименование составных частей встречи	Повторяемость
I. Вводная часть Свободная игра для детей	от 15-20 мин (пока собираются участники встречи)	Свободная игра для детей. Ребенок сам выбирает, чем ему заниматься. Все игрушки доступны для ребенка, он сам делает выбор.	постоянно
II. Основная часть 1. Ритуал приветствия Утренний круг	10 минут	Приветствие по кругу с каждым участником. Пальчиковая гимнастика. Формирование представлений о частях своего тела. Речь с движениями. Игры с дидактическими игрушками.	постоянно
2. Творческая часть	7 минут	Продуктивные виды деятельности: рисование, лепка, аппликация	чередование
3. Музыкально-ритмическая часть	7 минут	Музыкально-ритмические упражнения: игры с ручками, ножками; имитационные игры; игры на коленях.	постоянно
4. Настольные занятия	7 минут	Конструирование и др.	по выбору
5. Сказка	7 минут	Кукольный театр. Пальчиковый театр. Театр на столе.	чередование
III. Завершающая часть Ритуал прощания	3 минуты	Слова прощания в краткой стихотворной форме.	постоянно
Чаепитие	до 20 минут		по выбору

Модульный блок II. Социально – психологический тренинг «*Мамин круг*».

Для формирования положительного отношения к активному совладанию был организован «Мамин круг» с участием периодически приглашенных гостей – специалистов: 1) консультант по грудному вскармливанию; 2) детский диетолог; 3) детский психолог (тоддлер-консультант); 4) логопед; 5) педиатр (для обсуждения тем физического здоровья и развития, а также ознакомления матерей с основами оказания неотложной медицинской помощи маленькому ребенку, включая технику выполнения приема Геймлиха у детей); 6) женский, семейный психологи; 7) специалисты, практикующие релаксационные технологии, в т. ч. ароматерапевт,

рефлексотерапевт, скэнар-терапевт, специалист по дыхательным техникам, телесно-ориентированный терапевт и др. Кроме этого, состоялся ряд встреч с многодетными мамами и профессиональными нянями (бэбиситтер), успешно совладающими с повседневными проблемными ситуациями, возникающими в процессе ухода и воспитания ребенка раннего возраста. Обмен мнениями позволил находить точки соприкосновения, чтобы в дальнейшей работе они могли служить отправными для поиска общих выводов. Дети во время работы блока «Мамин круг» находились в игровом зале под присмотром специалистов по раннему развитию.

Целью работы блока «Мамин круг» является формирование социальной активности матерей, обучение навыкам использования эффективных копинг-стратегий в ситуации ухода и взаимодействия с ребенком раннего возраста. Данная цель конкретизировалась следующими задачами:

1. Профилактическая и просветительская задача: 1) преодоление материнской тревоги в отношении охраны и укрепления здоровья ребенка, через образование матери в данных вопросах; 2) повышение психологической грамотности и компетентности матери в области развития и воспитания ребенка, привнесение в воспитательную среду семьи психологического содержания, психологических технологий и средств.

2. Практическая задача: приобретение индивидуальных эффективных стратегий совладания: 1) отработать умение искать и просить о помощи и поддержке (социальной, эмоциональной и др.), когда в этом есть необходимость; а также сформировать или расширить репертуар копинг-стратегий, сосредоточенных на «поиск социальной поддержки», которые по своему содержанию приближены к проблемно-ориентированному копингу; т. е. сформировать базисную копинг-стратегию «Поиск социальной поддержки» во всех возможных ее конструктивных проявлениях; 2) отработать проблемно-ориентированную стратегию «Разрешение проблем» в ситуациях, которые имеют решение, а эмоционально-ориентированную стратегию «Положительная переоценка» – в том случае, если адекватное решение актуальной проблемы представляется невозможным; 3) сформировать навыки саморегулирования путем обучения элементарным релаксационным технологиям.

Организация и форма проведения занятий: социально-психологический тренинг. Выдерживается вся структура тренинга: разминка, основное содержание, практическое закрепление и рефлексия. Данная форма позволяет не только дать теоретические знания, но и сформировать эффективные копинг-стратегии.

Организация занятий «Маминого круга» проходит в соответствии со следующими принципами: 1. Принцип конфиденциальности – сохранение конфиденциальности всего происходящего в группе и анонимности членов группы. 2. Принцип активности участников группы: желание участников говорить о себе и принимать участие в тренировочных упражнениях, а также активно работать над заявленными проблемами. 3. Принцип персонификации – говорить от себя и про себя. 4. Принцип проблемности: оставаться в группе до тех пор, пока заявленные проблемы не будут решены. 5. Принцип сотрудничества и безоценочности: работа в группах основывается на признании ценности личности другого человека, его мнений, интересов; каждый участник группы имеет одинаковое право на внимание группы. Принципы конкретизируются в правилах группы (групповое соглашение), идущих от психолога (предназначены для безопасного общения группы) и от участников группы (не являются обязательными, но создают индивидуальность группы, атмосферу сплоченности, например, правило единой формы обращения – по имени и на «ты»; правило «стоп» – по первой просьбе участника остановить обсуждение его проблемы; ритуалы встречи и прощаний, наказаний опоздавшим и др.).

Методы и приемы осуществления программы «Маминого круга»: беседа, лекции специалистов, анализ конкретных ситуаций, выполнение тренировочных упражнений, в том числе подвижные игры и телесно-ориентированные упражнения, карточки совладания (Coping cards), методы групповой дискуссии, методы «репетиции поведения», элементы психогимнастики, релаксационные технологии.

Условия проведения: «Мамин круг» проводится один раз в две недели, наряду с материнско-детскими группами «Мама и тоддлер» (два раза в неделю). Матери работают в отдельном тренинговом зале, их дети находятся в игровом зале под присмотром тоддлер-консультантов (или дома). Средняя продолжительность

одной встречи составляет три – четыре часа, без учета перерывов. Занятия в группе носят закрытый характер, состав группы постоянный на протяжении всей работы.

Общая схема работы представлена тремя основными частями:

I. Вводная часть. 1. Приветствие. 2. Анализ предыдущего занятия (анализ того, что происходит в группе во время занятий, обмен впечатлениями и закрепление полученных ощущений, выяснение удовлетворенности работой в группе). 3. Запрос на предстоящее занятие.

II. Основная часть состоит из трех блоков: 1. Информационный блок или просветительский этап работы, в ходе которого в качестве основного метода передачи готовых знаний используются как традиционные лекции, так и лекции-беседы, лекции-дискуссии, лекции-консультации, и инновационные лекции – презентации, метод кейсов. На данном этапе даются представления об особенностях развития ребенка раннего возраста, специфики трудностей, возникающих у матери в процессе его воспитания, и способах совладания. 2. Прикладной этап работы представляет собой систему практических занятий. Цель этого этапа расширить существующий в сознании матери собственный образ «Я» путем интеграции полученной информации через специально спроектированные типичные ситуации, в которых приходится бывать участнику группы, а также через личностно-философские установки, полученные частично от психолога, частично от других участников группы, путем анализа примеров из жизни и т. д. Значительное внимание уделяется развитию способности к адекватной вербализации и визуализации своих переживаний. Основной акцент делается на обучении новым способам поведения в проблемных ситуациях, возникающих в процессе ухода, воспитания и непосредственного взаимодействия с ребенком. 3. Релаксация. Психолог и приглашенные специалисты других профилей обучают матерей элементарным релаксационным технологиям.

III. Заключительная часть включает рефлекссию (получение обратной связи, подведение общих итогов, осмысление своего эмоционального состояния, осознание важных жизненных целей) и церемонию прощания (выражение чувств к другим участникам группы, создание благоприятного социального климата, переход от работы в группе к повседневной жизни).

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Таблицы оценки статистической значимости различий между экспериментальной и контрольной группами до и после экспериментальных воздействий

Таблица К.1 – Оценка статистической значимости различий выраженности копинг-стратегий между экспериментальной и контрольной группами до начала формирующих воздействий

№	Методика	Показатели (шкалы опросников, копинг-стратегии, копинг-стили)	Средние баллы копинг-стратегий		Р-уровень
			ЭГ*	КГ	
1	«ИКС» Дж. Амирхана	Разрешение проблем	20,66667	19,87500	0,465919
2		Поиск социальной поддержки	19,54167	19,29167	0,870858
3		Избегание проблем	21,50000	20,33333	0,356303
4	«КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера	Проблемно-ориентированный	53,75093	54,33440	0,799433
5		Эмоционально-ориентированный	51,66747	47,70933	0,068133
6		Ориентированный на избегание	40,12613	41,20987	0,683179
7		Субшкала «Отвлечение»	17,66747	17,75080	0,959186
8		Субшкала «Социальное отвлечение»	13,70833	14,45833	0,547355
9	«СПСС» С. Хобфолла	Ассертивные действия	16,87500	17,16667	0,773826
10		Вступление в социальный контакт	19,58333	19,66667	0,941955
11		Поиск социальной поддержки	21,00000	21,79167	0,631730
12		Осторожные действия	20,91667	19,58333	0,208712
13		Импульсивные действия	18,45833	17,20833	0,174732
14		Избегание	20,83333	20,87500	0,978306
15		Манипулятивные действия	18,54167	19,25000	0,424460
16		Асоциальные действия	17,45833	17,66667	0,868271
17		Агрессивные действия	20,54167	20,79167	0,846470
18			Конфронтация	8,54167	8,20833
19	«ОСС» Р. Лазаруса	Дистанцирование	10,00000	9,29167	0,446122
20		Самоконтроль	12,29167	12,04167	0,771405
21		Поиск социальной поддержки	11,50000	10,87500	0,502773
22		Принятие ответственности	8,00000	6,66667	0,021545
23		Бегство-Избегание	14,33333	13,50000	0,362601
24		Планирование решения проблемы	10,08333	9,83333	0,733127
25		Положительная переоценка	9,91667	11,25000	0,149329
26		«ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна	Снижение значения стрес. ситуации	16,16667	15,08333
27	Самоодобрение		13,37500	13,70833	0,727388
28	Самооправдание		14,70833	14,62500	0,905425
29	Отвлечение		15,54167	15,54167	1,000000
30	Замещение		15,25000	15,08333	0,886802
31	Самоутверждение		15,87500	15,37500	0,629855
32	Психомышечная релаксация		15,29167	14,04167	0,282685
33	Контроль над ситуацией		18,95833	17,54167	0,212443
34	Самоконтроль		17,20833	17,04167	0,877375
35	Позитивная самомотивация		15,75000	17,08333	0,283785
36	Поиск социальной поддержки		16,08333	16,12500	0,977874
37	Антиципирующее избегание		19,08333	16,00000	0,019003
38	Бегство		16,75000	15,29167	0,163497
39	Социальная замкнутость		15,79167	13,29167	0,017600
40	«Заезженная пластинка»		20,12500	19,37500	0,498878
41	Беспомощность		14,95833	13,83333	0,179651
42	Жалость (к себе)		15,08333	13,83333	0,179012
43	Самообвинение		16,75000	15,41667	0,143187
44	Агрессия		16,79167	16,70833	0,955953
45		Прием лекарств	9,58333	10,08333	0,494999

*Приложение: ЭГ – экспериментальная группа; КГ – контрольная группа.

Таблица К.2 – Оценка статистической значимости различий выраженности копинг-стратегий до начала и после окончания формирующих воздействий в экспериментальной группе

№	Методики	Показатели (шкалы опросников, копинг-стратегии, копинг-стили)	Средние баллы копинг-стратегий		Р-уровень
			До	После	
1	«ИКС» Дж. Амирхана	Разрешение проблем	20,66667	24,08333	0,000019
2		Поиск социальной поддержки	19,54167	23,83333	0,001927
3		Избегание проблем	21,50000	18,70833	0,000467
4	«КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера	Проблемно-ориентированный	53,75093	58,41727	0,006425
5		Эмоционально-ориентированный	51,66747	50,00067	0,395125
6		Ориентированный на избегание	40,12613	36,75107	0,197031
7		Субшкала «Отвлечение»	17,66747	14,87553	0,077991
8		Субшкала «Социальное отвлечение»	13,70833	16,79167	0,008891
9	«СПСС» С. Хобфолла	Ассертивные действия	16,87500	22,25000	0,000002
10		Вступление в социальный контакт	19,58333	24,66667	0,000001
11		Поиск социальной поддержки	21,00000	24,45833	0,005506
12		Осторожные действия	20,91667	18,41667	0,008861
13		Импульсивные действия	18,45833	14,75000	0,000064
14		Избегание	20,83333	15,16667	0,000038
15		Манипулятивные действия	18,54167	15,00000	0,000048
16		Асоциальные действия	17,45833	14,08333	0,003075
17		Агрессивные действия	20,54167	14,91667	0,000000
18	«ОСС» Р. Лазаруса	Конфронтация	8,54167	6,75000	0,090442
19		Дистанцирование	10,00000	6,87500	0,000064
20		Самоконтроль	12,29167	14,08333	0,033024
21		Поиск социальной поддержки	11,50000	13,75000	0,015102
22		Принятие ответственности	8,00000	10,58333	0,002370
23		Бегство-Избегание	14,33333	11,04167	0,000018
24		Планирование решения проблемы	10,08333	13,83333	0,000002
25		Положительная переоценка	9,91667	12,75000	0,002133
26	«ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна	Снижение значения стрес. ситуации	16,16667	19,08333	0,009935
27		Самоодобрение	13,37500	16,95833	0,000049
28		Самооправдание	14,70833	17,87500	0,000070
29		Отвлечение	15,54167	17,04167	0,108249
30		Замещение	15,25000	17,00000	0,087478
31		Самоутверждение	15,87500	17,91667	0,065131
32		Психомышечная релаксация	15,29167	18,58333	0,001532
33		Контроль над ситуацией	18,95833	23,58333	0,000000
34		Самоконтроль	17,20833	23,08333	0,000000
35		Позитивная самомотивация	15,75000	21,75000	0,000001
36		Поиск социальной поддержки	16,08333	20,87500	0,000079
37		Антиципирующее избегание	19,08333	20,12500	0,400136
38		Бегство	16,75000	12,91667	0,000001
39		Социальная замкнутость	15,79167	11,00000	0,000000
40		«Заезженная пластинка»	20,12500	13,54167	0,000000
41		Беспомощность	14,95833	11,87500	0,000003
42		Жалость (к себе)	15,08333	12,04167	0,000475
43		Самообвинение	16,75000	14,54167	0,012106
44		Агрессия	16,79167	11,83333	0,000107
45		Прием лекарств	9,58333	7,79167	0,001718

Таблица К.3 – Оценка статистической значимости различий выраженности копинг-стратегий до начала и после окончания формирующих воздействий в контрольной группе

№	Методики	Показатели (шкалы опросников, копинг-стратегии, копинг-стили)	Средние баллы копинг-стратегий		Р-уровень
			До	После	
1	«ИКС» Дж. Амирхана	Разрешение проблем	19,87500	18,83333	0,435747
2		Поиск социальной поддержки	19,29167	20,08333	0,465599
3		Избегание проблем	20,33333	19,91667	0,783866
4	«КПСС» Н. Эндлера и Д. Паркера	Проблемно-ориентированный	54,33440	54,33440	0,487279
5		Эмоционально-ориентированный	47,70933	47,70933	0,714089
6		Ориентированный на избегание	41,20987	41,20987	0,800873
7		Субшкала «Отвлечение»	17,75080	17,75080	0,543460
8		Субшкала «Социальное отвлечение»	14,45833	14,45833	0,431116
9	«СПСС» С. Хобфолла	Ассертивные действия	17,16667	16,95833	0,126915
10		Вступление в социальный контакт	19,66667	19,08333	0,624490
11		Поиск социальной поддержки	21,79167	22,16667	0,643266
12		Осторожные действия	19,58333	20,20833	0,427437
13		Импульсивные действия	17,20833	18,41667	0,968694
14		Избегание	20,87500	21,16667	0,633505
15		Манипулятивные действия	19,25000	19,54167	0,026361
16		Асоциальные действия	17,66667	18,29167	0,619748
17		Агрессивные действия	20,79167	19,87500	0,406648
18	«ОСС» Р. Лазаруса	Конфронтация	8,20833	8,79167	0,672479
19		Дистанцирование	9,29167	9,91667	0,609597
20		Самоконтроль	12,04167	12,66667	0,556156
21		Поиск социальной поддержки	10,87500	11,12500	0,170671
22		Принятие ответственности	6,66667	7,04167	0,728029
23		Бегство-Избегание	13,50000	13,16667	0,158848
24		Планирование решения проблемы	9,83333	10,04167	0,400109
25		Положительная переоценка	11,25000	11,70833	0,249592
26	«ПТСЖ» В. Янке и Г. Эрдманна	Снижение значения стрес. ситуации	15,08333	14,45833	0,446146
27		Самоодобрение	13,70833	12,45833	0,956783
28		Самооправдание	14,62500	15,00000	0,435747
29		Отвлечение	15,54167	16,04167	0,465599
30		Замещение	15,08333	16,04167	0,783866
31		Самоутверждение	15,37500	15,41667	0,487279
32		Психомышечная релаксация	14,04167	13,50000	0,714089
33		Контроль над ситуацией	17,54167	15,16667	0,800873
34		Самоконтроль	17,04167	17,54167	0,543460
35		Позитивная самомотивация	17,08333	18,04167	0,431116
36		Поиск социальной поддержки	16,12500	16,83333	0,126915
37		Антиципирующее избегание	16,00000	16,62500	0,624490
38		Бегство	15,29167	15,95833	0,643266
39		Социальная замкнутость	13,29167	14,62500	0,427437
40		«Заезженная пластинка»	19,37500	19,75000	0,968694
41		Беспомощность	13,83333	12,75000	0,633505
42		Жалость (к себе)	13,83333	13,12500	0,026361
43		Самообвинение	15,41667	16,54167	0,619748
44		Агрессия	16,70833	15,66667	0,406648
45			Прием лекарств	10,08333	10,04167